

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИСТОРИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ
ГЕНДЕРНЫХ ОТНОШЕНИЙ В АНТИЧНОМ ОБЩЕСТВЕ**

**Выпускная квалификационная работа по направлению
44.04.01 Педагогическое образование
Направленность программы магистратуры
«Современное социально-историческое образование»
Форма обучения заочная**

Проверка на объем заимствований:
85,5 % авторского текста

Работа рекомендована к защите
рекомендована/не рекомендована

« 13 » 02 2025 г.

зав. кафедрой всеобщей истории

С.А. Лазарев Лазарев С.А.

Выполнила:

Студентка группы
ЗФ-305-269-2-1

Белокрылова Мария Анатольевна

Научный руководитель:

Кандидат исторических наук,
доцент кафедры всеобщей истории

С.А. Лазарев Лазарев Сергей Александрович

Челябинск
2025 год

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Гендерный фактор в античном обществе	30
1.1. Специфика гендерных ролей в античных обществах: оппозиция «мужское – женское».....	30
1.2. Гендерные аспекты мировоззрения античных обществ: анализ мифологической системы Древней Греции	60
1.3. Социокультурная активность женщин Древней Греции и ее влияние на общественно-идеологическую атмосферу, складывающуюся вокруг гендерных отношений	74
1.4. Социокультурная активность женщин Древнего Рима и ее влияние на общественно-идеологическую атмосферу, складывающуюся вокруг гендерных отношений	102
Глава II. Гендерный фактор в античных обществах: анализ идеологических взглядов античных философов	135
2.1. Пифагор.....	135
2.2. Сократ.....	138
2.2. Платон	143
2.3. Аристотель.....	148
2.4. Цицерон.....	154
2.5. Сенека.....	161
2.6. Плутарх	168
2.7. Сравнительный анализ позиций античных философов по «женскому вопросу».....	173
Заключение	181
Источники и литература.....	188

Введение

XXI век ознаменован кардинальными переменами мирового сообщества, которые находят свое отражение во всех сферах общественной жизни, начиная от частных отношений и заканчивая глобальными вопросами, затрагивающими основы жизни всего человечества. Существенные изменения видны и в развитии социокультурных систем, трансформация которых приводит к складыванию новых концептуальных принципов существования современного общества. Эти изменения касаются, в том числе, сферы гендерных отношений. Повышение роли человеческой личности, расширение возможностей каждого человека вне зависимости от каких бы то ни было критериев социальной дифференциации привели человечество к радикальному разрушению стереотипов. Исходя из этого, все более востребованными на сегодняшний день представляются гендерные исследования, рассматривающие понятие «гендер» как пол в социальном измерении для анализа общественных явлений и их трансформации.

Так, современная социальная наука проводит четкое различие между понятиями «пол» и «гендер», подразумевая под первым – обозначение анатомо-физиологических характеристик людей, на основании которых и определяются все человеческие особи как мужчины или женщины, в то время как «гендер» определяется как социокультурные ожидания общества в отношении мужчин и женщин, совокупность их нормативных поведенческих характеристик. Так, по выражению американского историка Дж. Скотт, «гендер становится способом обозначения культурных конструкций – идей, полностью социального происхождения, о соответствующих мужчинам и женщинам (как представителям

определенного пола) ролям... Гендер <...> является социальной категорией тела, имеющего пол»¹.

Подобная характеристика понятия делает совершенно очевидным то, что разные исторические периоды, этапы развития общества представляют перед нами разные прочтения понятий «гендер» и «гендерная идентичность», поскольку, пользуясь данной терминологией, именно в гендерных нормах и находят отражение идеалы и ценности в отношении содержания социальных ролей мужчин и женщин, доминирующие в обществе в конкретный период времени. В свою очередь, между гендерными нормами и состоянием социокультурных систем прослеживается взаимная связь: гендерные представления отражают состояние социокультурных систем, их нормативные основы, в то же время изменение гендерных представлений влечет за собой и изменения социокультурной системы – в результате в обществе транслируются новые идеи и ценности, формируются иные нормативы поведения для социальных полов. Так, четко очерченный общественный статус и мужчины, и женщины во все исторические эпохи подлежал изменению под влиянием конкретных условий.

Гендерные исследования сегодняшнего дня обращают свое внимание на то, как формировалось мировоззрение разных культурных эпох в отношении полов, как складывались и укоренялись гендерные стереотипы, проводившие разграничения между феминными и маскулинными характеристиками личности. И все же в русле данных вопросов особое внимание отводится рассмотрению роли и места женщины в обществе, поскольку именно ее реальный статус в частной и публичной сферах общества оказывается наиболее скрытым от наших глаз, так как в

¹ Скотт, Дж. Гендер: полезная категория исторического анализа / Введение в гендерные исследования. Ч. II: Хрестоматия – Санкт-Петербург, 2001 – С. 405-407.

исторических событиях ведущая роль, как правило, отводится все же мужскому полу. Подобный интерес к «женскому вопросу» объясняется и тенденциями нашего времени – сегодня мы наблюдаем очевидную трансформацию образа женского пола или активный процесс феминизации – возрастания доли участия женщин в разных сферах и процессах разной направленности.

Этот процесс, конечно, имеет свою предысторию. Остросоциальный характер темы напрямую влияет на деятельность ученых, стремящихся обозначить объективные причины и предпосылки социокультурных, поведенческих, мировоззренческих изменений женщин нашего дня.

Не секрет, что античность сформировала патриархальное мировоззрение, которое все же остается актуальным и по сей день, потому является важным этапом в формировании отношений между полами, в частности, гендерных стереотипов общества в целом. Однако демократические тенденции, лежащие в основе гендерных исследований, заставляют нас вновь обращаться к истокам античного мировоззрения, к истории античных обществ. Так, не отвергая идеи о патриархальных основах античных обществ, современные исследователи приходят к выводу о существовании аналогии в историческом развитии древнего и современного мира или, упрощая, ученые утверждают, что слом гендерных стереотипов в отношении оппозиции «мужское – женское» начался еще в античный период. Это отражено как в социокультурной активности отдельных личностей, которые своей деятельностью влияли на трансформацию общественного сознания в отношении полов, так и в том, что резонансный «женский вопрос», волнующий людей современности, занимал и мыслителей древности.

Философская мысль Древней Греции дала начало многим отраслям научных знаний, в числе которых и гендерные исследования как направление социальных и гуманитарных наук. Так, в трудах античных

философов (например, Сократ, Платон, Аристотель) отмечены аспекты разграничения социальных ролей мужчины и женщины. Некоторые исследователи утверждают, что именно в античной философии зародились первые сомнения к объяснению гендерного неравенства в обществе с точки зрения биологического подхода. Например, Платон (который все же считается представителем патриархальной традиции) полагал, что оценки общества в отношении характерных черт и социальных ролей, связываемых с мужчинами и женщинами, ни что иное как стереотипы, а потому часто не имеют под собой реальных оснований. Интересно, что именно этот подход и стал, начиная с XX века, ключевым для гендерной теории.

Не отвергая четко определенные представления об античных обществах как обществах патриархальных, интересным для нас представляется проследить идеологические истоки таких взглядов и выяснить, действительно ли гендерные стереотипы в отношении роли и положения женщины в обществе начали разрушаться еще в античности, а также мы попытаемся ответить на вопрос, можно ли говорить о том, что именно этот исторический период сформировал некоторые идеи гендерного равенства?

Актуальность выбранной нами темы обосновывается и многообразием научных трудов, посвященных гендерным отношениям в античности, что свидетельствует об интересе к этой проблеме, с одной стороны, а с другой стороны, отсутствием единой точки зрения по вопросу о распределении гендерных ролей в античных обществах, в том числе и о социальной роли женщины. Одни исследователи придерживаются мнения о том, что философские труды античных мыслителей надолго утвердили идею о доминировании мужского начала над женским, некоторые ученые даже выдвигают идею о существовании в рассматриваемых обществах концепции женоненавистничества. Другая группа историков утверждает,

что античность, напротив, несмотря на патриархальные устои общества, заложила основы, в том числе и идеологические, для восприятия женщин равными мужчинам, что в конечном счете повлияло и на формирование концепции феминистического движения в далеком будущем, и, как следствие, на складывание основных идей гендерного равенства. В этой связи интересен тот факт, что зачастую и теоретические идеи философов Древней Греции и Древнего Рима, и мифологические представления античных обществ, и эпизоды истории используются современными идеологами движения женщин как аргументы в пользу необходимости разрушения гендерных стереотипов.

Но, конечно, женский вопрос не ограничивается только анализом трудов мыслителей. Наша задача – увидеть женщину в этом обществе, в повседневной и частной жизни, определить ее действительное социальное положение. Специфика гендерного поведения конкретного общества складывается на основании исторических, социокультурных, этнических, географических и иных факторах, в том числе на традициях и обычаях. В рамках своей темы мы остановимся на социокультурных факторах, поскольку они отражают формирование типизаций поведенческих установок полов на основании не только идеологических концепций, а также общественных представлений, деятельности конкретных личностей и культурных явлений.

В связи с этим необходимо рассмотреть деятельность женщин античности, увидеть их влияние на дальнейшее развитие общества, провести анализ представленных в мифологии мировоззренческих установок общества по вопросу гендерных отношений, а также изучить труды античных философов и выяснить их позицию по данному вопросу, небезынтересно будет и соотнести ее с реальным положением дел в семье каждого из мыслителей.

Исходя из вышесказанного, следует, что актуальность темы исследования обусловлена необходимостью:

- выяснения степени проработанности гендерного вопроса, а также вопроса о равенстве полов в античной философии;
- анализа древнегреческой и древнеримской истории на предмет социальной активности женщин, повлиявшей на разрушение гендерных стереотипов;
- определения позиции философов древности относительно гендерных ролей и восприятия женщины в античности для систематизации подходов исследователей к данному вопросу;
- выяснения ответа на вопрос, можно ли утверждать о том, что античная цивилизация заложила основы для возникновения в далеком будущем гендерных концепций с идеей равенства полов.

Кроме того, на наш взгляд, в научной литературе недостаточно изученными являются вопросы, во-первых, о месте женщин в судьбах античных политиков, общественных деятелей, философов, рассмотрение чего позволит сделать вывод о господствующих в античности идеологических воззрениях на эту проблему не только с точки зрения теории, но и практики. Во-вторых, отсутствует комплексный анализ вопроса о том, была ли трансформация в положении женщины в античных обществах, и отразились ли эти изменения в идеях философов древности.

Вопрос о гендерных отношениях довольно распространен в антиковедении. Историографию исследования составляют труды западных и отечественных историков, в которой находят отражение общие теоретические вопросы, связанные с распределением гендерных ролей, взаимоотношениями между полами, а также становлением женской идентичности и положении женщины в античном обществе.

Большое количество зарубежных исследований направлено на рассмотрение аспекта гендерного распределения ролей в античных

обществах по материалам повседневной жизни древних гречанок и римлянок. Также в своих трудах некоторые западные историки, анализируя деятельность представительниц женского пола разных категорий, рассуждают о трансформации общественных представлений в отношении гендерных стереотипов, заключавших женщину в сферу частно-семейного пространства, и проявлении женской свободы в процессах разной направленности.

Французский историк К. Брюле в работе «Повседневная жизнь Древнегреческих женщин в классическую эпоху» замечает противоречие между идеей о подчиненном положении афинских женщин и признанием их высокой роли в культе Афины – главной богини города. Утверждая о постепенном смягчении и стирании стереотипов в отношении женского пола, исследователь приходит к выводу о том, что этот процесс стал следствием эволюции нравов греческого общества в сторону распушенности и стирания четко очерченных границ между дозволенным и запрещенным.

К вопросу о культе Афины и роли женщин в его отправлении обращался основатель Всемирной исторической энциклопедии Джошуа Дж. Марк, который утверждал, что религиозная сфера жизни полиса (в частности, культ Афины) позволяла женщинам наравне с мужчинами участвовать в жизни города, пользоваться авторитетом и уважением.

Швейцарский историк А. Боннар в труде «Греческая цивилизация», напротив, утверждает, что женщина в Древней Греции не имела никакой возможности выхода из сферы ограничений, установленной вокруг нее обществом. Так, антиковед высказывает мнение о том, что гречанки фактически приравнивались к рабам вследствие своего бесправного положения. Этот факт кажется автору парадоксальным, учитывая, что Древняя Греция – родина демократии. В рассуждениях историк ссылается на «Поэму о женщинах» Семонида Аморгского, которую А. Боннар

оценивает как злую сатиру на женщин, отражающую распространенное в обществе мнение относительно женской природы.

Польский историк Л. Винничук в труде «Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима», сравнивает характеристики институтов частной жизни – например, семья, брак, в древнегреческом и древнеримском обществах. Отмечая невысокое отношение к супругам – гречанкам, Л. Винничук обращается к сущности брака, главную цель которого составляло лишь рождение потомства, и к тому же, часто, по утверждению историка, брак заключался по расчету. В совокупности эти факторы отражались на отсутствии близких отношений в древнегреческой семье, от того и женщина не становилась хоть сколько-нибудь значимым субъектом этих отношений.

Исследование Е. Вардимана «Женщина в древнем мире» посвящено женщинам разных цивилизаций. Автор транслирует процесс перехода от возвышенного положения женщин в культуре, мифах и древних религиях к вытеснению женского пола из общественной иерархии. По его мнению, мы не находим признания и уважения личности женщины в античности, а лишь видим обвинения женского пола во всех несовершенствах жизни. Альтернативную возможность для античной женщины автор видит лишь в проституции.

Англичанин Г. Лихт раскрывает нравственные принципы и вопросы гендерных отношений в работе «Сексуальная жизнь в Древней Греции». Историк воссоздает факты о бытовой семейной жизни свободных гречанок, заключенных в рамки двух обязанностей – рождение потомства и занятие домашним хозяйством, придерживается идеи о существовании гинекея в греческом доме. Наряду с этим, Г. Лихт большое внимание уделяет возможностям выхода женщин за пределы обозначенных сфер путем причисления к гетерам, показывает значение гетеризма в общественной жизни древних греков и уделяет внимание его отдельным

представительницам – Никарете и Аспазии, повлиявшим на общественные представления о женском поле.

К личности Аспазии обращается в произведении «Перикл и Аспазия» польский исследователь А. Кравчук. В труде он приводит факты биографии знаменитой гетеры, ставшей супругой одного из самых влиятельных политиков своего времени – Перикла. А. Кравчук утверждает, что появление Аспазии коренным образом повлияло на изменение стереотипов в отношении мужского и женского достоинства, господствующих в античности.

К положению римских женщин обращался П. Гиро в труде «Частная и общественная жизнь римлян». Историк выдвинул предположение, что римские женщины признавались достойными членами гражданского коллектива, а потому затворничество не является характеристикой их жизни – они имели свободу, в частности, хозяйственную самостоятельность. Так, утверждает П. Гиро, постепенно общественное мнение привело к женской эмансипации.

О повседневной жизни женщин в Древнем Риме рассуждали французские исследовательницы Д. Гуревич, М.Т. Рансат-Шарлье. Они выдвигают идею о постепенной трансформации общественного мнения в отношении женского пола в Риме под влиянием исторических условий, что отразилось на закреплении юридического статуса женщин и их стремлении к осуществлению мужских ролей – участие в публичных сферах и реализация властных отношений.

Положению римлянок посвящено исследование Дж. Перси Бэлдсона «Женщины Древнего Рима. Увлекательные истории жизни римлянок всех сословий», где автор рассматривает вопрос о женском участии в политике первых императоров, общественную жизнь древних римлян и приходит к выводу, что женщины Рима играли значимую роль и оказали огромное влияние на ход истории этой цивилизации.

Упоминаемый нами историк А. Кравчук посвятил деятельности ярких женщин Древнего Рима труд «Галерея римских императриц», где исследователь приводит биографию всех известных женщин, так или иначе связанных с императорским домом. Историк демонстрирует влияние неофициальных императриц на историю Рима, подводя к выводу о том, что римская история вершилась не только великими мужчинами.

Историк – антиковед Т. Шпет в статье «Власть женщин в ранней Римской империи? Критический взгляд на исторические представления о женах цезарей», во-первых, анализирует изменение правового статус римянки на основании трансформации института опеки и наделении ее дееспособностью в отношении собственного имущества, во-вторых, проводит подробное изучение вопроса влияния женщин императорского дома на политическую сферу жизни Рима. Историк приходит к выводу о том, что, не обладая властью как таковой в своих руках, тем не менее, матери и супруги первых императоров опосредованно оказывали большое влияние на политику государства, поскольку имели воздействие на мужчин, которым официально принадлежали властные функции. И, по мнению автора, подобное явление влияния женщины на мужчину наблюдалось и в простых семьях древнеримского общества, однако, заключает автор, результаты воздействия на императора будут куда выше, чем на обычного гражданина или сенатора.

Интересным вопросом, к которому обращаются современные исследователи, является вопрос о воздействии античной мифологии, в частности и гендерного вопроса, нашедшего свое отражение в мифологической системе, на сознание и мировосприятие людей сегодняшнего дня. Так, британский эллинист Р. Бакстон в исследовании «Греческая мифология, сформировавшая наше сознание», анализирует мифы об амазонках, которые напрямую повлияли на разрушение стереотипов о слабости женской природы, в том числе и в нашем

обществе, что отражено в широком использовании образа самодостаточных и независимых амазонок в продуктах популярных кинокомпаний. Американский психоаналитик Дж. Ш. Болен известна своей разработкой мужских и женских психотипов в соответствии с образами богов пантеона греческой мифологии.

Таким образом, наибольшее количество работ в западном антиковедении посвящено распределению гендерных ролей в античных обществах, а также повседневной жизни женщин Древней Греции и Рима, которая зачастую позволяла играть ненормативные для женщины роли. Также большое внимание западных историков уделено портретам отдельных гречанок и римлянок, и в особенности женщин, приближенных к императорам Рима.

В отечественной историографии исследователи анализируют вопросы конструирования в античных обществах гендерных различий, основанных на противопоставлении мужского – доминирующего и женского – подчиняющегося начала. Другие историки, основываясь на использовании гендерного подхода к рассмотрению социальных реалий античного общества, утверждают о том, что образ женщин не соответствовал тем представлениям, которые содержатся в исключительно «мужских» источниках, а потому заключают, что гендерные стереотипы в рассматриваемом обществе преодолевались и, тем самым, складывались идеи о гендерном равенстве.

Профессор Г.А. Брандт в труде «Человек на обочине, или «Место» женщины в истории европейской философии» утверждает, что философия античного общества предопределила представление о женщине, как о некой «особенности» по отношению к «норме», эталону человека – мужчине, при этом во всех случаях, утверждает философ, эта «особенность» воспринималась в негативном ключе, как «дефект».

Рассуждая о предпосылках зарождения представлений о гендере в античной философии, исследователи Е.А. Кипервар и М.А. Севелова в своей статье утверждают о доминировании в античности мужского начала над женским и делают вывод о том, что «мужское» и «женское» разделялись древними философами как две противоположные части, одна из которых была опасной для человека – женская, а другая, мужская, – благоприятной. В такой же степени мыслители упорядочивали мир на противопоставлении света и тьмы, неба и земли, жизни и смерти и т.д.

Про оппозицию «мужского» и «женского» в античности рассуждает и культуролог А.В. Шипилов. Анализируя гендерные отношения в Древней Греции и Древнем Риме, исследователь делает вывод, что степень развития античного полиса как коллектива наделенных правами и возможностями мужчин прямо пропорциональна степени дискриминации представительниц женского пола и обратно пропорциональна степени женского равноправия. При этом автор отмечает, что степень противопоставления мужчин и женщин изменялась в разные исторические периоды, например, максимального расцвета она достигает в эпоху господства демократии в Афинах, более слабой представляется в эпохе Гомеровского эпоса в истории Древней Греции, а также в имперской эпохе Рима. А.В. Шипилов проводит анализ и античной литературы, где женщина, по мнению культуролога, представляется исключительно отрицательным персонажем.

Российский историк – антиковед И.Е. Суриков также придерживается традиционного для науки подхода, согласно которому женщина не признавалась хоть сколько-нибудь значимой фигурой в античном мире. В труде «Античная Греция: Ментальность, религия, культура» исследователь демонстрирует зависимость между степенью демократизации древнегреческого общества и приобретением женщиной все более зависимого положения, выхода из которого не существовало.

Отдельное внимание И.Е. Суриков уделяет явлению гетеризм, отмечая, что образ гетер позволяет нам судить о представлениях древних греков о том, какой на самом деле должна быть женщина, и, как мы видим, женщина – гетера в максимальной степени похожа на мужчину в гендерном смысле, т.е. обладает близкими к мужским интересами. Однако, по мнению историка, это свидетельствует не о выдвигании некоторых сомнений в биологической природе неравенства, а лишь позволяет нам заключить о господстве маскулинного начала, которое определяло всю жизнь древних греков. В идеях И.Е. Сурикова, пожалуй, возможность увидеть какую-либо роль женщины, кроме тех, что связаны с семьей и домом, можно только обратившись к феномену «политических браков».

В полемику с И.Е. Суриковым вступают историки Л.Л. Селиванова и Ю.С. Обидина. В своих трудах, касающихся гендерных исследований в античности, авторы подчеркивают, что скудность сведений в источниках о фактическом положении женщины, ее жизни, не позволяют в полной мере оценить распределение гендерных ролей в рассматриваемых обществах, а лишь показывают представления мужчин о женщинах и мужские фантазии. Ю.С. Обидина в статье «И все-таки Адам и... Ева: греческая женщина в свете современных гендерных подходов» утверждает, что применение гендерного подхода позволяет увидеть неоднозначность предрассудков в понимании человека по принципу пола в античности, так автор заключает о гораздо большем количестве фактов, свидетельствующих о высоком положении античной женщины, среди них – источники по религиозной жизни древних греков, сведения о материнстве и детстве, а также данные о маргинальных женщинах (гетерах), которые играли значимую роль в жизни общества.

К иным, выходящим за рамки семейной жизни, позициям женщин в античном обществе обращается и историк А.В. Петров. В статье «Женщина в религии и философии античности» автор обращает свое

внимание на религиозную жизнь древних греков. Так, А.В. Петров утверждает, что несмотря на включение религиозной сферы как области публичного в поле деятельности мужчин, женщины наряду с ними занимали центральное место в ритуальной жизни полиса.

В рамках данной позиции ученых отметим статью российского историка В.В. Мархинина «Античная Греция: идея гендерного равенства». Основываясь на анализе античных пьес, трудов философов на предмет распределения гендерных ролей и отношения к античной женщине, исследователь заключает, что Платон стал «первым в мире феминистом». В то же время широкое освещение женской темы в произведениях разного характера периода V-IV вв. до н.э., по мнению исследователя, позволяет сделать вывод об актуальности для общества того времени проблемы «женского вопроса» и ее широком резонансе.

В.П. Бузескул в труде «Женский вопрос в Древней Греции» высказывается еще более категорично и утверждает о существовании в античной Греции женского движения, начавшегося со второй половины V в. до н.э. и ставшего следствием изменения общественных условий (это время, по мнению историка – эпоха Просвещения античности). Сегодня мы, конечно, не можем согласиться с историком о существовании организованного женского движения в патриархальном древнегреческом мире, однако долгое время его точка зрения считалась определяющей.

Традиционный сюжет для отечественной историографии, связанный с вопросом о гендерных отношениях – портреты наиболее известных представительниц античного общества, где отражался вклад женщин в изменение общественно-идеологической атмосферы, царившей в обществе по отношению к женскому полу.

К таким вопросам обращается Г. Левицкий в исследовании «В плену страстей. Женщины в истории Рима». Автор представляет биографии

женщин императорского дома, которые оказали значительное влияние на римскую историю.

Отдельно стоит сказать о сборнике статей разных авторов «Женщина в античном мире». Коллектив ученых стремился отразить различные аспекты жизни женщин в древности, показать их роль в государственном управлении, политической истории, осветить их социальный и общечеловеческий ракурс. Так, статья Ю.В. Андреева «Спартанская гинекократия» посвящена рассмотрению особого положения женщин в Спарте в сравнении с другими полисами. Н.А. Кривошта в работе «Демографические и психологические аспекты некоторых женских образов в греческой лирике и драматургии» поднимает проблему ограниченности демографических источников античности, поэтому основными источниками для нее становятся произведения драматургии. И.Л. Маяк анализирует на основании сравнения с древними гречанками роль женщин в раннем Риме и делает вывод об их влиянии на дальнейшую историю. Н. А. Чаплыгина в статье «Римская женщина в правление Августа» (1995) раскрывает положение женщин различных социальных слоёв в эпоху правления первого императора. По утверждению историка, женщина этого времени, вопреки сложившимся стереотипам, представляется не пассивной и угнетенной, а деятельной матроной, плоды влияния которой отражались в деятельности и народного собрания, и сената, и императора.

Значим в исследовании гендерного вопроса и труд С.Г. Фатыхова «Мировая история женщин», в котором российский ученый дает анализ фактического материала относительно женской идентичности в разные периоды существования человечества. Исследователь утверждает, что зависимое положение женщины сформировалось в рамках установления патриархата с господством мужского начала и отражает как факты совершенно бесправного положения античных женщин, так и

доказательства того, что и представительницы женского пола имели возможность выходить из этого состояния и занимать свое место в социальной иерархии наряду с мужчинами благодаря способностям, талантам и знаниям.

Анализ системы античной мифологии на предмет гендерных отношений не был бы возможен без обращения к трудам антиковеда, философа А.В. Лосева «Диалектика мифа» и «Античная литература». В частности, во втором исследовании автор говорит о двух периодах развития мифологии древних греков – первый из которых – доолимпийский – возник в эпоху матриархата, а потому во многих случаях подчёркивал главенство женского начала в устройстве мира, в то время как второй – олимпийский – возникает с переходом к патриархальному устройству общества, что привело к видоизменению образов женских богинь, наделению их, и, следовательно, женщин земного мира, четко очерченными функциями.

Любопытное мнение относительно распределения гендерных ролей в системе олимпийских богов высказывает российский ученый Г.Ч. Гусейнов. Исследователь утверждает, что многие персонажи древнегреческой мифологии – амбивалентной природы, т.е. одновременно сочетают как мужские, так и женские черты. Эта позиция особенно интересна при рассмотрении идеи Платона о андрогинах, которая служит показателем гармонического сочетания в каждом человеке и мужского, и женского начала, которое проявляется в разной степени сообразно индивидуально-личностным характеристикам человека.

Как было отмечено, вопрос о распределении гендерных ролей в античном обществе и формировании женской идентичности поднимается еще современниками, в частности античными философами, писателями, поэтами и драматургами. Таким образом, источниковая база работы представлена трудами мыслителей древности, в которых они рассуждают о

разных аспектах социальной жизни, в том числе и о распределении функций между членами общества, в т.ч. между мужчиной и женщиной, на основании идеологических взглядов на мужское и женское начало. Особую группу составляют литературные источники, но большинство из них лишь косвенно касаются анализируемой нами темы в контексте рассмотрения более широких вопросов о мироздании и жизни.

Нормативный взгляд на природу женщин и оценка их задач в жизни социума приводится в пьесах Еврипида. Так, главная героиня трагедии «Алкеста» предстает перед читателем как верная, послушная, преданная и молчаливая жена, готовая отдать свою жизнь за супруга.

Семонид Аморгский в произведении «Поэма о женщинах» представляет десять типов женщин, обличая, в сравнении с животными, пороки их характеров. Идеал жены автор видит в образе пчелы и заключает, что добродетельную женщину характеризует привязанность к мужу, закрытость от общества, молчаливость, рождение здоровых детей и умелое руководство домом. При этом, лирик утверждает, что женщина высшее «зло из зол».

Разные женские образы мы обнаруживаем в произведениях древнегреческого поэта – сказителя Гомера. При этом в его трудах женщина не всегда соотносится с негативными качествами личности, что проявляется и в описании богов олимпийского пантеона. Так, поэт говорит о почитании богами Геры, противопоставляет кровожадному и нерациональному богу войны Аресу Афину, которая выступает у Гомера как сторонница справедливой войны, не терпящая излишней жестокости и дикости.

Напротив, низость женской природы подчеркивает в своих произведениях Гесиод. В «Теогонии» древнегреческий поэт говорит о женщине как о наказании – за деяния Прометея Зевс карает людей созданной Гефестом по его приказу женщиной, которые предстают в

произведении писателя как «губительный род» и «прекрасное зло вместо блага». В поэме «Труды и дни» Гесиод и вовсе подчеркивает, что рождение ребенка большее благо в том случае, если рождается мальчик.

Поэты и драматурги, как и философы, часто транслировали в своих произведениях актуальные вопросы своего времени, в числе которых, по нашему мнению, был и вопрос возросшей социальной активности женщин, вопреки гендерным предрассудкам. Так, древнегреческий комедиограф Аристофан в V в. до н.э. издает три «женских» произведения – «Женщины на празднике Фесмофорий», «Женщины в народном собрании» и «Лисистрата», которые, являясь инверсией повседневного, показывают немислимые в реальной жизни ситуации, однако отражают интерес к вопросу об участии женщин в публичной сфере.

У римских писателей мы также находим подтверждения об изменении роли женщины и степени ее участия в жизни социума. Например, Овидий в «Науке о любви» осуждал выход женщин в традиционно мужскую сферу, коей считались театральные представления.

Идею о четком распределении гендерных ролей выражал и Ксенофонт, определяя порядочную женщину как добросовестную хозяйку, преданную супругу и хорошую мать. Однако в «Сократических произведениях» писатель не говорит о бесправном положении женщины в доме, а, напротив, подчеркивает ее роль в организации быта, а потому власть и авторитет женщины в доме.

Представителем типичного для античности взгляда на взаимоотношения полов стал Аристотель. Центральной идеей его учений становится высказанная в трактате «О возникновении животных» мысль о низости женской природы, которая стала отклонением от идеала – мужчины. В «Политике» философ продолжает эту идею и утверждает о четком распределении обязанностей внутри семьи между властвующим мужчиной и подчиняющейся женщиной, что также, по мнению философа,

вытекает из их природы. В этом же труде Аристотель обращается с критикой к Ликургу, который предоставил возможность спартанкам развиваться как интеллектуально, так и физически наряду с мужчинами, что привело к их свободному и независимому образу жизни. Этот факт, по мнению Аристотеля, и стал причиной упадка спартанского полиса.

Платон, как и его ученик Аристотель, также рассуждал о сущности мужского и женского начала и исходил из тех же позиций о низости, пассивности женщин в сравнении с доминированием активных мужчин – эти мысли прослеживаются в трактате «Пир». Однако вместе с тем в произведении «Государство» мыслитель отражает нетипичный для античности взгляд о разнице природы людей, которую мыслитель видит не столько в поле, сколько в тех характеристиках, которыми располагают люди – и мужчины, и женщины вследствие своих способностей, а их реализация, по мнению философа, доступна при получении образования. Так, рассуждая об участии в общественных делах, Платон считает, что и женщины должны наряду с мужчинами занимать свое место в социальной структуре общества.

Позицию более раннего древнегреческого философа Сократа в отношении гендерного вопроса мы обнаруживаем в трудах, созданных от его имени учениками. В частности, мнение Сократа передавал Платон в работах «Менон» и «Тимей», где отражены идеи мыслителя о том, что женская природа (в понимании качеств и характеристик личности) ничуть не хуже мужской, напротив, философ утверждал о равенстве добродетелей и необходимости развития для каждого пола.

Взгляд на женскую идентичность и отношения мужчин и женщин в римской истории дает государственный деятель, оратор Марк Туллий Цицерон. Философ в трактатах «О государстве», «Об обязанностях» отражает традиционный взгляд на определение места женщины и мужчины в обществе, не позволяя женскому полу заниматься публичной

деятельностью. Но в отношении положения женщин в сфере частной жизни Цицерон высказывается довольно радикально – В «Тускуланских беседах» женоненавистничество он относит к людским порокам, в трудах «О государстве», «О законах» философ представил идеи о равенстве всех людей по природе и о существовании естественного закона, который должен распространяться на всех в равной мере и степени. Помимо этого, труды Цицерона «О пределах добра и зла», а также «О государстве» подчеркивают перемены в отношении к ценности брачного союза – древнеримский мыслитель отводит главную роль в оформлении брака любви и взаимным теплым чувствам, что демонстрирует и в своей личной жизни, примером чего служит письмо «Жене и детям, в Рим», где автор с особым уважением и почтением говорит о своей супруге и детях.

Взгляды другого древнеримский мыслителя Сенеки схожи с позицией Аристотеля. Философ, ставя своей задачей возрождение традиционных представлений об устройстве общества, возвращается к идее противопоставления идеальных мужских качеств как высшего начала, порочной и несовершенной натуре женщины, поскольку мужчина с его наилучшими характеристиками является опорой стабильного общества. Перечисление негативных качеств женщин, порицание эпизодов изменения природы как мужчинами, так и женщинами встречается в таких произведениях Сенеки, как «О блаженной жизни», «О стойкости мудреца», «О природе», «О гневе». В то же время произведения философа содержат утверждения о равной доблести мужчин и женщин и о необходимости обучения женщин основам наук, что позволяло достичь им нравственного совершенствования. Эти идеи представлены в трудах «Утешение к Марции», «Утешение к Гельвии», «Нравственные письма к Луцилию».

Плутарх также следует классической концепции и в труде «Наставления супругам» отводит мужчине высшее начало, системообразующую роль, однако же признает за женщиной и доблесть, и

необходимость занятия интеллектуальным трудом. В этом же трактате философ, вслед за Цицероном, говорит о любви как о необходимом факторе, вокруг которого и должен возникать брачный союз. К тому же Плутарх стал автором первой книги, говорящей только о женщинах «Изречения спартанских женщин», что отражает данную философом высокую оценку образа жизни и системы мыслей независимых спартанок. В труде «О доблести женской» мыслитель на основании исторических свидетельств приводит примеры проявления женщинами мужества, что не вписывается в нормативную концепцию представлений о природе мужского и женского начал.

Помимо философских трактатов мыслителей, особый интерес для нас имеют труды античных биографов, историков и римских юристов.

Диоген Лаэртский в работе «О жизни, учениях и изречениях античных философов» позволяет нам увидеть личную жизнь видных деятелей и философов античности. Так, показателен для нас эпизод из личной жизни Аристотеля, который отражает его реальное отношение к супруге и семье – биограф приводит завещание философа, текст которого позволяет нам заключить, что в основе союзов мыслителя было уважение, почитание и общность интересов в обучении наукам. Также у Д. Лаэртского мы находим сведения о жизни Сократа и его жены Ксантиппы, которая оказывала значительное воздействие на становление философа. Кроме того, биограф позволяет нам увидеть и женскую историю на страницах своего труда – сведения об образованных женщинах своего времени – Арете Киренской и Гипархии, оставивших после себя труды научных изысканий.

Биографии отдельных личностей также стали предметом «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха. Сведения, содержащиеся у биографов, позволяют нам сопоставить идеологические взгляды философов на предмет отношений между мужчиной и женщиной и

представлений о женской природе, выраженных в научных трудах и реальную жизнь мыслителей, что часто содержит под собой противоречивость воззрений и фактов личной биографии.

Важные сведения об истории женщин, в частности о биографии, деятельности древнегреческих женщин, неофициальных римских императриц и отношении к ним общества, приводит Страбон в «Географии» (описание поэтессы Сапфо, которая получила от географа звание «лучшей женщины в поэзии»).

Тит Ливий в труде «История Рима от основания города» подробно описывает обстоятельства жизни женщин императорского дома Рима, особенное восхищение вызывает у него жена Октавиана – Ливия, в то время как порочащую репутацию у историка получила жена Клавдия Мессалина. Историк дает характеристику и другим женщинам империи – например, в характере Агриппины Младшей – второй супруги Клавдия и матери Нерона, Тит Ливий видит исконно мужские черты, которые направляли женщину к власти. Так же историк демонстрирует важную для понимания трансформации женского поведения и роли женщин в римском обществе речь Катона за отмену Оппиева закона.

Сведения о распределении гендерных ролей в высших слоях общества Рима мы можем подчерпнуть в произведении Гая Светония Транквилла «Жизнь двенадцати цезарей». Сочинение историка ценно тем, что оно, наряду с общественной стороной деятельности цезарей, отражает их внутреннюю, домашнюю жизнь, а потому предметом рассуждений становятся и приближенные к императорам женщины.

В числе трудов римских историков, анализирующих политические события в Риме, а также отражающих влияние на эти события женщин – труд Конелия Непота «О знаменитых иноземных полководцах», «Описание Эллады» Павсания.

Другим важным трудом, дающим обзор политических событий в Риме, на исход которых оказали влияние женщины, является работа Луция Аннея Флора «Эпитомы», а также «Римская история» Диона Кассия.

Таким образом, проведенный обзор исторической литературы позволяет нам сделать вывод об отсутствии единого мнения среди историков-антиковедов по вопросам распределения гендерных ролей, представлений о женской идентичности и степени проявления индивидуально-личностного начала античной женщины в социуме. При наличии идей в научной среде о возникновении в эпоху античности идеологических мыслей о гендерном равенстве, а также при существовании предположений о неоднозначности трактовок в восприятии женщины, все же большая часть исследователей исходит из принципа понимания женского пола античности как бесправного члена общественного коллектива, что диктовалось представлениями о биологической природе неравенства между мужчиной и женщиной. Действительно, такие мысли формулирует античная философия. Вместе с тем, проведя обзор источников, мы убедились в том, что многие из философов античности обращаются к гендерному вопросу в попытках определить мужскую и женскую идентичность и обосновать свой вариант распределения гендерных ролей в обществе. К тому же историки – антиковеды отмечают социокультурную активность отдельных женщин, которая привела к разрушению гендерных стереотипов и трансформации общественного положения женщины. Закономерно встает вопрос: можем ли мы абсолютно точно быть убеждены, в том, что гендерные роли в античности распределялись в соответствии с лишением женщины индивидуально-личностного начала и заключением ее в сферу частно-семейных интересов или же античная цивилизация с его строго патриархальным укладом действительно заложила как основы для

устранения в будущем гендерных стереотипов, так и некоторые идеи гендерного равенства?

Таким образом, проведенный историографический анализ и выявленные источники обусловили определение цели, задач, объекта и предмета выпускной квалификационной работы.

Цель – социокультурный анализ гендерных отношений античного общества в контексте становления ключевых положений концепции гендерного равенства.

Для реализации данной цели необходимо решить следующие задачи:

1. проанализировать представления античных обществ по гендерному вопросу, составными элементами которого являются проблемы идентичности мужчин и женщин, распределения гендерных ролей, тема взаимоотношений между полами, а также вопросы доступа женщин и мужчин как социальных групп к общественным благам – образование, культурная деятельность и т.д.;

2. провести культурологический анализ гендерных аспектов мировоззрения античных обществ путем обращения к мифологической системе;

3. рассмотреть и проанализировать социокультурную активность женщин античности, ее влияние на общественно-идеологическую атмосферу, складывающуюся вокруг гендерных отношений как в Древней Греции, так и в Древнем Риме;

4. изучить труды античных философов на предмет идеологических истоков гендерного вопроса (категории «мужское» и «женское», идентичность полов, гендерные роли, концепция гендерного равенства);

5. проанализировать семейно-бытовую жизнь философов и соотнести идеологические воззрения мыслителей античности с фактами их личной биографии.

Объектом данного исследования являются гендерные отношения в античном обществе.

Предмет исследования – социальный статус женщины античного общества, его трансформация в контексте становления концепции гендерного равенства.

Гипотеза исследования заключается в научном предположении, что социокультурный анализ гендерных отношений в античном обществе позволит заключить о признании в патриархальных античных обществах возможности реализации женщинами индивидуально-личностного начала, и, как следствие, идеологическом оформлении некоторых идей концепции гендерного равенства.

Хронологические рамки исследования охватывают весь период Античности – VIII в. до н.э. – VI в. н.э.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, системности. В качестве подходов исследования выступают гендерный подход, поскольку основное внимание уделяется социальному конструированию пола; системный подход, в рамках которого комплексно рассматривается гендерный вопрос в античности с акцентом на положение женщины, анализируются учения античных философов относительно вопроса о гендерных ролях, который имеет свою внутреннюю структуру, находится во взаимосвязи с другими социальными явлениями античного мира.

Направление научного исследования - фундаментальное научное исследование, так как в работе происходит глубокое и всестороннее исследование предмета с целью оформления концептуальных идей, выяснения закономерностей развития гендерного вопроса в античности,

систематизации имеющихся знаний относительно идеологических истоков концепции гендерной теории в древности.

В процессе разработки темы были использованы как общенаучные, так и специальные исторические методы. На этапе отбора и знакомства с литературой по данной теме применялись такие методы, как анализ, синтез, сравнение, обобщение, составляющие основу теоретической базы исследования. К группе специальных исторических методов относятся сравнительно-исторический метод, который позволил выделить и систематизировать общие и различные черты в трудах античных философов относительно гендерного вопроса в античности, сопоставить изменения в социальном положении женщин с историческими условиями. С помощью историко-генетического метода удалось последовательно рассмотреть развитие и изменение общественно-идеологической атмосферы, складывающейся вокруг отношения к женщине в греческом и римском обществах. Так же был применен метод сравнительного анализа, формально-логический метод.

Научная значимость проведенного исследования состоит в том, что был предпринят комплексный анализ становления и развития гендерного фактора в античности, который проявился в распределении гендерных ролей, формировании мужской и женской идентичности, трансформации содержания этих понятий в соответствии с изменением исторических условий и общественного сознания, что нашло свое отражение (и одновременно явилось следствием) как в социокультурной активности общества и его отдельных членов, так и проявилось в идеологическом оформлении данных вопросов в трудах античных философов, что позволило заключить о возникновении в античности некоторых идей концепции гендерного равенства.

Структура работы представлена введением, двумя главами, заключением, списком источников и литературы.

В первой главе отражена специфика гендерных ролей в античных обществах, что выражено в оппозиции «мужское – женское», проведен анализ мифологической системы Древней Греции на предмет распределения гендерных ролей и отношений между богами и богинями, а также показана трансформация общественно-идеологической атмосферы, складывающейся вокруг гендерных отношений в Древней Греции и Древнем Риме, под влиянием социокультурной активности отдельных личностей.

Во второй главе анализируются сочинения античных философов относительно гендерного вопроса. Рассматриваются идеологические взгляды на природу женщин и мужчин, специфику распределения гендерных ролей и особенности выстраивания взаимоотношений между полами таких известных мыслителей как Пифагор, Сократ, Платон, Аристотель, Цицерон, Сенека и Плутарх.

Глава I. Гендерный фактор в античном обществе

1.1. Специфика гендерных ролей в античных обществах: оппозиция «мужское – женское»

Перед тем, как мы начнем анализировать сформированные античным обществом представления о нормативах поведения, предписываемых как мужчинам, так и женщинам (акцентируя свое внимание все же на формировании женской идентичности), необходимо условиться о том, с каких позиций мы будем рассматривать древнегреческое и древнеримское общества в попытке отразить процесс разрушения гендерных стереотипов (трансформации гендерных ролей) и начальное складывание идеи гендерного равенства.

Для начала обратимся к представленным выше понятиям. Гендерное равенство (равенство полов или эгалитарность), согласно современным подходам, предполагает, что мужчины и женщины должны иметь равные доли в социальной власти, равный доступ к общественным ресурсам. При этом равенство полов, по мнению социологов, не является тождеством полов, поскольку мы не можем исключить биологических различий между мужчинами и женщинами¹. Рассуждая в рамках представленного определения, конечно, мы не можем говорить о наступлении или осознанном продвижении античного общества в сторону формирования какого бы то ни было гендерного равенства (достижение одинаковой с мужчинами доли в социальной власти), как и вести рассуждения на тему того, что женщины античности вели активную, организованную борьбу за свои права. Подобный перенос современных понятий в отношении исследуемой нами эпохи недопустим, и никто не ставит под сомнение

¹ Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] / сост. А.А. Денисова. // Портал «Женщина и общество». URL: <http://www.owl.ru/gender/270.htm> (дата обращения: 11.01.2025).

патриархальный уклад античности, в котором функции мужчины и женщины как членов коллектива (гражданской общины) были отчетливо распределены между публичной сферой для первых, сферой частных семейно-бытовых отношений для вторых. При этом четкая реализация предписываемых обществом каждому человеку функций в конечном счете обуславливала степень стабильности этого общества. Однако в каком же ключе следует рассматривать истоки формирования идеи гендерного равенства? Для ответа на этот вопрос мы обратимся к понятию «гендерные стереотипы».

Гендерные стереотипы – сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины¹. Гендерные стереотипы, по мнению социологов, формировались в общественном сознании потому, что модель гендерных отношений исторически складывалась так, что половые различия всегда превалировали над личностными, индивидуальными различиями между мужчиной и женщиной.

Так, обращаясь к античности, мы увидим, что в философии того периода утвердилась идея о доминировании мужского начала над женским, при этом первое мыслилось как высшее и более совершенное не только на уровне человеческой личности, но и на онтологическом уровне. «Мужское» и «женское» являлись одной из основных бинарных оппозиций, с помощью которых мыслители древности пытались упорядочить окружающий мир, наряду с такими дихотомиями, как свет и тьма, небо и земля, жизнь и смерть, разум и чувства².

¹Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] / сост. А.А. Денисова. // Портал «Женщина и общество». URL: <http://www.owl.ru/gender/270.htm> (дата обращения: 11.01.2025).

² Кипервар, Е.А., Севелова М.А. Предпосылки зарождения представлений о гендере в античной философии [Электронный ресурс] // Омский научный вестник. – 2012. – №3 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-zarozhdeniya-predstavleniy-o-gendere-v-antichnoy-filosofii> (дата обращения: 12.01.2025).

Как утверждает современный исследователь гендерных отношений Г.А. Брандт, философия античного периода в целом сформулировала такой подход к вопросу о соотношении «мужское-женское», согласно которому мужчина рассматривается как «эталон», некоторая «норма» человека, следовательно, и сущность всех людей постигалась относительно мужского пола. Женщина же воспринималась как «особенность» по отношению к «норме» человека – мужчине. При этом часто эта «особенность» рассматривалась в негативном ключе, как «дефект»¹. Идеолог феминистического движения Симона де Бовуар писала об этом следующее: «Подобно тому, как у древних существовала абсолютная вертикаль, по отношению к которой определялась наклонная, существовал и абсолютный тип человека – тип мужской»².

Безусловно, подобные идеологические воззрения прямым образом отражались на формировании в общественном сознании стереотипов о том, как подобает себя вести, каким видом деятельности заниматься, какими качествами обладать представителям того или иного пола. Именно эти вопросы становились основой для формирования нормативного поведения. Подробнее о стереотипах и предписываемых обществом ролях мы скажем чуть позже, но сейчас остановимся на том, что использование гендерной методологии позволило обнаружить в истории, по выражению российского историка, культуролога Н.Л. Пушкаревой, непривычное в привычном³. Так, забегая вперед, отметим, что в античном обществе женщины часто занимали не ту позицию, которую обозначали для них мужчины. Они формировали свою идентичность активными действиями, находили свое выражение не только в тех ролях, которые предписывало им

¹ Брандт, Г.А. Человек на обочине, или «Место» женщины в истории европейской философии // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – Москва, 2002. – №4. – С. 10

² Бовуар С. де. Второй пол. Т.1 и 2 / пер. с франц. С.Г. Айвазовой. – Москва, 1997. – С. 27.

³ Пушкарева, Н.Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 280-281

общество (мать, жена, домоправительница) и не только в том поведении и в той деятельности, которые считались нормативными. Тем самым, в результате созидательной активности, гендерные стереотипы, порой, разрушались, и происходило это не только в отношении женщин, порой и поведение мужчин тоже не соответствовало общепринятой норме. В этих случаях рушились социокультурные барьеры, которые отрицали возможность гендерного равенства в той или иной сфере, результатом чего становились новые идеологические, философские идеи, появлялись иные нормы права (или правовые концепции), смещался акцент в сфере творчества, культуры. Таким образом, мы можем выстроить некоторую цепочку: социокультурная активность отдельных личностей или групп общества приводила к слому гендерных стереотипов, что в свою очередь, отражалось на формировании некоторых постулатов гендерного равенства на уровне теории и идей. Эта цепочка разительным образом отличается от того, что происходит в наши дни, поскольку сегодня разрушение гендерных стереотипов является все же следствием укоренения в общественном сознании концепции гендерного равенства, а не причиной. Но это и не удивительно, учитывая откровенно патриархальный характер античных обществ.

Подводя итог, скажем, что под идеей гендерного равенства в античности мы будем понимать возможность (а не правило и не сформированную концепцию) женщин античности реализовывать, наряду с мужчинами, индивидуально-личностное начало, под которым мы понимаем совокупность особых характеристик конкретной личности, составляющих ее индивидуальность и влияющих на самостоятельность человека в его связи с внешними социальными условиями. Иными словами, вопрос о гендерном равенстве в античности мы будем рассматривать в контексте возникновения особых для женщин возможностей выходить за рамки обозначенных сфер (семья и дом),

самоидентифицироваться, самореализовываться и добиваться успехов в какой бы то ни было деятельности, и впоследствии идеологического, правового оформления такой возможности (и здесь мы не ведем речь о достижении равных с мужчинами прав в социальном управлении). Наша задача увидеть, проанализировать и сформировать комплексное представление о том, в каких формах этот процесс мог осуществляться. Мы увидим особенное в привычном, но обусловимся о том, что подобные действия не были повсеместными и тем более не мыслились людьми того периода, как необходимая и целенаправленная борьба за свои права.

Исследование гендерных отношений древнегреческой и древнеримской истории имеет свои специфические особенности. Сложность применения подобного подхода в отношении рассматриваемого нами периода в том, что авторами всех дошедших до нас философских и исторических трудов, произведений культуры за редким исключением были мужчины, которые главенствовали в патриархальном обществе. Женщина, как представитель частно-семейной сферы, в большинстве случаев просто исключалась из предмета исследований за неважностью темы, так как внимание мыслителей было сосредоточено на более значимых вопросах и идеях. Таким образом, история античности – это история, написанная мужчинами о мужчинах, и если на уровне символической репрезентации (в мифах, образах, изображениях и т.д.), женщины достаточно хорошо представлены в источниках, то их фактическое положение, жизнь восстанавливаются с трудом. Так, антиковед Л.Л. Селиванова считает, что реконструировать можно только представления мужчин о женщинах и мужские фантазии¹. Схожей позиции придерживаются зарубежные авторы – британский социолог Х. Грэм отмечает, что женская история измерялась в рамках

¹ Селиванова, Л.Л. Гендерные исследования в антиковедении // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – Москва. – 2007. - №14 – С. 10.

обзоров, разработанных на основе мужских жизней¹. Фактически, изучая дошедшие до нас письменные источники, мы делаем вывод не столько о том, как оба пола действительно взаимодействовали друг с другом, а о том, как мужчины конструировали свое отношение к противоположному полу и как они его транслировали.

Но гендерный подход анализирует события прошлого с других позиций и проверяет знакомые источники на неисчерпаемость. Об этом говорит Н.Л. Пушкарева: «... гендерная методология содержит такие подходы к анализу текстов по политической истории, которые позволяют видеть неакцентированные, латентные (скрытые) формы женского политического дискурса и политического поведения, попытки женщин (часто весьма удачные) вмешиваться в политику и направлять ее, даже когда формально они от нее отстранены...»².

В рамках нашего исследования мы обратимся к мнению исследователя Дж. Скотт. Она выделяет четыре составляющих гендерных отношений в обществе, с помощью которых можно проводить успешный социологический и исторический анализ:

1. комплекс культурных символов, оформляющихся в стереотипные представления общества и задающих, таким образом, ментальный фон жизнедеятельности людей;

2. нормы, основанные на символических представлениях, которые оформляются в виде религиозных, педагогических и политических доктрин;

3. социальные институты (от семейно-родовых до государственных);

¹ Обидина, Ю. С. И все-таки Адам и... Ева: греческая женщина в свете современных гендерных подходов // Диалог со временем. – 2014. - №47. – С. 295.

² Пушкарева, Н.Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 306.

4. гендерная субъективная идентичность, то есть внутреннее самоощущение человека как представителя того или иного пола¹.

Мы постараемся, не выделяя конкретно каждый критерий, но основываясь на подобной системе, дать в нашей работе анализ гендерных отношений в античном обществе, отведя в нем особое внимание положению женского пола.

Теперь, после продолжительного вступления, мы вернемся к гендерным представлениям и стереотипам, господствующим в античных обществах, и определим, каково было положение вещей в рамках гендерного вопроса без учета исключительных случаев на основании официальных источников, которые имеем на руках, и научной литературе, интерпретируемой их.

Общества Древней Греции и Древнего Рима, как и многие известные нам древние общества, существовали в рамках патриархальной культуры – таком типе общественного устройства, при котором власть и общественные привилегии принадлежат мужчинам, в то время как женщины занимают более низкую ступень в социальной иерархии и находятся под контролем разнообразных общественных институтов.

Причину второстепенного положения женщины в разных обществах некоторые исследователи видят в гендерном разделении труда, которое берет свое начало на этапе перехода от охоты и собирательства, предполагавших равномерное распределение обязанностей в ведении домашнего хозяйства между мужчиной и женщиной, к земледелию и скотоводству, которые повысили роль мужского пола и привели к формированию стереотипов «мужчины – кормильца, добытчика» и «женщины – хранительницы очага». Современные ученые указывают на то, что до формирования патриархальных культур существовал матриархат

¹ Пушкарева, Н.Л. Предмет и перспективы гендерного подхода в исторических науках // Пол и гендер в науках о человеке и обществе. – Тверь, 2005. – С. 28.

с доминированием женского начала или, правильнее сказать, с доминированием культурных ценностей, которые отождествлялись с женским началом, однако неолитическая революция потребовала повышения роли мужчины. Так начинает складываться идеология мужского большинства, а возникшее вскоре социальное неравенство, основанные на нем имущественные интересы и властные отношения нашли отражение в гендерной стратификации общества¹.

Подобную концепцию выдвигала и Симона де Бовуар, идеолог феминистического движения. В работе «Второй пол» философ представляет постепенную трансформацию образа женщины в разных культурных системах от верховного божества, определяющего суть миропорядка, к той категории населения, положение которой определяется складыванием различных табу. Причину подобного явления Бовуар видит в «репродуктивном рабстве» женщины и противопоставлении этого рабства свободной жизни, активной деятельности мужчины, не обремененного деторождением, что привело к доминированию мужского пола над женским и над природой. Вместе с тем мыслитель утверждает, что культурные символы, содержащиеся в мифологии, памятниках и традициях, дают нам представления о женщине, занимающей высокое положение в обществе. Но, продолжает Бовуар, фиксация мужчинами мифологии в письменных источниках и составление ими сводов законов окончательно установили патриархат: «В ее [женщины] амбивалентных свойствах выделяют один лишь пагубный аспект; из священной она становится нечистой. Ева, дарованная Адаму, чтобы стать его подругой, погубила человеческий род; когда языческие боги хотят отомстить людям, они создают женщину, и первое же такое существо женского пола — Пандора — выпустило на землю все невзгоды на погибель человечеству...

¹ Фатыхов, С.Г. Мировая история женщины: Опыт сравнительной фактографии. – Екатеринбург, 2004. – С. 186-188.

Так предназначением женщины стало Зло. «Есть доброе начало, сотворившее порядок, свет и мужчину, и злое начало, сотворившее хаос, мрак и женщину», — говорит Пифагор... Законодательство Солон не предоставляет ей никаких прав. Римский кодекс отдает ее под опеку и заявляет о ее «глупости»...»¹.

Ученые до сих пор спорят о том, существовал ли матриархат, некоторые из них соглашаются, что на начальном этапе развития культуры земледелия прослеживается более высокий статус женщины, однако, утверждают они, матриархальные общества в чистом виде никогда не существовали. Не углубляясь в этот вопрос, мы заключим, что и Древняя Греция, и Древний Рим предстают перед нами патриархальными обществами, которые несут в себе морально-бытовую и правовую регламентацию жизни для каждого ее члена и социальной группы, каковой являются женщины, которые в представленных культурах находились по своему положению «за» мужчинами.

Ученые выдвигают свои версии относительно того, почему мы наблюдаем столь четкую оппозицию «мужского» и «женского» в античных обществах. Так, С.Г. Фатыхов отмечает, что эпоха античности – это время возникновения моногамного брака, который стал основанием для лидирующей роли мужчины, который господствовал над всеми членами (в т.ч. женами) и имуществом. Исходя из этого, положение античной женщины определяется нахождением ее в некотором пространстве запретов, что в свою очередь отразилось на формировании таких черт женской идентичности, как утилитарность, обыкновенность и подчиненность как социуму, так и мужчине – мужу или отцу. Однако в научной среде есть мнение и о том, что признанная в Греции и

¹ Бовуар С. де. Второй пол. Т.1 и 2 / пер. с франц. С.Г. Айвазовой. – Москва, 1997. – С. 23, 111.

существовавшая в Риме моногамия, напротив, обеспечила женщине достоинство и независимость¹.

Культуролог А.В. Шипилов, анализируя причины ущемления женского достоинства в античности, делает акцент на мировоззренческих, идеологических установках древних: «В античности бытие определялось как отличие: быть собой означает не быть другим, поэтому Другой положительно необходим, ведь именно отрицанием его обеспечивается полагание себя...». Далее ученый указывает на то, что проще всего было противопоставлять мужчин – граждан женщинам – негражданам, поскольку эти другие [женщины] всегда рядом, следовательно, это самый простой объект для утверждения своего политического, юридического, этического превосходства. А.В. Шипилов заключает: «...степень реальности гражданской общины прямо пропорциональна степени негации «женского» как иного по отношению к «мужскому» и наоборот...»².

Соглашаясь с представленной выше точкой зрения, мы вернемся к вопросу о гендерных стереотипах и отметим, что формирование разницы между «мужчиной» и «женщиной» в общественном сознании людей античности велось еще на основании их природы – половых, т.е. биологических различий без учета индивидуальных качеств личности. Так, античный мужчина воспринимался как «эталон», «норма» человека, в то время как женщина мыслилась ее отклонением. Таким образом, «ограниченность» женщины была следствием ее биологической природы и становилась основанием для невозможности участия женского пола в публичной и иных сферах жизни, связанных с властными отношениями. О низшей природе женщине и, как следствие, необходимости ее ограничения на уровне законодательства мы читаем в «Законах» Платона: «...Между

¹ Жид, П. Гражданское положение женщины с древнейших времен / под ред. Ю. Гамбарова. – Москва, 1902. – С. 64

² Шипилов, А.В. Оппозиция «мужское-женское» в античности. Ч. 1 // Человек. – 2015. – №2. – С. 96.

тем женский пол – это часть нашего человеческого рода; правда, ввиду своей слабости он уродился более скрытным и лукавым. К тому же он беспорядочен... Если оставить все касающееся женщин неупорядоченным, то мы просмотрим более половины необходимых законов. Ведь насколько женская природа по своему достоинству хуже нашей, мужской, настолько же она превосходит нас своей многочисленностью – чуть ли не более чем вдвое»¹. Похожее читаем и у Аристотеля. Философ, рассуждая в своем трактате «Политика» об организации семьи как части государства и о наличии в ней начала властвующего и подчиненного, заключает, что мир устроен таким образом, что душа господствует над телом, человек над животными, «так же и мужчина по отношению к женщине: первый по своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении»².

По этому поводу Г.А. Брандт заключает: «Позиция Аристотеля в трактовке вопросов пола была репрезентативна для своей эпохи, поскольку закономерно выростала из общего понимания природы человека, свойственного эпохе. ... Аристотеля же можно с уверенностью назвать отцом традиции, прямо трактующей женщину как существо уже в силу особенностей физиологии не воплощающее в полной мере природу человека, как лаконично в следующую эпоху это выразил Фома Аквинский – «неудавшегося мужчину»³. Однако стоит отметить, что в своих рассуждениях Аристотель отказывал в индивидуальных особенностях не только женщинам, но и мужчинам. Так, в «Политике» он указывает: «Ведь мужчина по своей природе, исключая лишь те или иные ненормальные

¹ Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т.4 / пер. с древнегреческого; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва, 1994. – С. 233.

² Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т.4. / пер. с древнегреческого; под ред. А.И. Доватура, – Москва, 1983. – С. 383.

³ Брандт, Г.А. Человек на обочине, или «Место» женщины в истории европейской философии // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – Москва, 2002. – №4. – С. 13.

отклонения, более призван к руководству, чем женщина»¹. Таким образом, невозможность мужчины осуществлять руководством кем бы то ни было считалось отклонением от общего правила, и эту идею в свою очередь мы тоже можем причислять к гендерным стереотипам, но подробнее о позициях философов в отношении гендерного вопроса будем говорить позже.

Подтверждение противопоставления в негативном ключе природы женской мужской мы находим у Гесиода. В «Теогонии» древнегреческий поэт говорит о женщине как о наказании – Зевс, разгневанный деяниями Прометея, отдает приказ Гефесту создать женщину, которая станет карой для людей:

«... Разгневался милым он сердцем,
Как увидал у людей свой огонь, издалека заметный.
Чтоб отплатить за него, изобрел для людей он несчастье:
Тотчас слепил из земли знаменитый Хромец обоногий,
Зевсов приказ исполняя, подобие девы стыдливой. <...>
После того, как создал он прекрасное зло вместо блага,
Деву привел он, где боги другие с людьми находились. <...>
Диву бессмертные боги далися и смертные люди,
Как увидали приманку искусную, гибель для смертных.
Женщин губительный род от нее на земле происходит.
Нам на великое горе они меж мужчин обитают...»².

После Гесиод сравнивает женщин с трутнями, которые «пожинают чужие плоды [плоды мужчин – «хлопотливых пчел»], и это настоящее наказание:

«... высокогремящим Кронидам, на горе мужчинам,

¹ Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т.4. / пер. с древнегреческого; под ред. А.И. Доватура, – Москва, 1983. – С. 398-200.

² Эллинские поэты VIII – III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / под ред. М.Л. Гаспарова. – Москва, 1999. – С. 41.

Посланы женщины в мир, причастницы дел нехороших...»¹.

Итак, женщина античности уже в силу своей природы противопоставляется «норме» человека – мужчине и тем самым ограничивается в своих возможностях участия в общественной жизни, к тому же никакой речи не ведется об ее индивидуально-личностном начале. Следовательно, прежде всего идентичность античных женщин определяется через их социальное положение (права в частно-семейной сфере и обязанности перед мужчиной – домоправителем и обществом) и социальное предназначение.

Идея о неспособности женщины к участию в событиях гражданской жизни привела к ограничению в большинстве своем интересов женщины (и ее прав в обществе) «биологической» сферой, мужчина же реализовывал свою идентичность в социально-политическом поле. Следовательно, главнейшая обязанность античных женщин заключалась в обеспечении продолжения рода, в этом смысле они были полезны в той степени, в которой могли приносить государству здоровых детей. Качественный демократический рост (рождение граждан) был значимым элементом в античных обществах, поскольку обеспечивал им стабильность и процветание. Государство осуществляло контроль за рождаемостью, а философы того времени рассуждали о демографической политике, формулируя принципы оптимизации населения (исключение перенаселения или демографического кризиса), основой которых становились мероприятия в сфере брачных отношений и формирования семьи. Так, в труде «Государство» Платон отмечает: «А определить количество браков мы предоставим правителям, чтобы они по возможности сохраняли постоянное число мужчин, принимая во внимание войны, болезни и т.д., и чтобы государство у нас по возможности не

¹ Эллинские поэты VIII – III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / под ред. М.Л. Гаспарова. – Москва, 1999. – С. 41.

увеличивалось и не уменьшалось»¹. Аристотель, критикуя идеи Сократа, также утверждает о необходимости контроля численности граждан: «нелепо и то, что, уравнивая собственность, он не упорядочивает количество граждан, а, наоборот, допускает неограниченное деторождение, предполагающее, что оно будет сбалансированным и не увеличит количество граждан, так как некоторое число граждан будут бездетными»². В этой связи необходимо упомянуть о том, что гражданами в античных полисах считались лишь мужчины, достигшие 18 лет, рожденные свободными жителями городов-государств, в то время как женщины вовсе не включались в объект исследования демографии, так как забота о них возлагалась на хозяина дома, который был важным для общества и государства³. Таким образом, важным элементом демографической политики античных государств был контроль рождаемости граждан, т.е. мужчин, в то время как рождение ничего не производящих и не социально-активных девочек в отдельных случаях было даже нежелательным. Об этом говорит Гесиод в произведении «Труды и дни»:

«...Единородным да будет твой сын. Тогда сохранится

В целости отческий дом и умножится всяким богатством...»⁴.

Другую иллюстрацию к представленному выше тезису мы обнаруживаем в Древнем Риме. Так, римский подданный Иларион 17 июня первого года новой эры написал своей сестре-жене Алите следующие строки: «Если ты в добрый час родишь, то если будет мальчик, оставь его,

¹ Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т.3 / пер. с древнегреческого; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва, 1994. – С. 235.

² Аристотель. Политика / пер. С.А. Жебеле. – Москва, 2012. – с. 194.

³ Ростовская, Т.К., Бедрина Е.Б. Генезис демографических концепций в Древней Греции // Человеческий капитал. – 2023. - №1 (168). – С. 110-111.

⁴ Эллинические поэты VIII – III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / под ред. М.Л. Гаспарова. – Москва, 1999. – С. 58.

если же девочка, выбрось ее»¹. Однако, конечно, за отсутствием источников, мы не можем говорить о существующей в каждой античной семье нелюбви родителей, в т.ч. отцов, к своим дочерям, к тому же практика оставления ребенка на произвол судьбы (вне зависимости от пола, но чаще все же это применялось к девочкам) была достаточно распространена как в античной Греции, так и в Риме². В частности, советский антиковед М.Е. Сергеенко повествует о том, что римский мужчина – отец был наделен правом признать или отвергнуть ребенка: «Отец поднимал младенца, которого клали перед ним на землю; это значило, что он признавал его своим законным ребенком. А он мог отвергнуть его, и тогда новорожденного выбрасывали»³.

Достоверно точно сказать о причинах оставления детей мы не можем, поскольку источники не содержат этих сведений, однако предположим, что поскольку женщины исключались из гражданской жизни в античных обществах, рождение девочки не приносило никакой пользы – она не могла быть ни работником, ни воином, но естественно требовала расходов на организацию своей жизни, а при достижении брачного возраста еще и приданного. Конечно, наиболее остро этот вопрос ощущался в бедных семьях.

Вернемся к рассмотрению социального предназначения античной женщины и скажем о второй функции, отведенной женскому полу – ведение домашнего хозяйства. С этим вопросом тесно связано и социальное положение женщины, которое определяется существовавшими в древнегреческом и древнеримском обществе моральными и правовыми нормами.

¹ Вардиман, Е. Женщина в Древнем мире / пер. с нем. Харитоновой М.С. – Москва, 1990. – С.118.

² Джарман, О.А., Микиртичан, Г.Л. Судьба детей подкидышей в античном мире // Медицина и организация здравоохранения. – 2018. – №1. – С. 50.

³ Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима. – Санкт - Петербург, 2000. – С. 148.

В следствии того, что гречанки и римлянки не принимали участия в общественной жизни, образование девочек было направлено, в первую очередь, на обучение основам ведения домашнего хозяйства и принципам воспитания детей, а учителем для дочерей становилась мать. Целью образования служило воспитание девочки как добросовестной хозяйки, преданной супруги и хорошей матери. Описывая деятельность своей жены, древнегреческий писатель Ксенофонт говорит («Домострой», 10): «Конечно, Сократ, я советовал ей не сидеть на месте, как рабыне, а с божьей помощью пробовать, как следует хозяйке, подойти к ткацкому станку да поучить служанку, если что знает лучше других, а если что плохо знает, самой поучиться, присмотреть и за пекаршей, постоять возле ключницы, когда она отмеривает что-нибудь, обойти дом и посмотреть, все ли на том месте, где должно быть. Хорошее упражнение, - говорил я, - также мочить, месить, выбивать и складывать одежду и покрывала»¹. Так, одним из главных достоинств античной женщины считалось умелое управление собственным домом. Основываясь на представленном отрывке, трудно говорить о том, что женщина в греческом доме не имела никакой власти и авторитета, поскольку прямо подчеркивается ее роль в организации быта и явно ее положение не соотносилось с положением слуги. Так и в Риме, впервые переступя порог дома мужа, жена становилась полноправной хозяйкой, домоправительницей, как и мужчина. Однако заключим, что ценность женщины все же определялась ее умелой работой по дому и способностью к деторождению.

Представления об идеале женщины и жены для грека дает нам греческая лирика и драматургия. Обратимся к произведению раннего периода древнегреческой литературы (VII в. до н. э.) – «Поэме о женщинах» Семонида Аморгского, в которой поэт представляет десять

¹ Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения / пер. С.И. Соболевского; под ред. Д.А. Горбова. – Москва, 1935. – С. 288-289.

типов женщин, сравнивая характер каждого с темпераментом животных, среди которых свинья, лисица, собака, ослица, ласка, лошадь, обезьяна и пчела. Нетрудно догадаться, что каждый тип женщины, кроме одного, содержит порок, который заложен в нее природой: обжорство, неряшливость, лень, изменчивое настроение, склонность к рассуждениям и др. Идеал женщины Семонид Аморгский видит в образе пчелы:

«Пред ней одной уста злословия молчат;

Растет и множится достаток от нее;

В любви супружеской идет к закату дней,

Потомство славное и сильное родив...

...И не охотница сидеть в кругу подруг,

За непристойными беседами следя¹.»

Таким образом, добродетель женщины, по мнению поэта, заключается в привязанности к мужу, закрытости от общества, молчаливости, рождении здоровых детей и умелом руководстве домом. При этом, лирик подводит следующий итог своим рассуждениям:

«Да, это зло из зол, что женщиной зовут,

Дал Зевс, и если есть чуть пользы от нее —

Хозяин от жены без меры терпит зло»².

Ученые дают разные оценки «Поэме о женщинах». Эллинист XX века А. Боннар высказывал мнение, что представленный труд – карикатура или злая сатира на женщин³. Другие считают, что Семонид Аморгский продемонстрировал в своем труде женоненавистничество, которое, по их мнению, господствовало в Греции, начиная с VII в. до н.э. В частности, эту

¹ Эллинистические поэты VIII – III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / под ред. М.Л. Гаспарова. – Москва, 1999. – С. 239.

² Там же. С. 240.

³ Боннар, А. Греческая цивилизация [Электронный ресурс] // Сайт античной литературы. URL: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/bonnar-grecheskaya-civilizaciya/index.htm> (дата обращения: 16.01.2025).

точку зрения выражал дореволюционный и советский историк Б. Варнеке. Анализируя источниковую базу поэмы, ученый пришел к выводу, что сравнения поэта опираются на пословицы и поговорки – т.е. те источники, которые отражают воззрение всей материковой Греции¹. В качестве аргумента Б. Варнеке проводит сравнение женских образов, представленных у Семонида Аморгского и в поэмах Гомера и заключает, что в последних отсутствуют негативные утверждения в отношении женского пола, которые, впрочем, стали практически обязательной частью древнегреческой поэзии. Причину подобной разницы историк видит в месте написания трудов – родина Гомеровских поэм не материковая Греция, а отдаленная Иония с другим укладом жизни. Таким образом, заключает Б. Варнеке, изучая произведения Семонида Аморгского, мы видим выражение не только его прочтения женщины, как поэта, но сталкиваемся со взглядами целого общества, которые отличаются от представленных в эпосе Гомера потому, что сформировались в разных условиях жизни и быта.

Об идеале супруги рассуждает и греческий драматург Еврипид. Героиня трагедии «Алкеста» предстает перед читателем как верная жена, готовая отдать свою жизнь за супруга. Будучи во власти мужчины, эмоционально привязанной к нему, Алкестида одновременно выступает для мужа другом и помощником. Особенно ярко в драме отражена роль Алкестиды как матери.

В источниках по истории Древнего Рима мы также находим рассуждения о женском идеальном типе. В качестве примера приведем характеристику, данную Ливии Друзилле – супруге императора Октавиана Августа («Анналы», V, 1, 5): «Святость домашнего очага она блюла со странной неукоснительностью... была страстно любящей матью,

¹ Варнеке, Б. Женский вопрос на афинской сцене. – Казань, 1905. – С. 17.

снисходительной супругой и хорошей помощницей в хитроумных замыслах мужа и в притворстве сыну»¹.

Эти образы отражают сформировавшиеся гендерные стереотипы – социально-желательные представления о функциях и значении античной женщины в семье. Подводя итог рассуждениям о распределении гендерных ролей в античных обществах, обратимся к рассуждениям Н.А. Кривошты в труде «Демографические и психологические аспекты некоторых женских образов в греческой лирике и драматургии». Историк, анализируя образы женщин и социальное предназначение полов, обращает внимание на точку зрения французского историка-эллиниста Ж. Вернана. Он, рассматривая функции пары богов – Гермеса и Гестии заключил, что изображение греками этих богов в паре не было случайностью, а отражало общественные представления об организации жизни: Гестия – символ покоя, устойчивости, незыблемости, бытовой центр, Гермес же реализует функции связи с внешним миром и олицетворяет движение, связанное с выходом из дома и возвращением в него². Так, фигуры этих богов отражают некоторые нормативы поведения полов – покровительница домашнего очага Гестия, которая находит выражение дома, в семье, и деятельностный Гермес, который в свою очередь реализуется вне домашних стен.

Теперь, учитывая «домашний» характер женщины, нам необходимо обратить свое внимание на то, как эти представления транслировались в моральных и правовых нормах, определявших статус гречанок и римлянок.

Ограничение женщины частно-семейной сферой и андроцентристские (от древнегреческого *andrós* — мужчина и *kentrikós* —

¹ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том I. Анналы. Малые произведения / под ред. С.Л. Утченко. – Ленинград, 1969. – С. 150.

² Кривошта, Н.А. Демографические и психологические аспекты некоторых женских образов в греческой лирике и драматургии // Женщина в античном мире. – Москва, 1995. – С. 69.

центральный) позиции в социальной и культурной сферах определяли, что женщины античности не являлись субъектом гражданского права (не могли заключать сделки, завещать, выступать в суде, иметь в собственности земельный участок и т.д.), не имели возможности участвовать в политической жизни общества. Так, известно, что полноправным гражданином, как в Древней Греции, так и в Древнем Риме признавался мужчина, достигший 18 лет и родившийся от полноправных граждан, и именно представители мужского пола принимали общественно важные решения посредством участия в органах власти.

Юридическая недееспособность женщин приводила к необходимости наличия опекуна – мужчины. До замужества в качестве его выступал отец или ближайший родственник, после вступления в брак вся полнота власти была у супруга, а в случае его смерти опекуном вдовы считался ее старший сын. Брак же заключался с помощью частного договора отца (опекуна) и жениха. О необходимости опекуна для женщины писал римский юрист Гай, ссылаясь на Закон XII таблиц («Институции», книга I, 144): «Итак, родителям позволено назначать по завещанию опекунов детям, который они имеют в своей власти: мужского пола несовершеннолетним, а женского как несовершеннолетним, так и совершеннолетним. Ибо древние римляне пожелали, чтобы женщины, вследствие их легкомыслия, находились под надзором, хотя бы и достигли полного возраста»¹.

Интересным является тот факт, что женщины в Риме не имели своих личных имен. Если дочь в семье была одна – получала родовое имя отца, если дочерей было двое – к имени родовому добавлялось *maior* или *minor* (старшая или младшая), если больше – все им, начиная с третьей,

¹ Гай. Институции / пер. с латинского Ф. Дадынского; под ред. В.А. Савельева. – Москва, 1997. – с. 67.

присваивался номер с помощью числительных: Tertia, Quarta, Quinta (Третья, Четвертая, Пятая)¹.

Правовое положение римских женщин также характеризуется тем, что они находились под «рукой» (manus) мужчины – отца или мужа. Так, римское право дает нам представление о двух видах брака – sine manu, при котором женщина не переходила под власть мужа, а оставалась в подчинении у отца – домовладыки (pater familias), и cum manu – вид брака, который получил наибольшее распространение в республиканский период. Согласно нему, жена переходила в полную власть мужа или за счет срока давности (usus), или путем жертвоприношения, или вследствие покупки. Фактически, переходя в господство к мужчине, жена становилась собственностью супруга. Вдова же римлянина переходила под опеку к ближайшим родственникам мужского рода: опекуном матери становились ее сыновья, а опекунами дочерей становились их братья. Так, делаем вывод, что античность дает нам пример наличия абсолютной власти у мужчины – домовладыки над всеми членами семьи.

Однако особое внимание в вопросе правового положения женщины необходимо уделить институту приданого. Существует мнение, что он обеспечивал социальную защищенность женщины, а также определял во многом статус женщины, жены в обществе. Так, выдавая дочь замуж со щедрым приданым, отец повышал престиж семьи в обществе, к тому же его размер позволял найти для девушки наиболее удачную партию, что было важно для античного общества, поскольку браки часто становились основой для создания семейных союзов. Т.е., мы можем говорить о том, что наличие приданого становились гарантом того, что дочь станет женой и создаст свою семью, а, следовательно, исполнит предназначенные ей обществом функции, что в свою очередь, отразится на ее благосостоянии и

¹ Шипилов, А.В. Оппозиция «мужское-женское» в античности. Ч. 1 // Человек. – 2015. – №2. – с. 109.

достойной жизни. К тому же, согласно Гортинским законам (II, 45—III, 44), в Древней Греции приданое девушки не переходило в собственность мужа, а принадлежало жене и давало ей гарантию повторного выхода замуж в случаях смерти супруга или при разводе: «Если муж и жена разводятся, (то жене) сохранять свое имущество, с которым (она) пришла к мужу... Если муж умрет, оставив детей, то жена, если хочет, может выйти замуж, сохраняя (за собой) свое имущество и то, что ей откажет муж согласно с написанными (законами) в присутствии трех свидетелей из совершеннолетних свободных (граждан)... А если (муж) оставит (жену) бездетной, то ей сохранять (за собой) свое имущество, и половину из того, что напряла, и дохода в доме с родственниками определенную часть, а также если что-нибудь откажет ей муж, согласно с написанными (законами)»¹. Можно предположить, что приданое давало некоторую долю власти древнегреческой женщине в семейных отношениях.

Относительно института приданого в римском праве среди исследователей ведутся споры. Д. Гуревич, опираясь на римских юристов, пишет о том, что муж или становился полным собственником приданого (в браке *cum manu*), либо получал права распоряжения им и доходы от него². Однако согласно Дигестам Юстиниана, женщина распоряжалась приданным по завещанию, а после расторжения брака на мужа возлагалась обязанность восстановить приданое (книга 23, титул III, 16)³. Таким образом, можно сделать вывод о том, что мужчина не был полноправным господином приданого жены. Исследователи римского права, анализируя роль приданого на основании Дигестов Юстиниана, заключают, что муж пользовался им во время брака и оставлял его у себя в качестве штрафа за

¹ Гортинские законы / пер. С. В. Мирошникова // Записки Императорского Русского Археологического Общества. – Т. III. – Санкт-Петербург, 1888. – С. 324-325.

² Гуревич, Д, Рансат – Шарлье, М.Т. Повседневная жизнь женщин в Древнем Риме / пер. с французского Н.Н. Зубкова. – Москва, 2006. – С. 67-69.

³ Дигесты Юстиниана / пер. с латинского; под ред. Л.Л. Кофанова. – Т. IV. – Москва, 2004. – С. 321.

недобросовестное выполнение женщиной своих семейных обязанностей, однако фактически, утверждают ученые, хотя и находилось приданое в имуществе мужа, принадлежало оно жене¹. Об этом же говорит и немецкий правовед Фридрих фон Савиньи², а Д. Гуревич указывает на то, что со времени Августа мужу и вовсе было запрещено присваивать себе расположенную в Италии недвижимость, полученную в приданое, без согласия жены³.

Другой институт права, который позволял женщине в отдельных случаях приобретать собственность – наследство. Конечно, обычно дочери получали свою долю отцовского имущества через институт приданого, в то время как большая часть накопленного хозяином семьи доставалась сыновьям. Бывали случаи, когда в семье не рождалось сыновей, тогда отец мог принять в семью юношу, который впоследствии становился мужем для дочери и владельцем имущества. Но случалось и так, что при смерти отца дочь оставалась незамужней, а ни родного, ни приемного сына у отца семейства не было. В этих обстоятельствах, как утверждает Ю.С. Обидина со ссылкой на труд английского академика Harrison A.R.W «The law of Athens», в Афинах сложилась концепция *epikleros*, или наследницы (буквальный перевод с греческого – «с собственностью»). Суть ее сводилась к тому, что при смерти отца семейства, у которого не осталось наследников мужского пола, дочь принимала статус *epikleros* – человека, который нес собственность. При этом дочь не становилась непосредственной владелицей имущества, а всего лишь выступала в качестве его держателя, с условием обязательного выхода замуж за ближайшего родственника своего отца, который становился управленцем

¹ Римское частное право: учебник / коллектив авторов; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Претерского. – Москва, 2021. – С. 156-157.

² Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Т. I / пер. с немецкого Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе. – Москва, 2011. – С. 469.

³ Гуревич, Д, Рансат – Шарлье, М.Т. Повседневная жизнь женщин в Древнем Риме / пер. с французского Н.Н. Зубкова. – Москва, 2006. – С. 67-69.

этого имущества. Суть брака была в том, чтобы зачать в нем наследника – внука, которому по достижению 18 лет будет передан ойкос деда, под которым подразумевали семью, земли, дом и всех людей в доме. Если таких родственников не находилось, то *epikleros* имела право взять имущество отца и сделать самостоятельный выбор супруга, поскольку для афинян сохранение ойкоса имело жизненно важное значение. Отсюда, заключает Ю.С. Обидина, значение мужчины и женщины в сохранении ойкоса, т.е. наследия, были равны¹.

Древние римлянки также имели возможность получать наследство. Хотя оно и переходило к отцу семейства, во власти которого находилась женщина, тем не менее он мог выделить ей часть средств на личное управление. Кроме того, женщина в Древнем Риме могла передавать свое имущество по завещанию или дарственной, в то же время известно, что среди римлянок были богатые женщины, которым на правах собственности принадлежало огромных размеров имущество. Так, в 169 г. до н.э. был издан закон Вокония, который ограничивал возможность наследования для богатых женщин – их не имели права включать в завещание как наследниц. Мотивы этого закона, о чем пишет Д. Гуревич, породил множество споров среди историков – был ли он направлен непосредственно на ограничение прав женщин в вопросе распоряжения собственным имуществом или все же, следуя за законом Оппия, пытался искоренить расточительство в обществе? И все же, делает вывод историк, состояние женщины было ограничено долей наследства, на которое они имели права без завещания². Хотя, опираясь на философский трактат Цицерона «О пределах добра и зла», Б.М. Никольский пишет о том, что распространен был способ избежать этого ограничения – путем назначения

¹ Обидина, Ю. С. И все-таки Адам и... Ева: греческая женщина в свете современных гендерных подходов // Диалог со временем. – 2014. - №47. – С. 308.

² Гуревич, Д, Рансат – Шарлье, М.Т. Повседневная жизнь женщин в Древнем Риме / пер. с французского Н.Н. Зубкова. – Москва, 2006. – С. 70-71.

фиктивного наследника, который после должен был передать наследство дочери. Так закон и вышел из употребления, вероятно, в эпоху Августа¹. Таким образом, мы увидели, что наряду с мужчинами, и женщина в античности имела права в рамках имущественных отношений и играла при этом далеко не последнюю роль в установлении общественных отношений.

Далее рассмотрим положение женщины внутри дома и ее участие в реализации общественно важных функций. По мнению некоторых исследователей, греческие дома были разделены на две части – мужскую – «андрий» и женскую – «гинекей», и в присутствии гостей женщина непременно должна была находиться в гинекее². Однако, по мнению П. Гиро, в гинекее жили лишь незамужние дочери с целью сохранения их непорочности для вступления впоследствии в достойный брачный союз³. В гинекее проходило и образование девушек, в то время как обучение основам научных дисциплин для них не считалось возможным. Ю.С. Обидина подводит под сомнение высказанную точку зрения, говоря о том, что она основывается лишь на двух свидетельствах – об этом говорит Ксенофонт в «Экономике» и Лисий. К тому же, по утверждению историка, данные археологии не подтверждают подобное разделение⁴.

Если и существуют основания для споров о разделении греческого дома на мужскую и женскую части, в древнеримском обществе подобного явления, конечно, не наблюдается. Римский историк Корнелий Непот, проводя параллель между нравами греческого и римского обществ пишет:

¹ Марк Туллий Цицерон. О пределах добра и зла. Парадоксы стоиков / пер. Н. А. Федорова. – Москва, 2000. – С. 300.

² Лихт, Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции / пер. с английского В.В. Федорина. – Москва, 1995. – С. 34.

³ Гиро, П. Частная и общественная жизнь римлян [Электронный ресурс] // Сайт античной литературы. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1262396059> (дата обращения: 20.01.2025).

⁴ Обидина, Ю. С. И все-таки Адам и... Ева: греческая женщина в свете современных гендерных подходов // Диалог со временем. – 2014. - №47. – С. 303-304.

«И, напротив, многое из того, что считается по нашим обычаям пристойным, кажется для греков постыдным. Например, кто из римлян постесняется привести на пир жену? Или чья мать семейства не занимает почетнейшего места в доме и не бывает в обществе?»¹. Несмотря на то, что среди достоинств для римской женщины также выделялись целомудрие, кротость, послушание, все же отношение к ним было куда выше, что определялось их значением как матери семейства, к которой относились с почетом и уважением, также женщины считались полноправными хозяйками, имели возможность беспрепятственного выхода из дома и участия в общественной жизни. Разница в общественных представлениях проявлялась и в том, что в некоторых полисах Греции существовали коллегии специальных должностных лиц – гинекомов, которые контролировали поведение представительниц женского пола².

Отдельно стоит коснуться вопроса досуга женщин античности. По общему правилу, представительницы прекрасного пола не имели возможности заниматься внедомашними делами – иными словами, творчески самовыражаться. Так, на протяжении большей истории Греции для женщин существовал запрет на врачевание, на занятие наукой и знакомство с широким кругом интеллектуальных дисциплин. В частности, отец Сенеки не позволял своей жене углубляться в научные знания, разрешая ей только «прикоснуться, но, не погружаясь в них»³. Театральное творчество, так высоко ценившееся в античных обществах, доступно было только для мужчин и считалось их прерогативой. Плиний Младший в одном из своих писем насмехается над Уммидией Квадратиллой, которая поддерживала мимов (книга VII, 24, 4-7): «Она увлекалась ими больше,

¹ Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / пер. с латинского и коммент. Н.Н. Трухиной. – Москва, 1992. – С. 10.

² Суриков, И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. – Москва, 2004. – С. 119.

³ Фатыхов, С.Г. Мировая история женщины: Опыт сравнительной фактографии. – Екатеринбург, 2004. – С.303.

чем это прилично знатной женщине. Совсем чуждые люди, чтобы оказать честь Квадратиле (мне стыдно, что я сказал – честь), с льстивой угодливостью бежали в театр, неистовствовали, хлопали, удивлялись и потом повторяли перед госпожой отдельные жесты и песни...»¹. Согласно Павсанию, древнегреческим женщинам запрещено было посещать Олимпийские игры, поскольку их присутствие наносило небожителям оскорбление, и, если они будут уличены в приходе на игры, закон элейцев гласил – необходимо столкнуть их с горы (книга V, 6, 7, 5)². Делаем вывод, что участие в творческих делах, занятия наукой, участие в общественных праздниках, коими были и Олимпийские игры, считалось недостойным для женщины, в широком плане их действия считались угодными только в рамках дома и семьи, что рачительным образом ставит их по другую сторону жизни от мужчины – активного и деятельного субъекта общества, которому доступны были все блага.

Конечно, в рамках разговора о наличии гендерных стереотипов и их разрушении мы не можем не обратиться к феномену античной истории – спартанскому полису, который подарил нам пример значительно более свободной во всех отношениях женщины. В чем проявлялась эта свобода? Во-первых, спартанкам не вменялся в обязанности домашний труд. Законодатель Ликург привел к тому, что и женщины в полисе наряду с мужчинами укрепляли свой дух и тело упражнениями, при этом цель подобного воспитания не только готовность к рождению потомков, но и формирование личного достоинства, крепости, смелости и независимости³. Кроме того, не существовало для спартанских девочек и запрета на знакомство с литературой, занятие музыкой, верховую езду.

¹ Плиний Младший. Письма. Книги I-X / пер. М.Е. Сергеенко, А.И. Доватура; под ред. И.И. Толстого. – Москва, 1950. – С. 219 – 220.

² Павсаний. Описание Эллады. Т. 2. Книги V-X. / пер. с древнегреческого С.П. Кондратьева; под ред. Е.В. Никитюк. – Санкт –Петербург, 1996. – С. 20.

³ Андреев, Ю.В. Спартанская гинекократия // Женщина в Античном мире. – Москва, 1995. – С. 51.

Правовое положение лакедемонянки усиливалось тем, что они могли иметь собственность, поскольку, согласно закону, наделялись четко определенной долей от общего имущества семьи, в некоторых случаях и вовсе становились единственными наследницами. Плутарх и Аристотель видели причину широкой свободы спартанок и, как следствие, их значение в обществе в принадлежащем им богатстве. Подтверждение тому мы можем увидеть, например, в жизни сестры царя Агесилая II Киниски, которая разводила лошадей и имела возможность выступать на Олимпийских играх, что по сути своей было достаточно затратным делом. И она стала первой среди мужчин женщиной, которой удалось одержать победу в гонке на колесницах. Ксенофонт в «Киропедии» («Агесилай», глава IX) высказал свое мнение о том, что победа, одержанная Киниской, стала отражением того, что разведение коней относится только лишь к богатству, а не к мужской доблести¹.

Известны и эпизоды о том, что спартанки, будучи формально отстраненными от участия в политической жизни, фактически все же влияли на политику Спарты. Так, Плутарх, описывая воспитание царя Агиса IV, отметил: «Он был воспитан в богатстве и роскоши женщинами: матерью Агесистратой и бабушкой Архидамией, которые принадлежали к самым богатым людям среди лакедемонян»². Впоследствии царь Леонид в борьбе за престол казнил не только самого Агиса, но и его мать и бабу, как значимых фигур политической жизни полиса. Знаменита и жена царя Леонида Горго. Согласно приданию, она, отвечая на замечание афинянки: «Одни вы, спартанки, делаете, что хотите со своими мужьями», произнесла фразу: «Да, но ведь одним мы и рожаем мужей». В этом можно усмотреть как сравнение мужчин Афин и Спарты, так и высокий статус женщины,

¹ Ксенофонт. Киропедия / под ред. С.Л. Утченко. – Москва, 1976. – С. 235.

² Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т.2 / под ред. С.С. Аверинцева. – Москва, 1994. – С. 267.

поскольку именно лакедемонянки в значительной степени определяли жизнь мальчиков до их передачи на общественное воспитание, в то время как их отцы большую часть времени проводили при исполнении военно-общественных обязанностей. Апогеем признания женской доблести в Спарте мы можем считать сборник «Изречения спартанских женщин» авторства Плутарха, что немыслимо для афинского общества.

Такое положение дел в Спарте не могло не вызывать споров в среде античных философов и политиков, в результате чего сложились особые группы восхищающихся обычаями Спарты – лаконофилов и презирующих нормы полиса – лаконофобов, что отразилось на формировании некоторых идеологических воззрений, с которыми мы познакомимся несколько позже. Историки выделяют разные причины высокого статуса женщины в спартанском полисе. Антиковед Ю.В. Андреев в работе «Спартанская гинекократия» обращает внимание на мнение А. Тойнби, отраженное в монографии «Некоторые проблемы истории Древней Греции». Английский ученый делает вывод о том, что ненормативное для античности положение спартанки – следствие образа жизни спартиатов в сисситиях, которые уделяя все свое время военному делу не были заинтересованы в семейных делах. Свобода женщины, по мнению А. Тойнби, стала побочным эффектом этой возведенной в ранг государственного принципа сегрегации полов¹. Сам Ю.В. Андреев, сравнивая отношение к афинянкам и спартанкам, видит причину разницы в ограничении женщин Афин семейным делом, поэтому греки, говорит историк, смотрели на женщину как на придаток к семейному имуществу. У спартанцев же собственность на землю была коллективной, поэтому и женщина не воспринималась как частная домохозяйка, по статусу приближенная к рабу, а считалась равноправным партнером мужчины в

¹ Андреев, Ю.В. Спартанская гинекократия // Женщина в Античном мире. – Москва, 1995 - С. 59.

любви и деторождении¹. Небезынтересной является и точка зрения о том, что спартанские женщины вынуждены были по своим качествам походить на мужчин, что определялось общественным строем полиса – большой численностью рабов-илотов в сравнении со спартанскими гражданами. В условиях частых военных походов, женщины должны были иметь возможность своими силами сдержать восстание илотов.

Таким образом, заключим, что особые исторические условия, «Ликургов строй» сформировали такое общество в Спарте, в котором женщина по степени участия в общественных делах, по нравам и поведению коренным образом отличалась от женщин других греческих полисов. И в этом отношении, конечно, спартанки стали исключением античной истории.

Подводя итог общему анализу распределения гендерных ролей и складывающихся в античности гендерных стереотипов, заключим, что в большинстве известных случаев история Древней Греции и Древнего Рима воссоздает перед нами картину с четко обозначенной оппозицией «мужского» и «женского» мира, где свободный гражданин мужского пола активно отправляет все возможные общественные функции, в то время как женщина заключалась в частно-семейную сферу, а основными задачами, которые определяли в конечном счете ее роль в обществе и достоинство, были рождение и воспитание потомства и рачительное ведение домашнего хозяйства. В основе подобных ограничений и различного рода регуляций лежали общественные представления о биологической природе неравенства мужского и женского пола.

Однако мы должны сделать существенную оговорку относительно того, что все сказанное выше в большинстве своем относится к определенной категории женщин – свободных лиц, рожденных от

¹ Андреев, Ю.В. Спартанская гинекократия // Женщина в Античном мире. – Москва, 1995 - С. 60-62.

полноправных граждан того или иного древнегреческого полиса, города Римской цивилизации. Продолжая свое исследование, мы увидим, что сам по себе пол как основание гендерной стратификации не всегда определял единый статус для женщин античности. Хотя уже и в отношении свободных гречанок и римлянок мы увидели, что некоторые гендерные маркировки и стереотипы о тех обществах, так привычно укоренившиеся в нашем сознании, поддаются сомнению. Было бы странно ограничиться описанием лишь ограниченного положения античных женщин и не попытаться увидеть той роли, которую они играли в обществе своего времени сообразно способностям и талантам. Далее мы обратимся к глубинным пластам мировоззрения античных обществ, попробуем найти непосредственные свидетельства той атмосферы и идеологии, которые не на теории, но в жизни складывались вокруг восприятия женщины, т.е. обратим свое внимание на активность конкретных личностей, увидим конкретные формы деятельности, которые позволяли женщине выйти из созданного обществом затворничества, реализовывать свои особенные задатки, черты и способности и, тем самым, перестраивать жизнь и общественное мнение вокруг себя. Иными словами, наша задача – рассмотреть, как отдельные личности, философские идеи, культурные явления и события истории приводили к постепенному размыванию в античности гендерных стереотипов и наметили отказ от идеи биологического, природного неравенства.

1.2. Гендерные аспекты мировоззрения античных обществ: анализ мифологической системы Древней Греции

Для более глубокого понимания специфики гендерного поведения в рассматриваемый нами исторический период мы предлагаем обратиться к глубинным пластам сознания тех обществ – античной мифологии. Миф как целостная система мировоззрения – древнейшая форма осмысления мира,

понимания природы, сущности общества и отдельной личности. Мифологический материал – базовые мировоззренческие приоритеты той или иной культуры. Специалисты нашего времени говорят о том, что мифология – многофункциональный феномен человеческой мысли, поскольку именно мифотворчество формирует во многом национальную культуру¹. В свою очередь, национальную культуру мы понимаем как наглядный образ идеального человеческого поведения, в том числе и поведения в рамках гендерных взаимоотношений: можно предположить, что мужчины и женщины в реальном мире строят отношения между друг другом в соответствии с заветами предков, отраженными через системы мифов, богов, героев и существ. Интересно и то, что подобные модели гендерного поведения, отраженные в мифологии, оказали существенное влияние и на складывание современных моделей взаимоотношений между полами.

Как известно, античная мифология сформировала наиболее разветвленный пантеон богов и наделила их персонифицированными свойствами человеческой природы. Таким образом, в рамках нашего вопроса заключим, что мифология упорядочивает общественные представления о «мужском» и «женском», формулируя в образах богов/богинь архетипы разных полов с определенным набором благоприятно воспринимаемых данным обществом качеств и отрицательных черт человеческой сущности.

И, совершенно неоспоримо то, что, создавая подобные мужские и женские архетипы в мифологической системе, люди античности мыслили их как существующие в реальном, земном (людском) мире, а, следовательно, и описывали те черты, которые свойственны были женскому и мужскому полу. В соответствии с этим, изучение мифологии

¹ Шибаршина, О.Ю., Гендерные модели мифологических систем Европы и современности // Научный вестник МГТУ ГА. – 2014. – № 203. – С. 201.

кажется нам достаточно важным моментом при рассмотрении гендерных стереотипов, сформировавшихся в античности и возможных отклонений от них, что исключало предопределение мужских и женских ролей по биологическим признакам. Нет сомнений в том, что античные общества – общества патриархального типа, что прямо отражено и в мифологической системе: древнегреческая модель олимпийского периода близка к патриархату, «сферы влияния» по гендеру распределены следующим образом – богам подвластны стихии, подземное царство, богиням – чувства, репродуктивные функции. Однако интересно проанализировать, во-первых, вопрос о том, кто в мифологии был источником жизни и развития, во-вторых, посмотрим, как выстраиваются между античными разнополюми богами отношения – увидим ли мы подчинение богов женской части мужской, были ли боги – женщины кроткими, молчаливыми и беспрекословно подчиняющимися мужчинам, уступали ли они им в доблести и личных качествах? Какие вообще архетипы женских богов дарит нам античная мифология? Последний вопрос особенно интересен, поскольку сегодня психологи типизируют поведение современных женщин, опираясь на мифологию Древней Греции. Исходя из этого, кажется важным также попытаться определить, какие эпизоды, идеи античной мифологии используются в рамках современных гендерных концепций, психологической концепций теории пола, иными словами, определим, как отразились гендерные представления рассматриваемых нами обществ на системе нашего мировоззрения. Уточним, что, исследуя данные вопросы, мы основное внимание сосредоточим на мифологии древних греков, потому как, во-первых, пантеон богов римской мифологической системы, образованной в результате взаимопроникновения различных культур, в основе своей копирует известных божеств Эллады. Во-вторых, исследователи отмечают разный характер и значение мифологии для греческого и римского народов, если в

первом случае мифы и предания носят системообразующий характер, определяя основы создания общества и мироустройства в целом, то римская мифология несет, скорее, прикладное значение, поскольку во многом она исходила от государства, в основе всех ее событий был Рим и ее народ, и, соответственно, она обеспечивала четкое и надлежащее выполнение всеми членами государства своих обязанностей. Хотя, конечно, религиозный фактор имел также большое значение в жизни древних римлян, об отдельных проявлениях которого мы будем говорить в следующих главах.

Пожалуй, не поддается сомнению тот факт, что древнегреческие богини были не менее значимы в античности, чем боги. Учитывая коллективный характер религии, участие в гражданском культе принимала вся община и в равной степени поклонялись и богам, и богиням. При этом такие богини, как Афина, Гера, Деметра имели достаточно высокое значение для социума Древней Греции. Не вдаваясь в тонкости, мы можем сказать, что по своему характеру женский пантеон богов предстает перед нами в качестве сильных, часто самостоятельных, своеобразных личностей, способных по своим достоинствам и качествам вступать в противостояние с мужчинами. Могла ли традиция, закономерно ставит вопрос О.Ю. Обидина¹, представлять их таковыми, если их не было в реальной жизни? Исследователь заключает, что причина обозначенной в традиции значимой роли богинь в мировоззренческой системе древних греков кроется в переходной стадии от матриархата к патриархату, которая и нашла отражение в греческой мифологии. Обратимся к трудам советского философа, антиковеда А.Ф. Лосева, который выделял два периода развития мифологии древних греков: первый – дофессалийский или доолимпийский, ставший основой античной мифологии и возникший в период

¹ Обидина, Ю. С. И все-таки Адам и... Ева: греческая женщина в свете современных гендерных подходов // Диалог со временем. – 2014. - №47. – С. 296.

матриархата¹, под которым в данном случае мы понимаем не власть женского пола, а влияние женской сущности на общество. В этот период появляется и укореняется идея об ассоциации «феминного», т.е. женского, с природой, следовательно, и источником жизни воспринималось именно женское начало, поскольку сопоставлялось по своим биологическим возможностям с силами земли. В этом ключе показателен образ Геи – Земли, которая и есть олицетворение женского начала, создает все живое, тем самым выступает в качестве Богини-Матери. В то же время пары мужского пола, который олицетворял бы прародителя, у Геи нет, из чего логично сделать вывод о высоком почитании женской созидательной силы. Супругом Геи становится ее сын Уран – Небо, но он не становится в один ряд с женой во властных отношениях, так как порожденный от их союза титан Крон свергает своего же отца. В корне отличаются и качества супругов – если Гея предстает перед нами мудрой богиней, ведающей законами судьбы и принимающей участие в жизни следующих поколений богов, то роль Урана определяется лишь высокой плодоносной силой, что даже все капли его крови, упавшие на землю, дали свои плоды (Гесиод, «Теогония», 170-180)². Нужно отметить, что в этот период женщина наделяется не только функцией перворождения, но и уничтожающей силой. Этот образ включает в себе богиня Ночи Никта (по иным прочтениям Нюкта, Никс), порожденная Хаосом вместе с Эребом (Мраком), Эфиром, Гемерой (Днем). Обитая на тартаре – вечном мраке Эреба, Никта породила Танатоса – смерть, Гипноса – сон, мойр – богинь судьбы, Эриду – Раздор, Немесиду – отмщение за преступления, Мома – бог насмешки и др. Все они стали темными, зловещими и враждебными

¹ Античная литература: учебник для студентов педагогических институтов / А.Ф. Лосев / под ред. А.А. Тахо-Годи. – Москва, 1986. – С. 15.

² Эллинические поэты VIII – III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / под ред. М.Л. Гаспарова. – Москва, 1999. – С. 32-33.

людям божествами¹. С Никтой раздоров избегал даже Зевс. Пожалуй, сочетание в мифологии созидательного и разрушительного в женщине отразилось и на формировании впоследствии идеологических идей о биологическом неравенстве полов и о привнесении женщиной в мир нестабильности, хаоса и безрассудства – т.е. тех гендерных стереотипов, которые мы описывали в начале нашего рассуждения. Мы увидим, что и богини следующих поколений наряду с функциями плодородия, защиты семьи, жизни наделялись весьма сомнительными качествами, будь то злость, ярость, мщение и т.д. О подобном соединении красноречиво говорит, например, мифологический образ Медеи. Сочетая в себе два женских начала, героиня становится воплощением божественных сил природы – она рождает, наносит увечья, лечит, воскрешает, убивает тогда, когда сама захочет. В каком-то смысле, Медея, став одним из наиболее эмоциональных персонажей мифологической системы греков, несла, по выражению исследователей, послание – посмотрите, что случается, когда опасная женщина выходит из-под контроля². Интересно и то, что образ Медеи, начиная с XX века активно стал использоваться как символ женщины, загубленной обществом с господством мужчин, а все ее деяния получили оценку борьбы за справедливость, что, конечно, говорит о влиянии античности на складывание современных гендерных концепций. Но вернемся к античности. В земном мире подобные представления о двойственности женской природы с превалированием отрицательных качеств вылились в систему ограничений для гречанок (и впоследствии римлянок). Однако, можем предположить, что это стало результатом признания не низости женской природы, ее безынтересности и

¹ Зурабова, К. А. Мифы и предания. Античность и библейский мир: популярный энциклопедический словарь / К. А. Зурабова, В.В. Сухачевский. – Москва, 1993. – С. 181-182.

² Бакстон, Ричард. Греческая мифология, сформировавшая наше сознание / пер. с англ. Ю. Агаповой. – Москва, 2023. – С. 55.

неспособности к активной «мужской» деятельности, а скорее диктовалось страхом перед возможностями женщины. Не говорит ли это нам о признании античным мировоззрением той внутренней силы, что нес в себе женский пол?

Переходим ко второму периоду античной мифологии, выделенному А.Ф. Лосевым – классическая, героическая или олимпийская мифология, которая возникает с переходом от матриархата к патриархату¹. Образы женских богинь видоизменяются и получают новые, четко определенные функции, исчезает, как утверждает философ, страх перед непонятными силами, мир воспринимается упорядоченным. Однако, патриархальный характер олимпийского пантеона и установление смирения как стереотипа для поведения женщины по отношению к мужчине не привел к унижению функций, ограничению характеров богинь кротостью и послушанием, их роль была так же высока. Напротив, Зевс, будучи верховным богом Олимпа имел равных себе по значению богов – братьев и сестер, одна из которых – Гера – стала его супругой. К тому же, несмотря на определяющее место Зевса, его судьба не была ему подвластна. Как и во всех остальных случаях, ее определяют Мойры – Лахесис заведует судьбой до рождения, Клото прядет нить человеческой жизни, Атропос предписывает смерть. Мойры – образы женские, отсюда мы заключаем, что и у греков, как и у многих других народов, определение судьбы является исключительной женской ролью, что, конечно, свидетельствует о гендерном стереотипе, который в этот раз читается в пользу женщин.

Вернемся к рассмотрению женщин и женского начала в пантеоне олимпийских богов. Против божеств мужского пола на Олимпе стоит женская группа, представленная богинями, главное место среди которых занимают Гера, Афина, Деметра, Артемида, Афродита, Гестия. Неоспорим

¹ Античная литература: учебник для студентов педагогических институтов / А.Ф. Лосев / под ред. А.А. Тахо-Годи. – Москва, 1986. – С. 19.

тот факт, что они вполне самостоятельны и принимают участие в процессах общественного развития, при этом являются чрезвычайно важными для различных аспектов жизни людей, проявляют чудеса в степени не меньшей, чем боги – мужчины. Хотя власть и является прерогативой мужчин, о величии, а иногда и главенстве женского начала, несмотря на сформированную уже патриархальную традицию мировосприятия, нам говорят такие образы мифологии, как Гера, Афина и Лето.

Гера – сестра и третья законная жена Зевса, верховная олимпийская богиня, о чем говорит и Гомер:

«...Все на великом Олимпе блаженные боги

Благоговейно ее наравне почитают с Кронидом»¹.

В ее характере следы архаической, стихийной силы. Пытаясь отстаивать свою независимость перед мужем, часто вступает в споры с ним, высказывает мнение, основанное на собственных симпатиях и интересах. Взаимоотношения Геры и Зевса строятся на основах патриархального типа семьи, однако оба супруга вносят в него свои, исключительные качества, основанные на противостоянии чувственного и рационального, соответственно и при реализации задуманных планов используют разные методы, что вовсе, конечно, не говорит о бесправии женского начала в семье. Будучи покровительницей брака и семейного очага, Гера жестко охраняет свой союз – ревнуя Зевса, преследует его возлюбленных. Упорно отстаивая самостоятельность своего женского начала, часто богиня идет против супруга – вдохновляет на сопротивление ему Посейдона, помогает ахейцам в Троянской войне. Конечно, далеко не все качества Геры как защитницы семейных уз оцениваются как добродетельные и целомудренные, она сварлива и мстительна, хитра. Так, в образе ее соединяются, по мнению исследователей, старинные

¹ Античные гимны / под ред. А.А. Тахо-Годи. – Москва, 1988. – С. 117.

матриархальные черты и новые функции, направленные на сохранение отношений патриархальной семьи. Как мы видим, брак Геры и Зевса – союз самостоятельных, сильных, активных людей, наделенных чувством собственного достоинства, возможностью реализовывать свои желания и интересы, хотя и во главе семьи без обсуждений стоит мужчина, они дополняют друг друга и становятся источником миропорядка, что, конечно, рисует перед нами иную картину соотношения «мужского» и «женского» в рамках семейно-брачных отношений античной жизни.

Далее свое внимание мы сосредоточим на Афине – богине мудрости и справедливой войны. Будучи любимой дочерью Зевса, Афина становится воплощением его мыслей и дел, она признается практически равной с ним по мудрости и силе. Она хранит обет безбрачия и этим определяется ее самостоятельность и независимость, Афина не нуждается в мужском начале. В противовес Аресу – кровожадному, разрушительному, нерациональному богу войны, толкавшего воинов на насилие и зверства (Гомер в «Илиаде» описывает его как свирепого, кровавого, ненасытного бранью мужа¹), богиня предстает перед нами сторонницей справедливой войны с обозначенными правилами, она не терпит ненужной жестокости и дикости, воинственность Афины находится в необходимых для случая пределах, она продумана. Именно поэтому в противовес мужскому богу войны, женский образ богини становится покровительницей героев. В разнице отношения к такому безусловно трагичному событию, как война, мы видим признание, как это ни странно, рационального начала, сдержанности, доблести, мудрости и справедливой помощи именно за женщиной, за женским началом. Культ Афины был распространен по всей Греции, но особенное значение приобретает, конечно, в афинском полисе. Позже мы увидим, как женское участие в ритуальной сфере позволяло им

¹ Гомер. Илиада / пер. Н.И. Гнедича. – Москва, 1960. – С. 80, 83, 88, 92.

играть те роли в обществе, которые далеко выходили за рамки семейного быта.

Мы не будем детально рассматривать значение каждой богини Олимпийского пантеона, но стоит отметить, во-первых, что примеры, приведенные нами выше в образах Геры и Афины, показывают, что исчезнувшие формы жизни (речь идет о ценностях женщины, возникших в эпоху матриархата) не только продолжали существовать в мифологической традиции, но и оказывали значительное влияние на формирование общественного сознания. Во-вторых, хотелось бы остановиться на вопросе противопоставления отдельных качеств богов качеств богинь и их рациональном соединении. Зевса с его неутомимой силой и желанием воссоздать вокруг себя мир возлюбленных, ограничивает и направляет в русло семейной жизни Гера, Ареса с его безрассудством и жаждой крови умиротворяет мудрая Афина, прекрасную Афродиту, несущую в мир то, что является основой самой жизни и всех женщин – любовь, держит «в руках» покровитель самого мужского занятия, невзрачный во внешности Гефест, Деметру – богиню плодородия, земледелия дополняет бог растительности, виноградарства, виноделия Дионис, при этом культ именно мужского бога породил в обществах античности пороки. Так, пожалуй, мы можем предположить, что женские и мужские стихии дополняли и стабилизировали друг друга, вместе определяя гармоничное целое, в котором присутствует и эмоции/разум, и чувства/расчет. Это само по себе несет идею признания ценности и женского, и мужского начала и необходимости того и иного для стабильного развития социума.

Продолжая рассуждения в этом ключе, можно обратиться к точке зрения некоторых современных ученых, согласно которой многие персонажи древнегреческой мифологии – амбивалентной природы, т.е. одновременно выступают и мужчиной, и женщиной. Такой точки зрения

придерживается профессор Высшей школы экономики Г.Ч. Гусейнов. Философ, анализируя ипостаси Зевса, говорит, что, с одной стороны, он явно мужчина в расцвете сил, но с другой – он мужчина, способный выносить собственного ребенка – Диониса, значит он обладает не только мужскими чертами, но и женскими. Более того, продолжает он, обладая свойствами, присущими настоящему мужчине, например, храбростью, Зевс остается в то же время трусом, поскольку боится больше всего собственного свержения, поэтому, услышав предсказание о сыне, проглатывает беременную возлюбленную Метиду. Так, из головы главного бога Олимпа выходит Афина. Под сомнение Г.Ч. Гусейнов ставит и женскую сущность Афины – она непорочная дева, но благоволит мужчинам, при этом исполняет в патриархальном обществе функции, изначально отведенные достоинству мужского пола, значит, заключает автор, это смешанное мужское-женское существо, в котором много и от Зевса, и от Метиды. Это же в равной степени можно отнести и к Дионису, Аполлону, Артемиде, поскольку они, с одной стороны, обладают четко проявленными половыми признаками мужчины/женщины, но с другой часто переживают собственную неполноценную мужественность, женственность, иными словами несут в себе смешанное, женско-мужское начало¹. Кроме того, в Античности существовали представления об андрогинии – гармоническом соединении в человеке и мироздании маскулинных и феминного начала, что, конечно, повлияло в будущем на формирование гендерных концепций.

Все вышесказанное позволяет нам сделать вывод о том, что древнегреческие мифы дают нам важное представление о разносторонности каждого человека, о том, что каждый из людей не может

¹ Гусейнов, Г.Ч. Категория пола в мифе [Электронный ресурс] // Портал «ПостНаука». URL: <https://postnauka.org/video/65233> (дата обращения 24.01.2025).

быть вписан в четко определенные рамки, в данном случае мы рассуждаем о гендерных стереотипах. Человеческое существо сложнее и определяется гораздо большими величинами, чем просто пол, да, в конечном счете, он диктует некоторую предрасположенность к занятиям, заложенные в сознание качества, поскольку никто не будет спорить с природой и биологическими возможностями мужских и женских организмов, но ни мужчине, ни женщине не отказывается в реализации собственного потенциала и обустройстве своей жизни в соответствии с индивидуально-личностным началом. Греческий миф дает нам возможность увидеть в человеке другое, сочетание характерных только ему качеств. Совершенно удивительно, что мы можем предположить о существовании подобной идеи в мифах, а значит и в мировоззрении древних греков, поскольку именно эта тема стала ведущей при оформлении гендерных концепций современности.

Кроме вышесказанного, рассматривая античную мифологию с точки зрения современных гендерных концепций, интересно сказать о типировании гендерного поведения современных женщин на основании архетипов греческих богинь. Концепция женских архетипов через мифологические образы богинь была разработана американским психиатром Джинной Болен в книге «Богини в каждой женщине». В ней автор утверждает, что греческие богини воплощают жизненные модели женщины в патриархальной культуре, которые, в свою очередь, влияют на наше мышление и жизненные приоритеты¹. Всего психиатр выделила 7 архетипов, которые в общем виде можно представить в 3 категориях: женщины, суть которых в самодостаточности и независимости (Артемиде,

¹ Болен, Дж. Ш. Богини в каждой женщине [Электронный ресурс] // Библиотека «Куб». URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/pkYcm9SpwjDLUn2NwucfMIts-vP8EXY3QT3OKAYKHWqoEft9B_9DmtdylaT9P9rbL1JDxt1LGoJNj1ojRULB9DSGKdyPpOkl6w43Nih_2QInn5o9YBL6g/Dzh_Sh_Bolen_Bogini_v_kazhdoy_zhenschine.pdf (дата обращения: 24.01.2025).

Афина и Гестия), женщины, определяющиеся через семью и детей (реализующиеся в домашней сфере – Гера и Деметра), женщины – мистики (Геката), творческий архетип (Афродита). Конечно, здесь мы могли бы сказать о том, что выделение самостоятельных и независимых архетипов на основании мифологии – уже дает нам кое-какие представления о разрушении гендерных стереотипов, но в данном фрагменте мы обратим свое внимание именно на то культурное наследие, что подарила нам античная цивилизация – даже гендерные вопросы, вопросы психологии и психотерапии берут за основу мировоззренческие представления древнегреческого общества, это ли не есть обозначение истоков вопроса взаимоотношения полов?

Другим значимым эпизодом античной мифологии о гендерных представлениях, который до сих пор вызывает необычайный интерес, стали легенды об Амазонках – сообществе женщин, отличавшихся особой независимостью. Интерес к образу народа, состоявшего исключительно из женщин, появляется в среде мыслителей, начиная с Геродота (484-425 г. до н.э.) и Эфора (405-330 г. до н.э.) и существует вплоть до Дионисия Скитобрахиона (середина II в. до н.э.), «Отца географии» Страбона и Плутарха (I в. н.э.). Историки и мыслители философствовали о самом существовании амазонок, их характерах, особенностях жизни.

Автор «Мировой истории женщин» С.Г. Фатыхов, высказывает мнение, согласно которому мифы об амазонках имели под собой ритуальный характер, в то же время они стали аргументом идеи о существовавших внутри матриархальных систем обществах, состоящих исключительно из женщин. Неординарность данного явления для общества патриархального типа, по утверждению автора, привела к широкому интересу к легенде. Британский эллинист Р. Бакстон задает вполне закономерный вопрос: могли ли амазонки существовать на самом деле? Рассматривая три составляющих мифа об амазонках –

этнографический вопрос, подвиги отдельных амазонок, эпизод захвата амазонками Греции, ученый заключает, что модель народа амазонок – это способ осмысления проблемы разницы полов, которая волновала человеческое общество во всех исторических периодах. Сегодня мы также видим использование образа воинственных женщин в современной культуре – главная героиня сериала «Зена – королева воинов», «Чудо-женщина» DC Comics и т.д. Живучесть образа мифической амазонки, по мнению Р. Бакстона, очевидна, однако в данном случае более важным является не факт реальности легенд об амазонках, а сама идея, воплощенная в этих мифах¹. Так, мы можем предположить, что Амазония – это всего лишь сексуально-поведенческая, морально-установочная мифологема, обосновывающая возможность женщины быть самостоятельной и независимой от мужчины.

Таким образом, рассматривая античную мифологию на предмет гендерных отношений с акцентом на вопрос о женщинах и женском начале, мы заключим, что согласно мифологической системе древних греков, рисующей перед нами все же патриархальную систему мироустройства, женщина в сравнении с природой сочетала в себе два противоположных начала – созидательное и разрушительное, при этом часто через образы богинь она воспринималась активно действующим персонажем, наполненным самодостаточностью и чувством собственного достоинства, с яркой позицией и с признанной доблестью, что иной раз находило свое выражение через противопоставление с отрицательными качествами мужской части олимпийского пантеона. В дальнейших наших рассуждениях мы увидим, что независимые проявления женщин, выходящие за рамки нормативного поведения, установленного

¹ Бакстон, Ричард. Греческая мифология, сформировавшая наше сознание / пер. с англ. Ю. Агаповой. – Москва, 2023. – С. 114, 126-127.

общественной системой, были и в земной жизни античного общества. Кроме того, мы сделали вывод о том, что сочетание «мужского» и «женского» начал в мифологии создает картину гармоничности и стабильности в обществе, что само по себе несет идею признания ценности и женщин, и мужчин. А идея о сочетании в одном мифологическом персонаже двух начал и попеременное превалирование одного из них вне зависимости от пола дает нам значимые для гендерной концепции представления о разносторонности каждого человека, индивидуальности, опять же вне зависимости от биологической природы, что, в свою очередь, разрушает некоторые гендерные стереотипы. Эти, а также другие идеи античной мифологии повлияли на складывание основных вопросов гендерной теории с признанием ценности каждой личности в будущем.

1.3. Социокультурная активность женщин Древней Греции и ее влияние на общественно-идеологическую атмосферу, складывающуюся вокруг гендерных отношений

Итак, согласно общему правилу, в представлении древних греков круг обязанностей и возможных занятий представительниц женского пола был ограничен, во-первых, рождением детей и воспитанием девочек в гинекее, во-вторых, ведением домашнего хозяйства. Идеал гречанки – целомудренное, высоко нравственное, молчаливое поведение с полным послушанием мужчине – отцу и впоследствии супругу – такое поведение, которое не привлекало бы лишнего к ней внимания, чтобы нельзя было сказать о женщине ни хорошего, ни дурного. По утверждению В.Б. Миронова, таким задачам было посвящено воспитание девочек в гинекее, поскольку оно обеспечивало «ту скромность и нежность, которую греки особенно ценили в женщине»¹. Все свое существование женщина должна

¹ Миронов, В.Б. Древняя Греция. – Москва, 2006. – С. 203.

была посвятить воспитанию ребенка и сохранению имущества мужа посредством добропорядочного выполнения домашних обязанностей, в основе чего лежала идея о разной биологической природе полов, предопределившей склонность мужчины и женщины к определенному рода занятиям, а значит и к индивидуальным качествам: «Клянусь Зевсом, - отвечал я, - старайся как можно лучше делать то, способной к чему создали тебя боги, как это и признает обычай. <...> А так как для обоих этих родов занятий, - и внутренних, и внешних, - нужен труд и забота, то и природу обоих полов с самого рождения, мне кажется, бог приспособил: природу женщины для домашних трудов и забот, а природу мужчины – для внешних. <...> Обычай указывает также, что для мужчины и женщины приличны те занятия, к которым бог даровал каждому из них больше способности: женщине приличнее сидеть дома, чем находиться вне его, а мужчине более стыдно сидеть дома, чем заботиться о внешних делах»¹. И несмотря на то, что в домохозяйстве женщина занимала высокое положение, так как считалась «блюстительницей законов над всем находящимся в доме»², все же в участии в общественной жизни полиса, в самовыражении, даже в наличии возможности заниматься какой бы то ни было другой деятельностью, кроме как домашней, гречанке было отказано. Однако даже в этот период господства патриархальных установок, которые не только ограничивали возможности, но и общественно осуждали нарушение запретов, античная история содержит немало примеров влияния женщин на ход событий, что в свою очередь приводило к трансформации общественных представлений о роли и значении женского пола в общественном развитии. Разрушая своей повседневной деятельностью гендерные предрассудки, стереотипы, женщины могли

¹ Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения / пер. С.И. Соболевского. – Москва, 1935. – С. 275-277.

² Там же. С. 286

примерять на себя совсем иные роли и находили другое восприятие себя в мире мужчин. Некоторые исследователи считают, что все подобные примеры поддаются простому объяснению – это пережитки матриархата, но мы попытаемся отразить, что образ женщины трансформировался под влиянием конкретных условий и деятельности отдельных личностей, что в конечном счете отразилось в идеологическом оформлении идей, наметивших тенденцию отхода от биологического предопределения человеческой личности, а также в формировании новой морали.

Начнем свои рассуждения с обращения к культуре Крито-Микенской цивилизации. Произведения искусства (фрески «Парижанка», «Дамы в голубом» и др.) дают нам представления о том, что положение знатных женщин данного периода было достаточно высоким, что ~~даже~~ не является правилом для всех древних культур. Многочисленные изображения представляют даму центральным образом, они занимают доминирующее положение, ни одна мужская фигура не имеет такого же места, что дает нам возможность предположить о признании их значимости или хотя бы о том, что они имели на это шанс.

Интерес к образу женщин читается через активное распространение и обсуждение в среде мыслителей легенд об Амазонках, о чем мы говорили выше. О внимательном отношении к женщине, в частности к супругам, мы можем судить по надгробным стелам с эмоциональными обращениями в адрес жены, что свидетельствует о том, что нередко семейная жизнь строилась на искренней любви и уважении.

Российский специалист в области истории Древней Греции И.Е. Суриков, оставаясь приверженцем традиционного для науки подхода, согласно которому женщина не признавалась хоть сколько-нибудь значимой фигурой в античном мире, все же в своей книге «Античная Греция: Ментальность, религия, культура» говорит о том, что в аристократических Афинах VI – V в. до н.э. существовал феномен,

позволявший женщинам играть активную роль в обществе – «политические браки». Исследователь со ссылкой на конкретные примеры, приведенные Геродотом в «Истории», заключает, что женщины, хоть и в большинстве случаев не выбирали самостоятельно для себя супруга, могли содействовать заключению или разрыву союза, в то же время могли оказывать на мужей-политиков влияние в повседневной жизни. В качестве аргумента своей мысли историк приводит высказывание Плутарха: «Сын Фемистокла своими капризами заставлял мать исполнять все его желания, а через нее и отца. Фемистокл, подсмеиваясь над этим говорил, что его сын самый сильный человек в Элладе, потому что эллинам дают свои повеления афиняне, а афинянам – он сам, ему самому – мать его сына, а матери – сын»¹. Так, сын имел возможность влиять на отца не непосредственно, а только через мать. Однако далее в своих рассуждениях И.Е. Суриков демонстрирует, что по мере демократизации политической системы Афин статус женщины приобретал черты все более зависимого и незавидного положения, выход из которого не мыслился ни одним способом. Но и в эпоху становления демократического общества мы можем обнаружить влияние женщин на мужчин, обозначенное в правовом поле. Так, Аристотель, рассуждая о политике Тридцати тиранов («Афинская полития», XIII, 35, 2), стоявших у власти в Афинах после окончания Пелопонесской войны, говорит, что они отменили «неудобное» ограничение закона Солона о праве отдавать свое имущество, кто кому пожелает, гласившее следующее: «Если только не в припадке безумия, или под влиянием старости, или по внушению женщины»². Можем предположить, что вряд ли без наличия прецедентов о внушении женщин некоторых идей мужчинам, в данном случае речь идет о передаче

¹ Суриков, И.Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура. – Москва, 2015. – С. 461-466.

² Аристотель. Афинская полития / пер. с греческого С.И. Радцига. – Москва, 2020. – С. 34.

имущества, эта ситуация нашла бы отражение в правовых нормах законодателя.

Профессор Ю.С. Обидина не соглашается с представленной выше точкой зрения, обращая внимание на то, что подобный подход дает лишь упрощенное представление о типах мужчин и женщин в Древней Греции, в то время как применение гендерного подхода позволяет увидеть неоднозначность предрассудков в понимании человека по принципу пола в Античности¹. Впрочем, о точке зрения профессора мы рассуждали в первом пункте.

Подобное мнение высказал ранее специалист в области древнегреческой женской и гендерной теории П. Брюле. Французский историк сделал акцент на столкновении идей, согласно которым, с одной стороны, существовало подчиненное и зависимое от мужчины положение афинской женщины классического периода, а с другой стороны, в числе мировоззренческих основ общества того периода было почитание и фактическое обожествление, выраженное в культе Афины – главной богини города².

Историк – антиковед первой трети XX века В.П. Бузескул высказывался более категорично и утверждал о существовании в античной Греции женского движения, начавшегося со второй половины V века и ставшего следствием изменения общественных условий (В.П. Бузескул называет это время – эпохой Просвещения в античности) – рост демократических тенденций, повышение образованности общества в целом привело к проникновению идей о значении умственного развития в гинекей. Так, утверждает историк, опираясь, в частности, на литературу античности, прежде всего на материал трагедий, постепенно набирала

¹ Обидина, Ю. С. И все-таки Адам и... Ева: греческая женщина в свете современных гендерных подходов // Диалог со временем. – 2014. - №47. – С. 294.

² Брюле, П. Повседневная жизнь Древнегреческих женщин в классическую эпоху / пер. с французского Т.А. Левиной. – Москва, 2005. – С. 12-19.

обороты женская эмансипация – освобождение от каких бы то ни было оков и стеснений¹.

По нашему мнению, подобная точка зрения является слишком категоричной и не содержит под собой реальных обоснований, говоривших о наличии целенаправленной «борьбы» женщин за свои права и свободы в условиях патриархального мира. Вряд ли гречанки и римлянки осознавали суть своего положения, которое является отклонением от нормы лишь для нас, жителей XXI века. Жизнь античных людей была четко определена, как и функции каждого члена общества в гражданском коллективе, что вытекало из ментальных основ самой цивилизации. Не перенося термины и явления сегодняшнего дня на события древности, оговоримся, что наша задача – увидеть общественный мир греков их глазами. Ставя перед собой задачу проанализировать гендерные отношения античности, мы лишь пытаемся увидеть, как уже говорили, проявления, а, самое главное, причины появления необычного, ненормативного поведения в обыденном мире, отыскать предпосылки подобных явлений и увидеть их влияние на последующие эпохи. В том числе не поддается сомнению тот факт, что действия отдельных личностей (в т.ч. женщин), их культурный вклад нашел свое отражение в современности. Мы не говорим о разрушении всех рамок, существовавших между полами в античности, а лишь рассуждаем о том, почему и как стирались границы гендерных стереотипов, в каких формах обозначалась идея о несправедливости предрассудков, обозначенных чисто биологическими характеристиками без учета индивидуально-личностного начала. И эти явления, безусловно, не были повсеместными, хоть и оказали значительное влияние на складывание общественных представлений, философских идей и, в конечном счете, на течение истории.

¹ Бузескул, В. Женский вопрос в Древней Греции. – Харьков, 1905. – С. 11.

Учитывая большой резонанс вокруг гендерных вопросов, сегодня факты истории часто воспринимаются с субъективной точки зрения, когда одно и то же явление может служить как аргументом «за», так и «против». Так, например, достаточно большое количество исследователей, анализируя комедии древнегреческого драматурга Аристофана, причисляют его к группе борцов за свободы и права женщин, в качестве аргументов используют материал трех его «женских» комедий – «Лисистрата», «Женщины на празднике Фесмофорий», «Женщины в народном собрании».

Однако мы понимаем, что античные комедии – это инверсия повседневного. Как справедливо отмечает И.Е. Суриков: «...это мир карнавальн^{ый}, мир, «вывернутый наизнанку». В ней [в афинской комедии V в. до н.э.] изображались сказочно-фантастические ситуации, заведомо невозможные в реальности и даже немыслимые»¹. В общем-то именно поэтому эти ситуации были отражены в комедиях, поскольку их основное назначение – вызвать смех. Греки, наблюдавшие за искаженной реальностью на сцене, конечно, четко определяли границы вымысла и правды, чего нам, читателям трудов V в. до н.э. с позиций современных идей, бывает трудно достичь.

Заключаем, что комедии Аристофана отражали то, чего на самом деле не могло существовать – разве могли женщины в строго патриархальном мире получить хоть сколько-нибудь прав в управлении государством? Конечно, нет. Однако женщина, будучи главой хозяйства в доме и состоящая за своим мужчиной вполне может влиять на его решения косвенно, путем разговоров и убеждений. И здесь мы можем обратить свое внимание на другой аспект античных комедий – для того, чтобы заинтересовать публику (учитываем, что для древнегреческой драматургии

¹ Суриков, И.Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура. – Москва, 2015. – С. 442.

был характерен соревновательный элемент), тема, поднимающаяся в произведении, должна была затрагивать те вопросы, которые волновали общество, были на повестке дня, иными словами, носили бы остро социальный характер, отвергая или принимая некоторые идеи, имеющие популярность в мужской среде, обсуждаемые в ней (поскольку публикой театральных состязаний были мужчины). Интересно, что исследователи истории женщин имеют мнение, что, например, Лисистрата Аристофана символизирует не столько эмансипацию женщин, сколько страх мужчин перед женщинами¹. Соответственно, мы можем выдвинуть предположение о том, что рассуждения о характере, деятельности, роли в обществе женщины, а также распределении властных отношений, отношений, связанных с отправлением общественно значимых функций, между полами (т.е. гендерные вопросы) для того времени (речь о Классической Греции периода V- IV вв. до н.э.) носили актуальный характер, это мы увидим и среди обсуждений в философской среде, о чем скажем чуть позже.

Итак, делаем вывод о том, что тема гендерных отношений (в т.ч. вопросы о женщине) все же имела место в разные периоды истории античной Греции. Мы придерживаемся мнения о том, что наряду с обсуждением «женских» вопросов в рассматриваемый нами период в среде философов и деятелей искусства, особое влияние на становление обозначенных выше идей о возможном отступлении от нормативов поведения для полов оказала социальная активность, деятельность отдельных личностей, что, безусловно, было скорее исключением, чем правилом. Немногим из древних гречанок удалось вписать свое имя в историю Греции, однако, понимали они значение этого или нет, их деяния,

¹ История женщин на Западе: в 5 т. Т.1: От древних богинь до христианских святых / пер. с английского Н.Л. Пушкаревой; под ред. Ж. Дюби и М. Перро. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 16.

образ жизни повлияли не только на их современников, но и на цивилизацию XX-XXI века.

Для того, чтобы выделить отдельные направления деятельности женщин или формальные и неформальные каналы, которые позволяли обходить гендерные стереотипы и тем самым выходить женщинам в общественное поле, необходимо обратиться к категориям женщин Древней Греции, выделяемых в соответствии с их социальным статусом: первые – свободнорожденные женщины, второй тип – гетеры и третья категория – авлетриды – куртизанки (обладающими умением или играть на музыкальном инструменте, или петь, и обязательно танцевать), паллаке – сожительницы, наложницы, имеющие статус рабыни или вольноотпущенной, дектериады – публичные женщины.

Первые – свободные женщины, рожденные от граждан полиса – дочери, жены и впоследствии матери граждан. Перикл обращался к таким женщинам как к «супругам и гражданкам» (хотя в категорию граждан согласно правовому статусу женщины, конечно, не причислялись и, как следствие, гражданскими правами не обладали). Социальный и правовой статус женщин данной категории мы подробно охарактеризовали в первом пункте – они не были субъектами правовых отношений, жили за мужем, род их занятий ограничивался воспитанием детей и ведением домашнего хозяйства. Свободные женщины не имели образования, не были сведущими в вопросах философии, искусства, а главные их достоинства – целомудрие, кротость и послушание.

Второй тип – гетеры – спутницы. Гетеризм – совершенно уникальное явление Древней Греции, получившее значительное распространение с V в до. н.э. Гетеризм, по Моргану, форма полового общения, существовавшая во все эпохи развития цивилизации наряду с индивидуальным браком в форме полового общения мужчин с незамужними женщинами и

переходившая все более и более в открытую проституцию¹. В отличие от свободнорожденных женщин первой категории, образ жизни гетер был независимым. Мы не можем причислить их к полностью эмансипированной категории женщин, следуя современным представлениям, поскольку у гетер были строго определенные в древнегреческом обществе задачи – сопровождение и развлечение мужчин, к тому же часто гетеры находились на их содержании. Однако главное их отличие от замужних женщин в том, что они были достаточно хорошо образованы, обучались философии, музыке, риторике, с легкостью могли поддержать беседу на любую тему с мужчиной.

Детальное рассмотрение и анализ социального статуса женщин, причисляемых к третьей категории, требовали бы отдельного исследования, потому что в наших рассуждениях мы не будем подробно говорить об их жизни. Очевидно, что зарегистрировать брак с женщиной, по социальному разделению причисляемой к третьей (и по общему правилу ко второй) категории, было невозможно, как и отправление ими в обществе хоть сколько значимых функций помимо доставления физического удовольствия мужчинам.

Так, сохранившаяся речь оратора Демосфена против гетеры Нееры, во-первых, дает нам подробное представление о разнице между категориями женщин, во-вторых, рисует четкую характеристику роли каждой из них в социальной жизни древних греков: «Гетер мы заводим ради наслаждения, наложниц – ради ежедневных телесных потребностей, тогда как жен мы берем ради того, чтобы иметь от них законных детей, а также для того, чтобы иметь в доме верного стража своего имущества»².

¹ Энциклопедия Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.brokgaus.ru/text/028/149.htm> (дата обращения: 21.01.2025).

² Демосфен. Речи: в 3 т. Т. 2 / под ред. Е.С. Голубцовой. – Москва, 1994. – С. 310.

О том, что имеет ввиду Демосфен под «наслаждением», полученным от гетер мужчинами, скажем чуть позже. Сейчас обратим внимание на то, что, очевидно, более независимый статус гетер в сравнении со свободными женщинами греческих полисов, их возможность получать образование и обучаться разного рода искусствам позволили женщинам этой категории играть значимую роль в культурной и социальной жизни полиса. Однако мы не будем отказывать в такой возможности и свободным женщинам, поскольку они занимали видное место в жизни полиса путем участия в ритуальной сфере.

Таким образом, по нашему мнению, можно выделить 4 центральных направления социальной активности / деятельности древних гречанок, которые позволяли им выйти за рамки предписанных гендерных ролей (за рамки частно-семейной сферы):

1. участие в ритуальной сфере полиса;
2. отход от традиционной, регулирующей общественные и семейные отношения морали, провозглашение права свободной любви (в противовес браку, который понимался как выполнение общественного долга), ярким выражением чего стал гетеризм;
3. стремление женщин к общественной и политической деятельности;
4. стремление к достижению высокого уровня умственного развития и образования.

Рассмотрев эти четыре канала выхода гречанок в общественное поле, мы сможем увидеть трансформацию общественно-идеологической атмосферы, которая формирует иную картину жизни древнегреческой женщины.

Обратимся к формальному каналу, позволявшему свободным женщинам фактически выходить из дома и принимать участие в жизни полиса – участие в ритуальной практике. Несмотря на то, что большинство

религиозных культов с шествиями, торжествами и жертвоприношениями находилось под протекторатом мужчин, женщины также занимали центральное место в ритуальной жизни полиса. Они председательствовали на части государственных и частных праздников, отвечали за большую часть культовой деятельности, способствующей благосостоянию домашних хозяйств и города¹.

Во-первых, уважением и авторитетом пользовались гречанки, участвовавшие в культе богини Афины. Несмотря на то, что большинство религиозных шествий, торжеств и практик находилось под протекторатом мужского пола, культ главной богини афинского полиса давал женщинам не только возможность заниматься чем-либо помимо домашних обязанностей, но и занять свое место в полисной иерархии, играть важную роль в жизни города-государства. Более чем в половине из тридцати праздников, ежегодно проводимых в Афинах в честь богини, активное участие принимали женщины, поскольку многие их составляющие были связаны с женским началом: канефоры – молодые девы, специально отобранные из знатных семей, подносили для жертвоприношений к алтарю корзину со священным ячменем (продолжали служить богине до выхода замуж), взрослые, замужние женщины избирались в качестве жриц, они носили титул иерея и охраняли священные предметы, находившиеся в святилище². Интересен тот факт, что в современной Греции женщинам запрещено принимать подобный титул. Кульминацией празднеств были Панафинеи – самые крупные религиозно-политические торжества, проводившиеся в честь богини Афины, в которых участие принимали женщины всех возрастов и сословий. Высший религиозный пост в

¹ Петров, А.В. Женщина в религии и философии античности // Культурологические исследования из истории древнего мира и средних веков: проблемы женственности. – Санкт-Петербург, 1999. – С. 7.

² Марк, Дж. Дж. Женщины из культа Афины [Электронный ресурс] // Энциклопедия мировой истории. URL: <https://www.worldhistory.org/article/74/the-women-of-athenas-cult/> (дата обращения 28.01.2025).

Древних Афинах занимала Верховная жрица Афина Полиас, она осуществляла руководство городским культом и считалось, что женщина, отправлявшая эти функции, передавала гражданскому коллективу волю богини. Так, в «Истории» (книга VIII, 41) Геродот приводит сведения, согласно которым в ходе Греко-персидских войн перед битвой при Саламине в 480 г. до н.э. глашатаи объявили в Афинах, чтобы «каждый спасал своих детей и челядь, кто где может», и после того, как Верховная жрица объявила, что змея – страж акрополя, которой приносили ежемесячную жертву в виде медовой лепешки, не прикоснулась к ней, «афиняне гораздо скорее и охотнее покинули родной край, так как думали, что и богиня покинула свой акрополь»¹. Таким образом, культ Афины позволял гречанкам занимать значимое место в полисной структуре общества и вносить свой вклад в религиозную и культурную жизнь города.

Другим аспектом участия женщин в религиозной жизни древнегреческого общества, который в конечном счете позволил женщине занять свое место в полисной организации, стали культы, связанные с плодородием и сельскохозяйственным циклом. Это напрямую соотносилось с женским созидательным началом и тем самым определяло идентичность женщины. Так, Ю.С. Обидина, ссылаясь на британского специалиста греческой трагедии Б. Гофф, утверждает, что участие женщины в религиозной жизни было не временным отвлечением от забот повседневности, а требовало беспрестанного присутствия женщины в публичной сфере. Обращаясь к дионисийским мистериям, автор показывает, что отправление женщинами функций в культовой жизни отражало их роль в социальной жизни и идеологии, поскольку, во-первых, ритуал, используя символические репрезентации, отражает деятельность, выполнением которой занимаются участники культа в повседневной

¹ Геродот. История в девяти книгах / пер. с греческого Г.А. Стратановского; под ред. С.Л. Утченко. – Ленинград, 1972. – С. 388.

жизни, во-вторых, он концентрирует в себе те стереотипы поведения, которые способствуют процветанию общины, города, полиса¹. Так, древние ритуалы, посвященные богу вина и плодородия Дионису, позволяли женщинам, в соответствии с общей целью всех мероприятий, освободиться от их социальных ролей, предписанных обществом, и вернуться к естественному состоянию, а поскольку образ женщины, женское начало символизировало землю, культ был исключительно женским. В дни, отведенные для празднования, вакханки (которыми становились исключительно замужние женщины) пользовались всеобщим уважением и поддержкой, что объяснялось верой в благоприятные последствия ритуальных практик, среди которых плодородие полей и виноградников, и стоит упомянуть, что от этого вполне зависело благосостояние общества. Кроме того, известен тот факт, что праздники Диониса повлияли на становление античной комедии, так как считается, что первые драмы ставились именно во время Великих Дионисий (весна), а слово «комедия» переводится как «песня космоса» – так назывались фаллические шествия. Выше мы уже рассуждали о древнегреческих комедиях Аристофана, которые, возможно, появились, во-первых, как сатирический ответ на изменения общественного положения женщины, во-вторых, как следствие роста интереса к женскому вопросу, что после отразится и на появлении философских трактатов, в которых обсуждению поддается проблема места и значения женщины в полисном устройстве (например, «Государство» Платона). Ю.С. Обидина, рассуждая в этом ключе, делает вывод о том, что вряд ли женщина, место которой в обществе было бы практически невидимо, включалась бы в предмет

¹ Обидина, Ю.С. Специфика гендерных ролей в античном полисе: роль греческой драмы в становлении женской идентичности // Вестник Марийского государственного университета. – 2014. – №1 (13). – С. 151.

обсуждения деятелей искусства и философов наряду с такими вопросами, как проблемы мироздания, справедливости, судьбы, блага и т.д.

Можно упомянуть и о Фесмофориях – древнегреческом празднике в честь богинь Деметры и Персефоны, участие в котором принимали исключительно свободнорожденные замужние женщины. Историки отмечают важную роль празднества в социальной жизни общества Древней Греции. Помимо того, что цель культовых действий – обеспечение плодородия земли, праздник еще и давал возможность женскому полу общаться друг с другом за пределами домашних стен, обсуждать важные вопросы, выражать свои чувства и мысли, не боясь осуждений со стороны мужчин, поскольку последние к участию в Фесмофориях не допускались.

Таким образом, гендерная роль свободных женщин в Древней Греции вовсе не ограничивалась только лишь занятием домом и рождением, воспитанием детей. Участие гречанок в ритуальных празднествах позволяло им быть видимыми в сфере общественной жизни, вносить свой вклад в культурную и социальную жизнь города, а потому отражало их значимое место в полисной организации, в соответствии, конечно, с теми характеристиками, которые были присущи женскому началу (олицетворение плодородия). Отдельные ученые утверждают, что даже в частной сфере, нахождение в котором предписывалось свободнорожденной древнегреческой женщине на основании биологических характеристик, она не господствовала, напротив, полис делал все, чтобы вычеркнуть женский пол из всех сфер жизни – как публичных, так и частных, и даже те гендерные роли, которые априори должны были принадлежать женщине с легкостью могли быть изъяты из ее ведомства во владение мужчине¹. Однако эпизод с ролью гречанок в

¹ Суриков, И.Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура. – Москва, 2015. – С. 446-447.

отправлении религиозных функций говорит нам об обратном, мы можем заключить, что и для свободнорожденных женщин были официальные каналы выхода из частной сферы в публичную, и выход этот был ознаменован важной ролью в отправлении общественно-значимых функций, что в свою очередь нашло отражение и в формировании идеологических воззрений о месте и роли женщины среди мыслителей того времени.

Теперь мы обратимся к неформальным каналам, позволяющим женщинам Древней Греции искать и находить свое место в обществе, не взирая на предрассудки и стереотипы в сфере полов. И они, конечно, были доступны для тех категорий женщин, которые не причислялись к свободнорожденным. Этот канал мы обозначили, как отход от традиционной, регулирующей общественные и семейные отношения морали, провозглашение права свободной любви, ярким выражением чего стал гетеризм.

Гетеризм – совершенно уникальное историко-культурное, морально-поведенческое явление общества Древней Греции, получившее особое распространение с V в. до н.э. и ставшее неотъемлемой частью культуры античности. Сам термин образовывается от древнегреческого «гетера» (ethes), что буквально переводится как «друг», «товарищ». В разряд гетер входили те женщины, которые, будучи незамужними (часто в полисах Греции – чужестранками), были образованными, независимыми и сами обеспечивали свою жизнь, зачастую пользуясь поддержкой мужчин – покровителей, которым составляли интеллектуальную компанию.

Достаточно распространено мнение о том, что древнегреческие гетеры – это женщины легкого поведения, иными словами «проститутки», главная статья доходов которых – торговля собственным телом. Однако подобное сравнение ошибочно. Ранее мы приводили высказывание Демосфена, в котором оратор утверждает, что «гетер мы заводим ради

наслаждения»¹. В чем состояла суть этого «наслаждения»? В противопоставлении наложницам, главная задача связи с гетерой была вовсе не удовлетворение плотских потребностей, а интеллектуальное удовольствие. Гетеры, будучи высоко образованными, сведущими в литературе, музыке, философии, составляли приятную компанию мужчинам и встречали в ответ уважение. Конечно, они обучены были и искусству обольщения, хитрости, физиогномике, поскольку все же гетеры, несмотря на независимость, должны были завлечь мужчин, которые составляли суть их деятельности. Да, женщины этой категории тоже вполне могли вступать в сексуальную связь с представителями мужского пола, однако, как правило, ими были покровители, а гетеры тем самым выражали им благоволение (к тому же в отличие от наложниц, гетеры брали за свои услуги немало). Можно сказать, что гетеры были примером той самой калокагатии, составляющей основу ментальности древних греков, поскольку гармонично сочетали в себе физические, т.е. внешние качества – красоту, обаяние, привлекательность, и внутренние достоинства – образованность, добродетельность, душевность. Нетрудно предположить, что именно эти высокообразованные, свободные в своем поведении женщины, способны были не только косвенным образом путем бесед и встреч влиять на мужчин, но и оказывать воздействие на повседневную жизнь общества.

Причина распространенности и даже необходимости гетеризма для общества Древней Греции кроется, как ни странно, в сути брачного союза. Классический греческий полис V в. до н.э. – это время господства граждан – мужчин, в то время как свободная жена мыслится только зависимой от него.

Польский историк Л. Винничук, анализируя сущность древнегреческого брака, делает вывод о том, что его цель – рождение

¹ Демосфен. Речи: в 3 т. Т.2 / под ред. Е.С. Голубцовой. – Москва, 1994. – С. 310.

детей, что включалось в патриотическую и религиозную обязанность граждан. Этот факт наряду с частым заключением брака по принципу расчета (на основании знатности рода или размера приданого), приводил к тому, что муж и жена в древнегреческой семье не были близки друг другу¹. Таким образом, личность супругов – и женщины, и мужчины роли не играла, вступая в брак, в первую очередь, они исполняли свои гражданские обязанности. Установлению близких отношений между мужем и женой не способствовала и разница в образованности – в то время, как мужчины постигали основы всех наук, вели интеллектуальные беседы, были развиты политически, женщины не получали практически никакого образования, иногда и не владели грамотностью. Кроме всего прочего, обыденностью была достаточная разница в возрасте у супругов, что приводило к еще большему разрыву интересов и отсутствию взаимного влечения, т.е. древним грекам, можно сказать, было просто скучно и неинтересно проводить время со своими законными супругами.

Здесь мы и обратимся к роли гетер в древнегреческом обществе. Они, хорошо сложенные, женственные, обученные искусству обольщения, с одной стороны, а с другой, достойно образованные, сведущие в вопросах философии, политики, искусства, противопоставлялись хоть и не по своей вине, но неразвитым в интеллектуальном отношении свободным по статусу, но не по состоянию женщинам. Нетрудно сделать вывод о том, что, проводя время именно в обществе гетер, мужчины получали истинное удовольствие. В то время как независимое положение для этих женщин позволяло им выходить за рамки всех возможных ограничений и предрассудков, ограничивающих греческих жен. Гетеры были сами себе господином – представляли себя в суде, могли владеть собственностью, часто выбор партнера происходил по их воле. Таким образом, по своему

¹ Винничук, Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / пер. с польского В.К. Ронина. – Москва, 1988. – С.140.

положению, они находились как бы между древнегреческим мужчиной и женщиной, в этом и кроется причина большого интереса к ним как к историко-культурному феномену античной Греции. Так, историк И.Е. Суриков отмечает, что по образу гетер вполне можно судить о представлениях греков о том, какой на самом деле должна быть женщина. И интересен тот факт, делает вывод исследователь, что такой оказывается женщина в максимальной степени похожая на мужчину в гендерном смысле, т.е. обладает близкими к мужским интересами и запросами¹. И именно это обусловило возможность для античных гетер формировать собственную линию поведения и деятельности, не обусловленную напрямую влиянием мужчин (хотя и эти женщины все же по своему роду деятельности зависели от мужского одобрения). Таким образом происходит отход от господствующей в обществе морали, которая диктовала необходимость подчинения всех качеств женщины обязательствам и долгу, в противовес чему свободные гетеры оказывали значительное влияние на повседневную жизнь всего древнегреческого общества. Так, одной из самых знаменитых гетер античности стала Аспасия – спутница, а затем и жена афинского лидера Перикла.

Историки отмечают значительное влияние Аспасии не только на общественные представления, культуру античных Афин, но и на государственную политику. Обладая уникальными для древнегреческих женщин качествами – остроумием, красноречием, умением слушать и вести споры, гетере удалось добиться высокого положения, можно сказать и почитания в обществе своего времени, несмотря даже на то, что в афинском полисе Аспасия была чужестранкой (она уроженка Милета – города в области Ионии). Основанный ею «дом», который стал литературным и философским салоном, посещали великие мыслители и

¹ Суриков, И.Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура. – Москва, 2015. – С. 451.

государственные деятели того времени: Анаксагор и Эврипид, Протагор, Гиппократ, Фидий, Алкивиад и чаще других Сократ, который и познакомил Перикла с Аспасией. Сравнительное жизнеописание Перикла и Фабия Максима авторства Плутарха содержит сведения и об Аспасии: «Что касается Аспасии, то, по некоторым известиям, Перикл пленился ею как умной женщиной, понимавшей толк в государственных делах. Да и Сократ иногда ходил к ней со своими знакомыми, и ученики его приводили к ней своих жен, чтобы послушать ее рассуждения...»¹. По свидетельствам античных историков, знаменитый политик советовался с Аспасией даже по вопросам, связанным с государственным управлением. Она обеспечивала ему поддержку в написании речей, обучала Перикла ораторскому искусству. Так, Плутарх отмечал: «Эта женщина славилась тем, что многие в Афинах искали ее общества ради ее ораторского таланта»².

После развода с первой женой, государственный деятель женится на Аспасии, так она приобретает статус «жена – инополитянка». Хотя союз и порицался вследствие первоначальной профессии супруги (так, например, спустя более века Демосфен (Аполлодор) будет произносить на судебном процессе обвинительную речь против Нееры, осуждая ее, чужестранку и гетеру, за незаконный брак с афинским гражданином), подобный брак афинян со свободными инополитянками был частой практикой того времени и согласно афинским законам, дети же от такого брака получали особый статус – «метроксены»³.

«Метроксеном» считался и сын Перикла и Аспасии – Перикл младший, который, впрочем, вопреки закону 451 г. до н.э., запрещавшему

¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т.1 / под ред. С.С. Аверинцева. – Москва, 1994. – С. 191-192.

² Там же.

³ Кравчук, А. Перикл и Аспазия / послесловие Т. В. Блаватской. – Москва, 1991. – С. 257.

получать гражданство афинского полиса для рожденных не в союзе граждан детей, все же получил статус полноправного афиняна – это факт стал результатом снисхождения Народного собрания перед Периклом за его заслуги перед полисом. После смерти супруга Аспасия повторно вышла замуж – за Лисикла – гостя своего солона, который обучался у нее наукам и риторике. Будучи торговцем скотом, Лисикл, не без помощи талантливой Аспасии, смог достичь высокого положения в обществе и стать полководцем, одним из влиятельных людей Афин.

Краткий очерк о жизни и деятельности Аспасии позволяет нам заключить, что в ее истории жизни проявились три из выделенных нами направлений социальной активности, которые позволяли преодолеть гендерные предрассудки, стереотипы, существовавшие в древнегреческом обществе – отход от традиционной морали (гетеризм), достижение высот в общественной деятельности, получение высокого уровня образования.

Таким образом, мы можем предположить, что античность подводит нас к пониманию того, что не только лишь биологическое определяет систему жизни женщины или мужчины на земле, важно и индивидуально-личностное начало. Достигая реализации в исконно «мужских» сферах, античные гетеры подарили нам пример выстраивания собственного миропорядка, для них открывались сферы науки и творчества, появлялась возможность влиять на общественную жизнь и определять свое место в социуме. И именно с V-IV века до н.э. перед нами открывается целая плеяда известных женских имен, оставивших свой след в истории.

Каким было действительное влияние Аспасии на древнегреческое общество – рассуждать трудно. Однако очевидно то, что в ее жизни гетеризм, как неформальный канал для устранения предрассудков и ограничений в отношении женского пола, получил свое высшее выражение. Так, Аспасия, чужестранка, обладая удивительными качествами, сочетавшими в себе внутреннюю и внешнюю красоту,

интеллектуальность, образованность, смогла жить полноценной жизнью в Афинах и стать той, которая изменила общественные представления вокруг себя. Кроме того, исследователи отмечают, что именно Аспасия вызвала интерес к женскому полу, в частности к свободным проявлениям в жизни гетер современников и историков более поздних времен, тем самым повлияв на формирование иного отношения к женщинам. Так, в 185 г. до н.э. александрийский грамматик Аристофан из Византии составил каталог «Об афинских гетерах», содержащий биографии 135 женщин, среди авторов подобных исследований были также афинский оратор н. IV в. до н.э. Каллистрат, филологи Аполлодор, Аммоний Антифан, Горгий. До нас дошел и труд римского писателя греческого происхождения Лукиана, который во II в. н. э. издал книгу «Разговоры гетер», в которой ярко характеризовалось поведение этих женщин¹.

Прежде чем мы начнем рассуждение о возможных причинах признания значимости фигуры Аспасии в обществе своего времени, необходимо обратиться к фактору, оказавшему влияние на становление личности этой женщины. Речь пойдет об особенностях нравов, царивших в родном городе Аспасии – Милете. Милет, богатейший город Эллады (находился в области Иония), подарил миру много известных имен – в частности, его уроженцем был один из первых философов античности Фалес. Французский историк К. Брюле отмечает, что высокий достаток общества Ионии изменил нравы жителей области – они стали распущенными, а мужчины изнеженными, что приводило, по мнению автора, к феминизации общества – росту самостоятельности и независимости женщин и смягчению характеров мужчин². По утверждению К. Брюле, влияние этих «непристойных» нравов Ионии на

¹ Зеркало Лаиды. Истории Античных гетер. – Москва, 2002. – С. 310.

² Брюле, П. Повседневная жизнь Древнегреческих женщин в классическую эпоху / пер. с французского Т.А. Левиной. – Москва, 2005. – С. 116.

жизнь общества афинского полиса – стирание границ в predeterminedности человеческих отношений, в том числе отражение иного отношение к женскому роду, отметил крупнейший древнегреческий историк Фукидид. В действительности, в Афинах со второй половины V века до н.э. мы найдем такие сюжеты, в которых доминируют женские персонажи, в частности, пьесы античного театра, о которых мы неоднократно упоминали выше.

Другой аспект причины повышения внимания к гендерным вопросам мы можем усмотреть в мировоззренческих итогах Пелопонесской войны (431-404 г. до н.э.), которая пришлась на окончание правления Перикла и соответственно жизни Аспазии. Военный конфликт породил появление двух крайностей – лаконофильских и лаконофобских настроений в афинском полисе. Предметом обсуждения стал Спартанский строй, в котором, как известно, женщины были совсем иными членами общества, нежели афинянки. Свободное положение спартанок вызывало споры (некоторые идеи отразились и в проекте идеального государства Платона). Таким образом, война, как и все другие события, нарушающие привычный уклад жизни, подрывающие стабильность общества, создает почву для размышлений о мироустройстве, пути развития. В этой ситуации в Афинах V в. до н.э. поднимается интерес к теме женщин, и, используя современную терминологию, гендерному разделению общества. Ненормативные сюжеты, коими и являлись сюжеты о деятельности женщин, включаются в общественное сознание и начинают его трансформировать.

В этой связи интересно проанализировать вопрос о том, могла ли отдельная личность, тем более личность женщины вызвать подобный резонанс и показать иную жизнь для женщин? В научной среде есть мнения, которые и вовсе отвергают хоть сколько-нибудь значимое влияние Аспазии на жизнь и политику. Однозначно сказать, конечно, не

представляется возможным, но, обращаясь к выражению немецкого философа Гегеля: «Появление каждой личности разумно для хода истории», предположим, что и появление Аспасии, и интерес к ее личности – естественный ход истории Афин.

Другое предположение историков связано с тем, что образ Аспасии основан лишь на гипотезах и не несет под собой исторической правды. Даже если мы допустим такое упущение, то заключим, что в этом случае она стала неким обобщенным образом афинянок V в. до н.э., который несет за собой значение в связи с тем, что, во-первых, он появился, а значит были основания, а, во-вторых, дает нам понимание того, что в качестве исключения женщины в строго патриархальном обществе древних греков могли занимать и положение, схожее с мужским по своим возможностям.

Более подробно обращаясь к другому направлению социальной активности женщин, стирающему гендерные стереотипы – стремление к достижению высокого уровня умственного развития и образования, мы обязаны сказать о других, помимо Аспасии, знаменитых женщинах античности – поэтесс, философов, ученых, которые несмотря на все предрассудки смогли оставить свой след высокой интеллектуальности женского пола в истории.

Автор «Мировой истории женщин» С.Г. Фатыхов, утверждает, что родоначальниками древнегреческой поэзии были не мужчины, а женщины. Так, в поэме «Труды и дни» (ст. 660) один из первых поэтов Гесиод пишет, что таланту его обучили геликонские Музы:

«На состязание в Память разумного Амфидаманта

Ездил туда я в Халкиду...

...Там-то, гимном победу стяжав, получил я ушатый треножник.

Этот треножник в подарок я Музам принес Геликонским,

Где они звонкому пенью впервые меня обучили¹...».

Примером возможного участия женщины в культурной жизни античной Греции и проявления своей индивидуальности, таланта стала личность великой древнегреческой поэтессы Сапфо (Сафо) – уроженки Лесбоса. В научной среде высказывается мнение о том, что женщина на острове находилась в более выгодном положении, чем в континентальной части Греции. Так, специалист по античной литературе И.М. Тронский утверждал, что эолийская женщина не была затворницей, как у ионийцев². На Лесбосе поэтесса возглавила женское сообщество «Дом служительниц муз» – Школу риторики, посвященную Афродите. Здесь Сапфо обучала девушек музыке, участию в религиозных процессиях, танцевальному искусству, основам поэзии. Поэтессу считают гением, подарившим миру любовную лирику, гимение и эпиталамии (брачные песни). Личность и талант писательницы получил высокое признание величайшими мыслителями античности – Сократ называл Сапфо своей наставницей в любви, Платон именовал ее «десятой музой», Страбон писал о Сапфо как о феномене в поэтической среде: «За все время, которое сохранилось в памяти людей, не появлялось ни одной женщины, которая могла бы хоть отдаленно с ней сравниться в области поэзии» (книга XIII, II, 3)³. Подобные сравнения неудивительны, поскольку наследие Сапфо имело огромное значение для дальнейшего развития литературы вплоть до наших дней. В частности, исследователи указывают на тот факт, что именно эта поэтесса впервые в своих трудах обратилась к психологическому началу человека, передавая в своих стихах его личные переживания. Сапфо смогла завоевать особенную роль своей «женской» поэзии в «обществе

¹ Эллинистические поэты VIII – III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / под ред. М.Л. Гаспарова. – Москва, 1999. – С. 64.

² Тронский, И. М. История античной литературы: учебник для университетов и педагогических институтов. – Москва, 1988. – С. 86-87.

³ Страбон. География в 17 книгах / пер. Г.А. Стратановского; под ред. С.Л. Утченко. – Москва, 1964. – С. 578.

мужчин». Этот факт слома гендерных стереотипов особенно в патриархальном античном обществе особенно ценен и интересен, поскольку даже в XX веке женщинам – ярким представительницам литературного творчества, какими были А. Ахматова и М. Цветаева, приходилось все же отстаивать свое место среди коллег-мужчин (так, А. Ахматова просила обращаться к себе «поэт», а не «поэтесса», чтобы подчеркнуть свой равный статус с писателями). Однако И.Е. Суриков утверждает, что подчеркнуто значимый статус Сапфо как деятеля культуры античного времени вовсе не отражает особенность складывания гендерных отношений, поскольку ее стихи, как правило, содержат темы, касаемые нормативного поведения и традиционных ролей женщин – как понравиться мужчине, удачный брак, семейная жизнь¹. На наш взгляд, это не вызывает никакого противоречия – основной группой среди читателей и слушателей творчества Сапфо, скорее всего, были ее ученицы, поэтому те темы, которые транслировала она через поэзию, должны были быть доступными и понятными, в первую очередь, для них, впрочем, и отклика на лирические мотивы необходимо ожидать скорее от женщин, чем от мужчин. И это нисколько не умаляет роли поэтессы в становлении мировой литературы, которая оценивается ничуть не ниже, чем вклад поэтов-мужчин, несмотря на традиционные представления о «мужском» характере интеллектуально-творческой сферы.

Примеры успешной деятельности в сфере интеллектуального труда мы можем увидеть через личность гетеры Никареты, имеющей особые таланты в математике. Ее внимания искали ввиду того, что она была ученицей философа Стилпона и имела высокий уровень образованности². Филенида стала автором научного трактата о физике и атомах, Теодора,

¹ Суриков, И.Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура. – Москва, 2015. – С. 436.

² Лихт, Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции / пер. с английского В.В. Федорина. – Москва, 1995. – С. 271.

дочь Диогена и Корины, отметилась успехами в арифметике и геометрии; сведущей в астрономии была Аганика, которая умела предсказывать лунные затмения¹. Первой в истории женщиной-врачом стала афинянка Агнодика. Она изучала медицину, выдавая себя за мужчину (т.к. женщина, занимающаяся медицинской деятельностью, обрекала себя на смертную казнь), ее интерес был сосредоточен на сфере гинекологии, где смогла достичь признания – благодаря своему опыту Агнодика добилась отмены правовой нормы, согласно которой женщинам было запрещено врачевать².

Внимание гречанок, вопреки общественному запрету, было сосредоточено и на философии. Айзара, одна из дочерей Пифагора, написала труд «О природе людей» и продолжительное время управляла пифагорейской школой после отца. Женщина-философ Периктиона (по некоторым данным – мать Платона) составила трактаты «О мудрости» и «О гармонии женщины», первый из которых получил высокую оценку от признанного научной средой «женоненавистника» Аристотеля³. Арета, дочь Аристиппа – главы гедонической школы, после смерти отца продолжила его дело и получила от современников имя «светоч Эллады». Диоген Лаэртский пишет: «Своей дочери Арете он [Аристипп] давал превосходные наставления, приучая ее презирать всякое излишество»⁴. Философ имела 110 учеников, стала автором 40 трактатов. Свои знания передавала и сыну, который получил прозвище Метродидакт – «обученный матерью». В эпитафии, высеченной на ее надгробии, говорилось: «Она свет всей Эллады: Елена – по красоте, Аристипп – по

¹ Шашков, С.С. Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. – Санкт-Петербург, 1872. – С. 116.

² Энциклопедия Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.brockhaus.ru/text/028/149.htm> (дата обращения: 30.01.2025).

³ Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Том VI. Поздний эллинизм. – Москва, 2000. – С. 35.

⁴ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва, 1986. – С. 114.

слогу, Сократ – по уму, Гомер – по красноречию»¹. Гиппархия, гетера, ратовавшая за равное положение мужчин и женщин, стала супругой самого известного философа-киника Кратеса. Она подарила миру несколько трагедий и философских сочинений. Гиппархия стала единственной женщиной, внимание которой, наряду с великими философами Сократом, Платоном, уделил Диоген Лаэртский при составлении своего труда: «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов». Известно, что в Академии Платона также занимались женщины, одна из которых – Аксиофея – раскрыла учение об идеях и обладала способностями к занятиям физикой.

Этот небольшой список женщин показывает нам, что вопреки всем предрассудкам и гендерным стереотипам, царившим в древнегреческом обществе, женщины все же имели возможность самореализовываться, демонстрировать неполноценность идеи о биологической предопределенности жизни для мужского и женского пола. Своей деятельностью, культурным наследием, интеллектуальным трудом они внесли решительный вклад в изменение тех общественных представлений, которые заключали женщину в категорию молчаливых, замкнутых и совершенно неинтересных своей личностью лиц. Все это закономерно отразилось на формировании, пусть и осторожном, иных идей в отношении гендерной стратификации общества. Уже в эллинистическую эпоху женщины становились подругами и соратницами для своих супругов, повышается их авторитет не только в семье, но и в общественном поле. Признанием добродетельности и достоинств женщин стало и допущение их к образованию, к занятиям в научной сфере. Так, в эллинистическо-римский период практически все философские школы состояли не только из представителей мужского пола. И в этом контексте

¹ Шашков, С.С. Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. – Санкт-Петербург, 1872. – С. 117.

мы, конечно, обязаны напомнить о, пожалуй, самой известной женщине – философе античности – Гипатии Александрийской.

Таким образом, начиная с рассуждений об ограниченном положении женщины в древнегреческом обществе, которое определялось складыванием гендерных стереотипов и предрассудков, согласно которым возможности женского пола мыслились осуществимыми только в сфере биологического, мы показали, что в сугубо патриархальном мире существовали формальные и неформальные каналы социальной активности и для женщин. Они позволяли им занимать свое место в полисной организации, которое основывалось не на предписываемых гендерных ролях, а на индивидуально-личностных качествах. Так, проанализировав обозначенные нами четыре канала выхода гречанок в общественное поле, мы увидели куда более весомое значение женского пола для общества Древней Греции, а также проследили зачатки трансформации общественно-идеологической атмосферы, складывающейся вокруг гендерных отношений, что рисует перед нами иную картину жизни общества того времени. И вряд ли мы можем приписать этому обществу титул «женоненавистника».

1.4. Социокультурная активность женщин Древнего Рима и ее влияние на общественно-идеологическую атмосферу, складывающуюся вокруг гендерных отношений

Начиная свои рассуждения о сущности гендерных отношений в древнеримском обществе и появлении тенденции к отходу от гендерных стереотипов, размытию границ, устанавливающих четкое распределение жизни по принципу противопоставления «мужского» и «женского» на основании идеи о несовершенстве, а потому и подчиненности женской природы, мы обозначим, что задачей нашего исследования не является осуждение и отвержение принципа патриархального, андроцентристского

устройства общества, как Древней Греции, так и Древнего Рима. Римлянка все также ограничивалась частно-семейной сферой, вследствие представлений о легкомысленной натуре, находилась под опекой мужчины (отца или супруга). Среди достоинств римской женщины мыслители того времени выделяли целомудрие, кротость, покорность, занятие, как и у гречанки, домашним хозяйством. Так, дошедшая до наших дней речь супруга на похоронах римской матроны (Похвала Турии, VIII – II гг. до н.э.), гласит: «Зачем [мне упоминать] о твоих достоинствах как хозяйки дома: о целомудрии, добродетели, благожелательности, простоте в обращении, [старательности] в прядении и ткачестве, [набожности], свободной от суеверий, скромности в уборе, умеренном образе жизни? [Зачем мне говорить о твоей] любви к родным, о преданности семье...»¹. В этом отношении речь рисует перед нами совершенно нормативную картину отношения к женщине в античных обществах и признании среди ее лучших качеств те, которые определяют тихий, домашний образ жизни. Однако в этой речи мы находим и те характеристики, которые позволяют увидеть нам высокое значение женщины в римской семье, построенной на двух началах – мужском и женском. Рассуждая о проблемах, связанных с имуществом, через которые пришлось пройти матроне после смерти своего отца, ее супруг говорит: «Ты с такой великой настойчивостью, предъявляя требования и преследуя в суде, исполнила свой дочерний долг, что даже мы с Клуviем, будь мы на месте, [не добились бы] большего <...>. После этого вам пришлось столкнуться с попыткой [объявить] завещание твоего [отца], в котором он назначил своими наследниками нас обоих, утратившим силу <...>. Таким образом, ты, вместо со всем отцовским [имуществом], должна была бы поступить под опеку лиц, затеявших эти происки. С какой твердостью ты приняла все это, с каким

¹ Похвала Турии / пер. и комм. В.О. Горенштейна // Вестник древней истории. – 1970. – № 4. – С. 220.

присутствием духа ты дала отпор этим людям <...>. Опираясь на свою правоту, ты отстояла наше общее дело <...>. Были у тебя достоинства особые <...> ведь это достоинства, позволяющие претерпевать испытания и совершать поступки, о редкости которых позаботилась [человеческая] судьба <...>. Все твое имущество, полученное от родителей, мы обоюдными стараниями сохранили в целости. Обязанности свои мы разделили так: на мне лежала опека над твоим достоянием, на тебе — охрана моего. Здесь я [о многом] умолчу, дабы не приписать себе участия в заслугах, принадлежащих лично тебе»¹. Данный отрывок из речи римлянина позволяет нам увидеть не только сильную, решительную, способную отстаивать свои права женщину, но и другие обстоятельства, характеризующие положение древней римлянки – во-первых, уважение и теплое отношение супруга, во-вторых, возможность отстаивать свое положение в суде, быть наследницей по завещанию и иметь в собственности имущество (хотя и в данном случае по завещанию оно переходило в совместную собственность женщины и мужа, ставшего его опекуном, но в данном случае интересно, что женщина отстаивала право завещания потому, что не желала уходить под опеку ближайшего родственника), признание равной степени участи между мужем и женой в деле сохранения семейных ценностей. Об этих обстоятельствах, характеризующих правовой статус женщины Древнего Рима скажем позже. Сейчас обратим свое внимание на особое отношение к древней римлянке.

В первом пункте мы обращали свое внимание на то, что статус римской матроны – жены, матери семейства был куда выше, чем положение свободной греческой женщины. По приведенному нами утверждению Корнелия Непота, жены вместе с мужьями присутствовали

¹ Похвала Турии / пер. и комм. В.О. Горенштейна // Вестник древней истории. – 1970. – № 4. – С. 219-222.

на пирах, а мать занимала почетное место в доме и беспрепятственно выходила в общество. Почитание в Риме девушки как будущей жены, матери было связано с той общественной ролью, которую отводило государство женщине.

Представление об этой роли мы можем подчеркнуть в одном из мифов о возникновении Римского государства – история о сабинянках, похищенных Ромулом и его сподвижниками с целью женитьбы и остановивших впоследствии войну между своими разгневанными отцами и мужьями, воскликнув: «...но, если война ведется из-за нас, уведите нас с вашими зятями и нашими детьми и верните нам наших отцов и родственников, не отнимайте от нас наших детей и мужей!»¹.

Таким образом, роль римлянок, предписанная обществом и государством, во-первых, заключалась в установлении связи двух семей, которые таким образом закрепляли политическую дружбу или союз (например, брак П. Сципиона Африканского с Эмилией, сестрой Л. Эмилия Паулла, его дочери Корнелии и Тиберия Семпрония Гракха, союзы дочери императора Августа Юлии с Марцеллом, Марком Агриппом и Тиберием). Во-вторых, на женщину была возложена важнейшая обязанность родить законных наследников, при этом этот вопрос находился именно в ведомстве публичном, общественном, поскольку этот долг ознаменовывал под собой как долг по отношению к семье – продолжение рода, сохранение домашнего имущества, так и по отношению к государству – рождение свободных граждан (при этом нужно упомянуть тот факт, что мать имела большое влияние в деле воспитания детей). Из этих общественных функций, задач вытекало общественное уважение к женщине, ее достаточно высокий статус в социальной структуре общества. И, конечно, сравнивая особенности проявления женщины в Древней

¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т.1 / под ред. С.С. Аверинцева. – Москва, 1994. – С. 35-36.

Греции и Рима, в данном случае на признание, уважение и интерес такие женщины как гетеры вряд ли могли рассчитывать, достоинство признавалось лишь за женщиной, которая получала статус «mater familias», одновременно предполагающий как обязанности для его носительницы, так и широкие права и привилегии.

Высоким авторитетом женщины пользовались еще в предшествующие римской государственности эпохи. Так, восприятие женского пола в этрусской культуре отличалось и от греческих, и от римских представлений. В частности, римлянки в исторических источниках упоминаются только под родовым именем (иногда под именем мужа), в то время как каждая этруская женщина имела собственное имя, что говорит о признании и уважении ее личности. К тому же, к имени собственному, родовому имени и имени отца, этруски добавляли еще и фамилию матери – одного претора звали Larth Arnthal Plecus clan Ramthasc Apatruai, то есть «Ларс, сын Апрунса Плеко и Рамсы Апатронии»¹. Исследователи отмечают и более независимое поведение в обществе этрусских женщин – они были вольны в выборе развлечений, обыденным делом для них был «выход в свет» и участие в пирах рядом с мужчинами. Исследователь общества этрусов Ж. Эргон утверждает, что их женщины обладали огромной властью и влияли на политическую жизнь². Так, уже будучи древнеримской царицей, Танаквиль, происходившая из этрусского рода из города Тарквинии, создавала условия для возвышения своего мужа, Тарквиния Старшего. А после его смерти, своими действиями обеспечила приход к власти Сервия Туллия (книга I, 41)³. С.Г. Фатыхов

¹ Эргон, Ж. Повседневная жизнь этрусов [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «RoyalLib.com». URL: https://royallib.com/read/ergon_gak/povsednevnaya_gizn_etruskov.html#0 (дата обращения 01.02.2025).

² Там же.

³ Тит Ливий. История Рима от основания города. Т.I / пер. М.Л. Гаспарова; под ред. Е.С. Голубцовой. – Москва, 1989. – С. 46-47.

обращает внимание на интересный факт о том, что только один из римских царей – Ромул – получил власть по мужской линии наследования, остальные же правители были преемниками по женской линии – родственники или зятья иностранного происхождения. Историк, ссылаясь на мнение антрополога Д. Фрэзера, утверждает, что этот факт свидетельствует о том, что в основе престолонаследия в Древнем Риме – принципы первобытного матриархального общества¹. Подобный порядок может служить для выдвижения еще одного обстоятельства – знатность происхождения могла быть обеспечена родственными связями не только по мужской, но и по женской линии.

Учитывая факты об исторических предпосылках, попробуем проследить, как складывались гендерные представления в Древнем Риме в отношении положения женщины. Делая оговорку о сохранении патриархальных устоев древнеримского общества, определим, какие сферы / эпизоды римской истории рисуют перед нами иную картину общественной жизни, где римская женщина видится как значимый субъект жизни государства, а также получает возможность реализовывать свои личные таланты и потребности. Среди них:

1. участие в религиозной жизни государства;
2. оформление правового статуса римской женщины;
3. культурно-досуговая деятельность (благотворительность, участие в общественно значимых делах);
4. женщины высшего общества Древнего Рима в политике.

Обратимся к религиозной жизни древнеримского общества. Отмечая характер религии у римлян, необходимо отметить, что в рассматриваемом нами государстве власть политическая и власть религиозная были тесно связаны между собой, в некотором отношении религия уже носила

¹ Фатыхов, С.Г. Мировая история женщины: Опыт сравнительной фактографии. – Екатеринбург, 2004. – С. 147-148.

прикладной, практический характер, поскольку обеспечивала основы существования и могущества Рима. Так, «римский миф», который стал неким комплексом идейно-символических представлений, отражал божественное основание Рима (Афина – Эней – Ромул) и на основании этого предопределял возможность к мировому господству. В соответствии с подобным значением религии высшие религиозные посты считались государственными должностями, отправление которых, как известно, было недоступно для женщины. Следовательно, религия римлян, как и вся система организации публичной жизни, связанной с управлением и властными отношениями, носила сугубо патриархальный характер – женщине была отведена пассивная роль в участии в ритуалах. Однако вместе с этим существуют эпизоды в истории религиозной жизни римлян, где женщина играла значимую роль в соответствии с теми задачами, которые были прямо определены «женским началом». Так, исключительное место в системе занимал культ Богини Весты, жреческие обязанности которого исполняли женщины.

Веста – богиня-покровительница домашнего (и государственного) очага, богиня целомудрия и одновременно богиня-мать. Веста занимала особое место в пантеоне Древнего Рима. Нума Помпилий, второй римский царь, проводя реформы, направленные на централизацию власти, установил и государственное регулирование религиозной жизни – учредил пантеон богов, правила поклонения, а также основал важнейшие жреческие коллегии. Среди них была и коллегия весталок – жриц богини Весты, обязанных поддерживать священный огонь в храме, ставший символом единства и процветания Рима, в то время как храм Весты олицетворял собой главный домашний очаг – «очаг государства». Таким образом, социальное значение культа богини состояло в обеспечении объединяющего начала (общий очаг подразумевал крепкую сцепку могущественного государства), одновременно он [культ] заключал в себе

идею (во все периоды римской истории) верховенства римской власти, ее надежности и устойчивости (к вопросу о прикладном характере религии Рима). От того интересно, что на страже столь важного для государства культа стояли женщины – жрицы богини. Однако при понимании символического значения, составляющего основу поклонение Весте, в отведении подобной роли женщинам нет противоречия, поскольку в традиционных представлениях римлян именно жены были хранительницами домашнего очага. Именно поэтому культ был органично вписан в рамки культуры древнеримского общества, что дает нам основание увидеть социальную значимость женщин Рима, признание их ценности в большей степени, нежели представляла нам культура греков. К тому же реализация жреческих функций наделяла весталок немислимыми для свободной римлянки правами, которые, возможно, уравнивали возложенные на них обязательства и становились привилегией за исполнение столь важных государственных задач.

Служительницы культа находились в возрасте от шести до шестидесяти лет и несли свои обязанности в течение 30 лет. Вступление в весталки символизировало собой новую жизнь для женщины – она выходила из-под власти отца и переходила во власть верховного понтифика. Древнеримский писатель Авл Геллий описывает ритуал следующим образом (I.12.9): «Дева же весталка, как только взята, введена в атриум Весты и передана понтификами, тотчас с этого времени без эмансипации и без умаления в правах выходит из-под власти отца и получает право составления завещания»¹. Однако несмотря на осуществление Великим понтификом контроля за деятельностью жриц, служивших богине, юридически власти над весталками он не имел, а выступал для них лишь стражем. Об этом говорит Плутарх в

¹ Авл Геллий. Аттические ночи. Книги I – X / пер. с латинского; под ред. А. Я. Тыжова. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 65.

сравнительном жизнеописании, посвященном царю Нуме Помпилию: «Великий понтифик был также стражем священных дев, которых называют весталками»¹. Весталка по своему усмотрению распоряжалась имуществом, могла совершать сделки по отчуждению имущества, составлять завещание, отпускать рабов на волю, все эти действия совершались при этом без опеки со стороны мужчины. Российский историк и правовед Л.Л. Кофанов делает вывод, что весталки являлись лицом своего права (*persona sui iuris*)². Внешними символами особенного положения жриц стали такие факты, как их передвижение по городу на повозке, занятие ими специально отведенных мест во время спектаклей, необходимость для жителей Рима уступать дорогу весталкам. Таким образом, мы можем заключить, что жреческая коллегия весталок стала исключительным институтом Рима, который служил не только выполнением мировоззренчески важных функций для древнеримского общества, но и обозначал наивысшее положение в нем женщины.

Таковы были особенности правового положения почитаемых женщин Древнего Рима – весталок. Каково же было положение остальных свободных женщин согласно источникам римского права? В этом вопросе Римское государство стало отправным пунктом – началом первого этапа в становлении правового статуса женского пола. В этом контексте интересно упомянуть точку зрения американского историка Я. Томаса, который утверждает, что разделение полов в Риме происходило не с точки зрения биологической, природной данности, а являлось, скорее, правовым построением³. Так или иначе, с течением времени, в ответ на

¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т.1 / под ред. С.С. Аверинцева. – Москва, 1994. – С. 77.

² Кофанов, Л.Л. Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. – Москва, 2001. – С. 296.

³ История женщин на Западе: в 5 т. Т.1: От древних богинь до христианских святых / пер. с английского Н.Л. Пушкаревой; под ред. Ж. Дюби и М. Перро. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 112.

изменяющиеся исторические реалии в системе римского права складывается группа юридических норм, которая обозначала положение / статус женщины с позиции органов государственной власти. В научной среде высказывают предположение о том, что статус женщины, претерпевая согласно правовым нормам изменения, эволюционировал. Чтобы согласиться или опровергнуть данное суждение нам необходимо обратиться к источникам и их интерпретациям, данным античными историками и юристами.

Мы выделим несколько групп правовых норм, которые отразили изменение статуса женщины. В совокупности они касаются вопросов, связанных с нахождением женского пола в числе опекаемых лиц, т.е. институт опеки, вопросов имущественного характера – наследство, завещание, право распоряжения собственным имуществом, а также исследователями выделяются темы, связанные с разводом и супружеской неверностью. Даже исходя из перечисленных нами групп мы можем сделать вывод, что все же в римском праве статус женщины и те изменения, которые в нем происходили, были связаны непосредственно с отношениями «мужчина – женщина», женщина мыслилась около мужчины и те нормы, которые непосредственно оформляли ее юридический статус так или иначе отражали дополнительную роль женского пола в патриархальной системе римского общества. Хотя это и не вызывает никакого удивления.

Итак, согласно первому письменному своду законов римского государства – Закону XII таблиц (V в. до н.э.), женщина «в силу легкомыслия» должна находиться под постоянной опекой старшего мужчины в семье (деда или отца) или мужа. Так, римлянка на протяжении всей своей жизни была подчинена трем правовым институтам – *patria potestas* – отцовская власть, *manus* – власть супруга, *tutela mulierum* – опека, устанавливаемая ближайшим родственником по мужской линии –

агнатом – эта опека устанавливалась с целью сохранения состояния внутри семьи, потому касалась в первую очередь ограничений распоряжения имуществом. Однако уже во времена поздней республики эти институты претерпевают изменения, в частности это коснулось установления опеки со стороны агната – с течением времени, согласно «Институциям» Гая, опекуном могло стать лицо по завещанию (книга I, 148, 149), при этом право выбора принадлежало женщине (книга I, 150), или роль опекуна мог исполнять государственный чиновник. Около 47 г. до н.э. с принятием Клавдиева закона опека агнатов и вовсе была отменена (книга I, 157)¹. Кроме того, с периода поздней республики и к установлению империи особенно распространен был брак *sine manu* – брак без установления юридической власти мужа над женой. Так, женщина, оставаясь под властью собственного отца, имела возможность наследовать от него, а имущество в браке состояло в раздельной собственности.

Таким образом, прямо прослеживаются причинно-следственные связи, согласно которым изменение формы опеки влекло за собой расширение имущественной и деловой правоспособности женщин. Безусловно, это не было самоцелью данных правовых изменений. Так, исследователь Томас Шпет утверждает, что причина процесса изменения института опеки кроется, с одной стороны, в желании императорской власти поставить вопросы внутрисемейных отношений под контроль государства, а с другой, изменения стали следствием, необходимым ответом на модификацию имущественных отношений в аристократических семьях Рима того периода². Т.е. мы не можем утверждать о юридической эмансипации римской женщины вследствие возникновения убеждений о необходимости гендерного равенства, однако так же не можем отрицать и

¹ Гай. Институции / под ред. В.А. Савельева. – Москва, 1997. – С. 71.

² Шпет, Т. «Власть женщин» в Ранней Римской империи? Критический взгляд на исторические представления о «женах цезарей» / пер. с немецкого Т.И. Дудниковой // THESIS. – 1994. - №6. – С. 246.

факта расширения правоспособности, появления свободы действий для женщин, располагающих имуществом и находящихся не под властью ни отца, ни супруга, пусть это и стало лишь следствием распространения власти государства на частные отношения.

Следующим этапом в модификации института опекунства стал закон императора Августа о браке в 18 г. до н.э., который гласил, что римлянки могут вовсе освободиться от власти и отца, и опекуна и становиться *sui iuris* (в своем праве) в случае, если родят трех (вольнотпущенницы – четырех) детей. Очевидно, что в данном случае независимый статус женщины понимался как привилегия, полученная за реализацию традиционной, порученной обществом и государством задачи. Таким образом, мы можем заключить, что действительно, правовой статус женщины в отношении института опекунства (и как следствие, имущественных прав) определялся дополнительной ролью женского пола во всей государственной системе, однако подобные мероприятия все же привели к большим последствиям, согласно которым женщина становилась не просто субъектом правовых отношений, но на основании собственных решений определяла судьбу и свою, и своего имущества.

В первом пункте главы мы уже рассуждали о том, что древние римлянки имели возможность как получать часть средств семьи на личное управление в качестве наследства, так и передавать свое имущество посредством завещания. А известные законы времен республики, которые пытались ограничивать размер имущества женщины, говорят о том, что женщины во владении имели значительную собственность, иначе зачем ее сокращать? Среди этих правовых документов – закон Оппия 189 г. до н.э., который запрещал римским женщинам иметь более полуунции золота, ездить в повозках по Риму. Тит Ливий (том III, книга XXXIV, 1.5, 2.11) рассказывает об обстоятельствах спора вокруг отмены закона: «...женщин не могли удерживать дома ни увещания старших, ни помышления о

приличиях, ни власть мужа: они заполняли все улицы и подходы к форуму...», а также приводит интересные для нас слова Марка Порция Катона (выступал за сохранение закона), которые позволяют заключить, что римлянка этого периода действительно обладала значительным количеством влияния на общественные вопросы (что также являлось одним из последствий модификации института опеки и расширения правоспособности женщины): «Предки наши не дозволяли женщинам решать какие-либо дела, даже и частные, без особого на то разрешения <...>. Мы же попушением богов терпим, что женщины руководят государством, приходят на форум, появляются на сходках и в народных собраниях»¹.

Следующим после закона Оппия, направленным на ограничение имущества женщины, стал закон Вокония, принятый в 169 г. до н.э. и запрещавший женщинам получать наследство по завещанию. Древнеримский писатель Авл Геллий («Аттические ночи, XVII, 6.1) приводит слова Катона, высказанные в пользу принятия данного закона: «Вначале женщина принесла вам большое приданое; при этом она удерживает большую сумму денег, которую не передает в распоряжение мужа, она дает эти деньги мужу взаймы; потом, рассердившись, она приказывает рабу, называемому *rescepticius* (находящийся в исключительной собственности жены), преследовать мужа и требовать у него [деньги]»². Однако в первой главе мы уже упоминали и об институте приданого, который позволял женщине самостоятельно распоряжаться имуществом и от того обеспечивал ей социальный статус и некоторые гарантии, и о том, что существовали правовые нормы, которые позволяли обходить запрет путем назначения фиктивного наследника. Это и

¹ Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. III / пер. М.Л. Гаспарова; под ред. Е.С. Голубцовой. – Москва, 1993. – С. 109-110.

² Авл Геллий. Аттические ночи. Книги I – X / пер. с латинского; под ред. А. Я. Тыжова. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 271.

предопределило устранение правовой нормы в эпоху Августа. Наследственные права женщины в эпоху империи все больше расширялись и уже при Юстиниане был сформулирован Свод гражданского права, в котором и мужчины, и женщины были равны в своем праве наследования.

В качестве иллюстрации к изменениям правового положения римской женщины в сторону обретения независимости исследователи приводят также нормы, которые связаны с разводом и повторными браками, а также истории, говорящие о супружеской неверности жены. Однако, как мы утверждали выше, брак в римском государстве был обязанностью каждого гражданина, поскольку в нем рождалось законное потомство. И вопросы, связанные с деторождением, стояли на контроле властных органов. Как правило, разводы были связаны с необходимостью вступить в новый брачный союз (который мог стать как необходимостью вследствие установления политического союза и укрепления его посредством наследников, так и необходимостью для продолжения рода). Именно эти обстоятельства, возможно, и повлияли на свободное право развода для обоих партнеров – и мужчины, и женщины. Истории о супружеской неверности со стороны жены, не встречающие сопротивления со стороны супруга, представленные у Ювенала (книга II, сатира шестая)¹ и Тацита (книга II, 85; книга III, 34)², также трактуются историками как свидетельства эмансипации римлянки. Однако, как утверждает Т. Шпет, источники показывают терпимость мужей (они, как правило, не инициировали судебные разбирательства по этим вопросам), которая вряд ли могла проявляться в случае, если супруга такими своими действиями действительно бы покушалась на власть мужа и его статус

¹ Ювенал. Сатиры / под ред. В.С. Дурова. – Санкт-Петербург, 1994. – С. 55-74.

² Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том I. Анналы. Малые произведения / под ред. С.Л. Утченко. – Ленинград, 1969. – С. 80, 96-97.

pater familias. Скорее, заключает автор, подобное отношение можно трактовать как признание мужчиной неполноценности женской природы, от чего они не сдержаны в своих проявлениях¹.

Таким образом, проанализировав правовые нормы, которые традиционно подчеркиваются историками как доказательства изменения правового статуса римской женщины, мы заключаем, что несмотря на патриархальный характер отношений, а также оформление юридического статуса римлянки в контексте господства мужского мира, поскольку правовые нормы в большинстве своем отражали дополнительную роль женщины в системе, все же статус женщины действительно модифицируется со временем в сторону расширения правоспособности и дееспособности – т.е. юридической самостоятельности. Этот процесс явился следствием изменения института опеки, который традиционно определял жизнь женщины в Древнем Риме, что повлекло и расширение имущественных прав, и получение более независимого положения, что, в свою очередь, отразилось на изменении статуса женщины в социальной структуре общества, увеличении доли ее влияния на общественные процессы, связанных в том числе с отправлением властных полномочий.

В научной среде существует мнение о том, что постепенное обретение римскими женщинами правоспособности и дееспособности свидетельствует об эволюции их прав в Древнем Риме, т.е. перехода их юридического статуса в более совершенное, качественно новое состояние. Однако, по нашему мнению, применение данного термина в отношении рассматриваемой нами эпохи Древнего Рима накладывает на нее отпечаток современных представлений и взглядов. Обращаясь к высказываниям современников, приведенных выше, в большинстве своем они не только не

¹ Шпет, Т. «Власть женщин» в Ранней Римской империи? Критический взгляд на исторические представления о «женах цезарей» / пер. с немецкого Т.И. Дудниковой // THESIS. – 1994. - №6. – С. 251-253.

поддерживали данные изменения, но и во многих случаях противились им, поскольку подобные модификации подрывали традиционные основы и устои древнеримского общества, поэтому, считаем, что в данном случае корректнее было бы называть этот процесс трансформацией правового статуса женщины. Хотя конечный результат этой трансформации – расширение прав женщин и укрепление ее статуса в обществе Древнего Рима – не вызывает споров и противоречий.

Следующим каналом, позволяющим римлянкам показать иную роль женщины в социальной структуре государства стала культурно-досуговая деятельность, в рамках которой мы рассмотрим такие темы, как участие в общественно значимых делах, в т.ч. оказание благотворительной помощи.

Более значимое положение римской женщины в семье и в обществе в сравнении, например, с женщинами Древней Греции предопределили для римлянки возможность широкого участия в социальной жизни, как внутри своего домохозяйства, так и в публичном поле. Если греческий дом предположительно был разделен на гинекей и андрей, а гречанки не имели права участвовать в трапезах рядом с мужчинами, то для Рима участие женщин в приемах и пиршествах было традиционным делом. Древнеримский писатель времен правления императора Тиберия Валерий Максим описывает суть подобной традиции так (книга II, 1, 2): «Женщины обедали сидя вместе с мужчинами, которые возлежали. Этот обычай от людского круга проник к [делам] божественным, ведь на пиру в честь Юпитера сам он приглашался на трапезу к ложу, а Юнона и Минерва – в кресла»¹. Уже при императоре Августе женщина получает право не только сидеть, но и возлежать на трапезе рядом с мужчиной. Таким образом, римские женщины имели доступ к светской жизни, осуществляемой на территории собственного дома.

¹ Валерий Максим. Девять книг достопамятных деяний и высказываний / пер. с латинского А.М. Сморгчова. – Москва, 2020. – С. 79.

Что касается участия женщин в общественном поле – то римлянки беспрепятственно могли посещать культурные мероприятия, среди которых – театральные представления. Подтверждение этому мы находим у Тацита («Анналы», книга III, 23): «В дни публичных игр, прервавших на время судебное разбирательство, Лепида, появившись в театре в сопровождении знатных женщин...»¹. Подобный выход женщины в традиционно мужскую сферу не мог не осуждаться римлянами, о чем свидетельствует, например, Овидий («Наука любви», книга I, 97-100):

Модные женщины так на модные зрелища рвутся:

Толпы красавиц текут, в лицах теряется глаз.

Все хотят посмотреть и хотят, чтоб на них посмотрели, —

Вот где находит конец женский и девичий стыд².

Кроме того, женщины могли посещать и гладиаторские бои. Так, Светоний (II, 44) приводит факты о регулировании императором Августом участия женщин в подобных мероприятиях: «Женщинам он даже на гладиаторские бои не позволял смотреть иначе, как с самых верхних мест, хотя по старому обычаю на этих зрелищах они садились вместе с мужчинами»³. Известны случаи и непосредственного участия женщин в качестве гладиаторов. В жизнеописании Домициана (VIII, 4), Светоний подчеркивает: «Травли и гладиаторские бои он показывал он даже ночью при факелах, и участвовали в них не только мужчины, но и женщины»⁴.

Антиковед В.А. Горончаровский видит причину появления женщины на арене в желании императора угодить толпе, которая желала «хлеба и зрелищ», подарить ей новые формы традиционной культурной

¹ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том I. Анналы. Малые произведения / под ред. С.Л. Утченко. – Ленинград, 1969. – С. 91.

² Публий Овидий Назон. Собрание сочинений. Т 1. [Электронный ресурс] / Сайт античной литературы. URL: <https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1303004001#90> (дата обращения: 31.01.2025).

³ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / под ред. С.Л. Утченко. – Москва, 1964. – С.53.

⁴ Там же. С. 211

деятельности. Это и повлекло за собой, по мнению автора, участие женщин в боях на гладиаторской арене¹. Безусловно, что и эта форма присутствия женщин в общественных событиях, несмотря на предположительное одобрение граждан, осуждалась античными мыслителями. Тацит, описывая мероприятия императора Нерона, пишет («Анналы», книга XV, 32): «Этот год также отмечен устройством гладиаторских игр, не уступавших в великолепии предыдущим; но при этом еще большее число знатных женщин и сенаторов запятнало себя выходом на арену»².

Таким образом, мы видим, что в Древнем Риме, несмотря на осуждение со стороны мыслителей того времени, обыденным делом было участие женщин в занятиях публичной сферы, традиционно отнесенными к мужскому роду деятельности. Но помимо тех эпизодов участия женщин в общественной деятельности, которые вызывали порицание, были и те, к которым общественность относилась с одобрением и почитанием. Среди такой деятельности римских женщин особое место занимала благотворительность. Этому эпизоду уделяют внимание французские историки Г. Даниэль и М.-Т. Рапсат-Шарлье. Историки приводят примеры того, как женщины возводили за свой счет храмы, театры, раздавали деньги на питание, устраивали игры, покровительствовали и содержали представителей отдельных профессий, связанных с искусством, обеспечивали содержание и воспитание бедных детей. Причины подобного явления авторы «Повседневной жизни женщин в Древнем Риме» видят в заботе о престиже фамилии, стремлении обозначить себя в публичной жизни и в местном обществе (поскольку часто подобные вещи

¹ Горончаровский, В.А. Арена и кровь: Римские гладиаторы между жизнью и смертью. – Санкт-Петербург, 2009. – С. 96-97.

² Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том I. Анналы. Малые произведения / под ред. С.Л. Утченко. – Ленинград, 1969. – С. 293.

осуществлялись на территории римских провинций, так как благотворительностью в Риме занимались члены императорской семьи)¹.

О высоком статусе женщины в римских провинциях утверждает и Ю.К. Колосовская в статье «Образ римской женщины в Панонии». Автор, обращаясь, главным образом, к эпитафиям, заключает, что римские гражданки составляли важную часть провинциального общества и оказывали значительное влияние на романизацию страны во все периоды римской истории. Реализуя обязанность воспитания гражданина римского общества, формируя его нравственные устои и культуру, заключает историк, женщины Панонии (римская провинция) формировали римское общество городов и играли особую роль в складывании культурно-нравственных институтов гражданской жизни, сочетая, как местные верования, так и римскую религию, нравственность и мораль².

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что благотворительность как форма участия женщин в публичном пространстве римского общества, позволяла римлянкам упрочить свое положение в социальной структуре общества. Особенно это касалось женщин провинций, которые наряду с отправлением в них благотворительной деятельности в целях повышения престижа своей семьи, играли еще и значительную роль в вопросе формирования единого облика римского общества в пределах всего государства.

Наконец, мы переходим к следующему уникальному для древнеримской истории явлению, традиционно рассматриваемому в рамках гендерной концепции и считающемуся апогеем признания высокой женской роли в социуме Древнего Рима – римлянки высшего общества в политике.

¹ Гуревич, Д, Рансат – Шарлье, М.Т. Повседневная жизнь женщин в Древнем Риме / пер. с французского Н.Н. Зубковой. – Москва, 2006. – С. 231-234.

² Колосовская, Ю.К. Образ римской женщины в Паннонии // Женщина в античном мире. – Москва, 1995. – С. 142-155.

Несмотря на то, что женщинам Древнего Рима запрещено было участвовать в политической жизни наряду с мужчинами, все же положение римской матроны в этом вопросе было куда выше чем, например, положение свободной гречанки. Так, известно, что римлянки создавали женские группы для реализации собственных интересов и обсуждения проблем, например, в самом Риме существовало общество матрон с резиденцией на Квиринале (позднее – форум Траяна).

О влиянии женщин на политическую жизнь Древнего Рима мы можем найти в уже приводимом нами фрагменте из «Истории Рима от основания города» Тита Ливия, повествующим о споре вокруг отмены Оппиева закона. Историк пишет: «...женщин не могли удерживать дома ни увещания старших, ни помышления о приличиях, ни власть мужа: они заполняли все улицы и все подходы к форуму, умоляли граждан, которые спускались на форум, согласиться, чтобы теперь, когда республика цветет и люди день ото дня богатеют, женщинам возвратили украшения, которые они прежде носили. Толпы женщин росли с каждым днем <...>. Уже хватало у них дерзости надоедать своими просьбами консулам, преторам и другим должностным лицам». Далее Тит Ливий приводит речь Катона: «Мы же попушением богов терпим, что женщины руководят государством, приходят на форум, появляются на сходках и в народных собраниях. Ведь, что они сейчас делают на улицах и площадях, как не убеждают всех поддержать предложение трибунов, как не настаивают на отмене Оппиева закона»¹. Таким образом, мы можем заключить, что женщины высших классов имели возможность ориентироваться в вопросах, связанных с политической жизнью государства, а также в отдельных случаях косвенным образом могли довольно успешно отстаивать свои права,

¹ Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. III / пер. М.Л. Гаспарова; под ред. Е.С. Голубцовой. – Москва, 1993. – С. 109-110.

агитируя, например, во время выборов за то или иное преобразование, или выступая (через своих супругов) за поддержку того или иного кандидата.

Апогеем признания женского влияния в Риме станет период Империи, когда женщины, принадлежавшие к *domus* императора, занимали исключительное положение, которое позволяло им проявлять свою политическую роль в неформальном влиянии на властные отношения государства.

Однако и до императорского периода римской истории мы можем увидеть влияние женщин высших слоев общества на политическую жизнь «Вечного города». В Царском периоде известна своей деятельностью дочь царя Сервия Туллия – Туллия Младшая, ставшая, по мнению Дж. Перси Бэлдсона, «Леди Макбет» римской истории¹. Ранний республиканский Рим также дает нам имена активных римлянок – Вителлия, супруга Юния Брута, Клелия, пытавшаяся вернуть власть рода Тарквиниев. Известны имена римлянок и в контексте борьбы патрициев и плебеев: Валерия, сестра консула Валерия Попликолы, собрала женщин для того, чтобы «благовоением и речами, женской природой» предотвратить войну между Марцием Кориоланом и народом Рима. В честь Валерии был воздвигнут храм Женской Фортуны на Латинской дороге². Однако, опираясь на данные источников, все же ранний республиканский Рим показывает нам ограничение деятельности женщин кругом семьи и хозяйством.

Начиная со II века до н.э., история Рима дает нам куда большее представление о влиянии женщин на политическую жизнь государства. Некоторые историки видят причину подобного явления в подавлении

¹ Бэлдсон, Дж. Перси. Женщины Древнего Рима. Увлекательные истории жизни римлянок всех сословий [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «MyBook». URL: <https://mybook.ru/author/dzhon-belsdon/zhenshiny-drevnego-rima-uvlekatelnye-istorii-zhizn/read/?page=6> (дата обращения: 02.02.2025).

² Тит Ливий. История Рима от основания города. Т.I / пер. М.Л. Гаспарова; под ред. Е.С. Голубцовой. – Москва, 1989. – С. 96.

старой, традиционной патриархальной морали вследствие хлынувших в Рим богатства и роскоши после Пунических войн и успешной военной экспансии. Так, по мнению Д. Гуревич, это время принесло за собой изменения в составе правящих семей, происходила переплавка слоев общества и состояний, что началось еще в рамках социальной стратификации III в. до н.э., но особое значение приобрело именно в этот период¹. Мы же отмечаем, что это время характеризуется распространением браков без власти мужа над женщиной.

I в. до н.э. в римской истории традиционно признается временем кризиса республиканского строя, в результате которого (что характерно для всех переходных периодов) разрушались старые представления о традиционных порядках, размывались нормативы поведения для слоев общества и открывались большие возможности для осуществления социальной мобильности. Перемены отразились не только на мужчинах, но и на женщинах, ставших верными соратницами своих супругов, сыновей в достижении каких-либо целей (и мы говорили уже о том, что за римлянками признавалась роль некоего орудия, посредника в борьбе за власть среди мужчин). Таким образом, интересы женского пола с этого времени будут направлены не только на сферу частных отношений, но и на публичное поле, при этом римлянки зачастую будут становиться косвенными, закулисными участницами событий, связанных с властными отношениями. Таким образом, можно заключить, что в условиях подобных социальных перемен, произошедших в завершении республиканского периода истории Древнего Рима, возникло немыслимое до того сочетание – женщина и политика. Пример такого сочетания мы видим в деятельности матерей братьев Гракхов и Юлия Цезаря – историки подчеркивают их роль в становлении карьеры своих сыновей.

¹ Гуревич, Д, Рансат – Шарлье, М.Т. Повседневная жизнь женщин в Древнем Риме / пер. с французского Н.Н. Зубковой. – Москва, 2006. – С. 43.

Женщиной, которая отразила изменение роли дамского пола в политической жизни Рима, стала Фульвия, образ которой, по утверждениям исследователей, был впервые нанесен на монеты¹. Будучи одной из самых состоятельных невест Рима, она становилась супругой Клодия, Курио и Марка Антония. Эти союзы позволяли ей оказывать влияние на государственную политику, и, в конечном счете, по утверждению Г. Левитского, Фульвия, воздействуя на Марка Антония, внесла решительный вклад как в ход Гражданской войны, так и в события после ее завершения². По мнению Плутарха, смерть Фульвии «сильно помогла Антонию достигнуть согласия с Цезарем»³. Также историки отмечают роль Фульвии в установлении Империи в римском государстве, поскольку ее рукой была проложена дорога для первых римских императоров.

Известны имена и других римлянок, направлявших мужчин и оказывающих решительное воздействие на перемены в традиционном образе женщины – близкая к Юлию Цезарю женщина Сервилия (сестра Марка Порция Катона и мать Марка Брута, не состояла в официальных отношениях с Цезарем), Гортензия или Теренция – честолюбивая супруга Цицерона⁴. В этом вопросе Юлий Цезарь известен тем, что стал первым в истории организатором специальных гладиаторских боев, устроенных в связи со смертью близких ему женщин (Светоний, Божественный Юлий, 26 (2)), и первым же оратором, что отмечено Плутархом (Цезарь, V),

¹ Бэлсдон, Дж. Перси. Женщины Древнего Рима. Увлекательные истории жизни римлянок всех сословий [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «MyBook». URL: <https://mybook.ru/author/dzhon-belsdon/zhenshiny-drevnego-rima-uvlekatelnye-istorii-zhizn/read/?page=6> (дата обращения: 02.02.2025).

² Левицкий, Г. В плену страстей. Женщины в истории Рима [Электронный ресурс] // Онлайн-библиотека «Booksonline.com.ua». URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=47422> (дата обращения: 02.02.2025).

³ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т.3 / под ред. М.Е. Грабаря - Пассека. – Москва, 1964. – С. 232, 237, 244.

⁴ Там же. С. 170.

который произнес с трибуны похвальное слово жене Корнелии и тетке Юлии во время их похорон: «В память дочери он обещал народу гладиаторские игры и пир – до него этого не делал никто»¹, « <...> после смерти своей тетки Юлии, жены Мария, он не только произнес на форуме блестящую похвальную речь умершей, но и осмелился выставить во время похорон изображения Мария <...>»².

Наивысшей точкой признания влияния женщин на политическую жизнь римского государства стала череда римских императриц, которые приобрели себе такой статус не по официальному присвоению, но в результате своей деятельности. Властные женщины Римской империи предстают перед нами в качестве жен и матерей, которые воздействовали в полной мере на своих правящих мужа или сына. Некоторые из них, речь идет об Агриппине Младшей, даже в нарушении всех запретов вместе с супругом стояли перед войском, демонстрируя таким образом совместное правление и высокую роль в реализации императорских дел. Современники отмечали, что помимо Агриппины Младшей, среди женщин первых пяти цезарей, наибольшее влияние на политику Рима продемонстрировала Ливия. Им же оказывались почести сенатом и римским народом.

Ливия, будучи супругой Тиберия Клавдия Нерона, родила ему сына Тиберия и в момент второй беременности была «передана» императору Августу. Тацит («Анналы», V, 1) пишет об этом так: « <...> пленившись ее красотой, Цезарь [Октавиан Август] отнял ее у мужа, неизвестно, против ли ее воли, и действовал при этом с такой поспешностью, что, не выждав

¹ Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / под ред. С.Л. Утченко. – Москва, 1964. – С. 13.

² Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т.2 / под ред. С.С. Аверинцева. – Москва, 1994. – С. 166-167.

срока ее родов, ввел ее к себе в дом беременною»¹. Однако, можно предположить, что причина «перехода» Ливии к императору крылась в отчуждении Клавдия Нерона от Антония в пользу поддержки Августа, а Ливия стала обеспечением нового союза.

Роль Ливии подчеркивается, во-первых, в оказании помощи императору в деле установления нового порядка – для упрочения своих позиций и завоевания популярности среди элиты Октавиан обратился к восстановлению прошлого, что соотносили с понятием *mos maiorum* – «обычай предков»². Он возрождал прежние традиции как в публичной, так и в частной, в т.ч. семейной жизни. Так, образ Ливии, домоседки, идеала женщины, Август вполне мог противопоставить образу Клеопатры – восточной «блудницы». Это стало дополнительным аргументом в пользу единоличного правления нового императора в противовес Марку Антонию. Однако Ливия в союзе с Октавианом несла куда большую роль, чем элемент пропаганды традиций предков.

Важнейшим результатом ее влияния на Августа историки считают момент усыновления Августом ее сына от первого брака Тиберия, который после будет наследовать престол (Тацит, «Анналы, IV, 57): «Август подумывал, не поставить ли во главе государство внука своей сестры, всеми восхваляемого Германика, но, вынужденный сдаться на просьбы жены, усыновил Тиберия»³. Античные историки также приводят свидетельства того, что Ливия играла роль советника Августа в отправлении государственных задач – советовала, как обращаться с

¹ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том I. Анналы. Малые произведения / под ред. С.Л. Утченко. – Ленинград, 1969. – С. 150.

² Чаплыгина, Н.А. Римская женщина в правление Августа // Женщина в античном мире. – Москва, 1995 – С.105.

³ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том I. Анналы. Малые произведения / под ред. С.Л. Утченко. – Ленинград, 1969. – С. 142.

подданными (Дион Кассий, LV. 14 – 22)¹ и участвовала в важных с супругом беседах (Светоний, II, 84)². И даже при допущении, что речи, а также обычаи императорской семьи могут передаваться историками с ошибками и неточностями, не подлежит сомнению тот факт, что античные авторы признавали возможность обсуждения политических вопросов, в числе которых и вопрос о престолонаследии, между цезарем и его супругой.

Особую роль Ливии отразил и факт передачи Августом в своем завещании для нее имени Augusta, впоследствии его будут приобретать все жены или матери императоров дома Юлиев – Клавдиев. Однако для Ливии это означало еще и принятие ее Августом путем усыновления в род Юлиев, чего не встречалось ни во времена республики, ни во времена принципата.

В правление Тиберия, Ливия пыталась обрести еще большее влияние на сферу государственного управления, чем завоевала враждебное отношение сына, который ощущал свой долг перед матерью, подарившей ему трон императора (Тацит, «Анналы», IV, 57)³.

Спустя 13 лет после смерти Ливии Друзиллы, император Клавдий официально обожествовал свою бабуку. На монетах начали изображать божественного Августа и божественную Августу, как символы новой эпохи Рима.

Следующим императором, судьбу и правление которого во многом определяли супруги, стал Клавдий. Одна из них – Мессалина – стала символом порочности и бесстыдства, а другая – Агриппина Младшая, наряду с Ливией, стала объектом почитания со стороны сената и общества.

¹ Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LI-LXIII / пер. с древнегреческого; под ред. А.В. Махлаюка. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 248-257.

² Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / под ред. С.Л. Утченко. – Москва, 1964. – С. 67.

³ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том I. Анналы. Малые произведения / под ред. С.Л. Утченко. – Ленинград, 1969. – С. 142.

Мессалина, третья жена Клавдия, чаще всего оценивается историками как необузданная в своих желаниях женщина, а ее порочность считается одним из символов распада традиционной италийской нравственности. Что касается ее участия в сфере государственной жизни – то ей вменяется наступление в результате ее связей с мужчинами серьезных политических последствий. Эпизод, который во многом и породил образ Мессалины, как распутной женщины – свадьба ее с Гаем Силием. Тацит (XI, 30 – 38)¹ и Светоний (V, 30)², анализируя эту историю, акцент делают на борьбу за сферы влияния между вольноотпущенниками и другими приближенными императора, в то время как более поздние авторы рисуют демонический образ жены императора.

Сейчас историки высказывают иное мнение о маневре Мессалины, обращая внимание на то, что основной источник, дающий информацию о ее браке с Гаем Силием – записи ее преемницы в браке с Клавдием Агриппины Младшей, которой, безусловно, не было нужды подчеркивать достоинства бывшей супруги императора. Также исследователи римского государства Д. Гуревич³ и А. Кравчук⁴, дают оценку представленным событиям, видя в них или часть заговора, или результат политического маневра в пользу Мессалины, которая по своим качествам характера и положению представлялась куда более сильным игроком, чем трусливый, по выражению Светония, Клавдий, и, таким образом, брак с влиятельным любовником, возможно, был попыткой перехода власти.

Следующая жена императора Клавдия – Агриппина Младшая предстает в источниках женщиной с явно выраженными мужскими

¹ Там же. С. 192-196.

² Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / под ред. С.Л. Утченко. – Москва, 1964. – С. 142.

³ Гуревич, Д, Рансат – Шарлье, М.Т. Повседневная жизнь женщин в Древнем Риме / пер. с французского Н.Н. Зубковой. – Москва, 2006. – С. 9.

⁴ Кравчук, А. Галерея римских императриц / пер. с польского Е.В. Смирновой. – Москва, 2010. – С. 66-69.

чертами и желаниями. Тацит, описывая намерения и влияние Агриппины, указывал (XII, 7): «Этот брак принцепса явился причиной решительных перемен в государстве: всем стала заправлять женщина, которая вершила делами Римской державы отнюдь не побуждаемая разнузданным своеволием, как Мессалина; она держала узду крепко натянутой, как если бы та находилась в мужской руке. <...> в домашней жизни не допускала ни малейших отступлений от строгого семейного уклада, если это не способствовало укреплению ее власти»¹. Интересны и обстоятельства брака Клавдия и Агриппины – друг другу они приходились дядей и племянницей, и, по свидетельствам историков, Агриппина, пользуясь своим искусством обольщения, склонила дядю взять ее в жены, что нарушало традиционные ценности римского общества².

Агриппина фактически властвовала, что было определено ее влиянием на мужа – императора, также она принимала активное участие в торжествах, вместе с супругом выслушивала посетителей. Она стала первой из супругов императоров, носившей еще при жизни своего мужа Клавдия имя «Августа». О ее власти свидетельствуют и материальные источники: вместе с императором Агриппина появляется на монетах, ей возводили статуи, что говорило о признании ценности ее фигуры в политической жизни государства. Например, известна группа барельефов на территории бывшей римской провинции Азия, где Агриппина и Клавдий держатся за руки, рядом с ними – обезглавленная фигура, которая, по мнению исследователей, олицетворяет Сенат.

Цель, которую преследовала Агриппина – возвести своего сына Нерона на императорский трон. Последовательно ее реализуя, она сначала сделала сына зятем Клавдия, женив его на дочери императора Октавии, а

¹ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том I. Анналы. Малые произведения / под ред. С.Л. Утченко. – Ленинград, 1969. – С. 199.

² Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LI-LXIII / пер. с древнегреческого; под ред. А.В. Махлаюка. – Санкт-Петербург, 2014. – С. 538-540.

после добилась и его усыновления¹. Таким образом, Агриппина предстает в свидетельствах античных авторов как женщина с исконно мужскими чертами, жаждущая власти и способная своими решениями оказывать влияние на политику государства.

Жены и матери императоров получали как особые почести, которые свидетельствовали об их уважении: среди них – титул *Augusta*, право пользования закрытым экипажем, особо выделенные места в театре, право на воздвижение статуй, так и привилегии, отражавшие изменение правового статуса. Например, согласно закону Августа, женщины дома императора освобождались от опеки и получали полную свободу в вопросе распоряжения имуществом, при этом условие о рождении трех детей не признавалось в данном случае значимым. После смерти супругов – императоров они сохраняли исключительное положение, становясь жрицами причисленного к лику богов императора, и получали право быть сопровождаемыми ликтором – особым государственным служащим, в задачи которого входила обязанность нести перед лицом, к которому они были приставлены, пучки прутьев с топориками – знак административной власти².

Безусловно, все эти права и привилегии отражали и признавали особую роль женщин императорского дома в жизни древнеримского общества. Однако ученые справедливо отмечают, что все же эта сцепка «женщина – политика» в большинстве случаев не носила самостоятельный характер политической власти, принадлежавшей женщине, а все же была опосредована нахождением рядом с царствующим мужчиной. Таким образом, о причастности женщин к власти мы говорим в контексте

¹ Там же. С. 540.

² Шпет, Т. «Власть женщин» в Ранней Римской империи? Критический взгляд на исторические представления о «женах цезарей» / пер. с немецкого Т.И. Дудниковой // THESIS. – 1994. - №6. – С. 256.

оказания влияния на мужчин, это подтверждает и тот факт, что главными целями «властвующих» женщин, как правило, были обеспечение прихода к власти сына и сохранение своего значимого положения рядом с мужчиной. И это вполне естественно в условиях патриархального общества, о чем мы уже не раз говорили. Вместе с тем, никто не станет отрицать, что подобное влияние и отношение к женщине, продемонстрированное нами, никак не вписывается в концепцию умаления достоинства женщины по признаку пола. Напротив, римское общество дает нам пример признания женской личности не по признаку половой принадлежности, но в зависимости от результатов деятельности для общества. Даже если мы и говорим о том, что фактически политическая власть женщинам императорского дома не принадлежала, все же трудно опровергнуть факты, когда общественные позиции женщины – матери важного римского политика, или супруги императора, или дочери военачальника – очевидно подразумевают под собой влияние на мужчин, т.е. на тех, кто обладает этой властью непосредственно. Таким образом, женщины, занимая «закулисную» сферу, оказывали значительное влияние на своих властвующих, царствующих мужчин и тем самым опосредованно принимали большое участие в политической жизни Древнего Рима. И, можно предположить, что подобное поведение женского пола являлось типичным и для женщин других римских семей, пусть и меньшего статуса, но с оговоркой на то, что влияние на Цезаря имеет куда большие последствия, чем влияние на, например, сенатора.

В истории Рима были и другие имена ярких женщин, игравших заметную роль в жизни общества и государства – Клеопатра, Агриппина Старшая, вольноотпущенница Антония Ценис, иудейская царица Береника, супруга императора Траяна Помпея Плотина, императрицы династии Северов – Юлия Домна, Юлия Меса, мать императора Константина Великого Елена и другие.

Таким образом, проанализировав гендерные отношения общества Древнего Рима с акцентом на роль женщины, мы заключим, что, несмотря на патриархальный характер устройства римского общества и признание за женщиной необходимости нахождения в сфере частно-семейных отношений, фактически римская история рисует нам иной образ римлянки, почитаемой и уважаемой своим обществом. Помимо этого, мы выделили несколько сфер или эпизодов из жизни Древнего Рима, которые, отбрасывая гендерные предрассудки и стереотипы, формируют представления о римской женщине как значимом субъекте жизни государства, способном реализовывать личные таланты и потребности. Так, наивысшее положение женщины в древнеримском обществе отражает жреческая коллегия весталок, пользовавшихся особыми привилегиями вследствие почитания обществом. Проанализировав правовые нормы, мы заключили, что древнеримское право – стало первым этапом на пути оформления юридического статуса женщины, и даже несмотря на то, что он мыслился в контексте дополнительной роли женщин в мужской системе жизни, статус римлянок с течением времени модифицируется в сторону расширения правоспособности и дееспособности – юридической самостоятельности, что явилось следствием изменения института опеки. В результате женщина Рима периода поздней Республики и Империи – часто независимый субъект деятельности, свободно распоряжающийся своим имуществом и потому способный влиять на общественные процессы, происходящие в государстве. Большая роль римских женщин показана и через участие их в культурно-досуговой деятельности, одним из проявлений которой стала благотворительность, позволяющая римлянками упрочивать свое положение в социальной структуре общества и повышать престиж своей семьи. И, конечно, наивысшей точкой признания достоинства и значения женщин в жизни римского общества стала череда жен и матерей императоров. Они, будучи закулисными деятелями, вносили

решающий вклад в реализацию властных полномочий царствующими мужьями, супругами и отцами, что, очевидно, говорит об их влиянии на политическую жизнь Рима и, пусть опосредованной, но власти. И, по нашему мнению, подобное явление было совершенно естественным и для других семей Древнего Рима. Так, мы можем заключить, что история римского общества показывает нам исключительные эпизоды, позволяющие говорить о том, что не половая принадлежность определяла признание человека и его доблести, а результаты его трудов, деятельности и то значение, которое он [человек – мужчина или женщина] играл в обществе и государстве, что вполне себе соответствует идеям гендерной концепции о превалировании индивидуального начала над той ролью, которая отведена человеку природой, т.е. полом.

Проанализировав гендерные отношения в античных обществах на основании общественных представлений, культурно-символических объектов и фактического материала, представленного в разных сферах жизни общества и государства мы заключаем, что мировоззрение античности в отношении гендерного фактора – стереотипизировано и основано на противопоставлении «мужского» и «женского» типа людей. Так, согласно патриархальным устоям древних греков и римлян, а также превалирования андроцентрического подхода в устройстве общественной жизни, женская идентичность была определена в рамках реализации двух главных задач – добропорядочное ведение домашнего хозяйства и воспроизводство населения. Однако трактовки дозволенного «мужского» и «женского» в античности мы не можем назвать однозначными – несмотря на то, что понимание роли женщины происходило, как правило, в рамках сравнения с «эталонном» – мужчиной, все же мы заключаем, что и в обществе Древней Греции и в обществе Древнего Рима существовали каналы, позволяющие женщинам выйти за пределы обозначенной сферы и реализовывать иные позиции, основанные на реализации не определенных

обществом функций, исходя из биологической природы, а индивидуально-личностного начала. Эти проявления позволили заключить о том, что и представительницы «слабого пола» строго патриархального мира античности имели право на занятие своего места в социальной структуре согласно своим достоинствам, талантам и отправлению общественно значимых функций.

Однако социокультурный анализ гендерных отношений в античности будет неполным без обращения к другим основам мировоззрения древних греков и римлян – воззрениям и мыслям античных философов, поскольку они, во-первых, могут расцениваться нами как ответ на возникающие в обществе того времени вопросы, и, во-вторых, оказывали существенное влияние на складывание греческого, римского менталитета, а также мировоззрения современного общества, поскольку совершенно очевидно, что анализ основных гендерных категорий – «мужское» и «женское», а также рассмотрение гендерной структуры общества начинается именно с философов античности, несмотря на то, что специальную терминологию гендерной концепции мы не обнаружим в их трудах. Итак, обратимся к идеологическим истокам гендерного вопроса в античном обществе.

Глава II. Гендерный фактор в античных обществах: анализ идеологических взглядов античных философов

2.1. Пифагор

Анализ позиций античных философов в отношении гендерных категорий «мужское» и «женское» мы начнем с обращения к мыслям и деятельности древнегреческого философа, математика Пифагора Самосского (ок. 570-490 гг. до н. э.). Согласно биографии Пифагора, представленной в труде античного философа-неоплатоника Ямвлиха, будучи юным, мыслитель отправился в Египет, затем вернулся в родной Самос и оттуда, не желая отбрасывать занятия философией в угоду участия в общественных и политических делах, уехал в Италию, где обосновался в г. Кротон. Здесь Пифагор основал философско-религиозную школу, в которой, как известно, учениками были не только мужчины, но и, вопреки общественным представлениям, женщины. Так, Ямвлих пишет: « <...> он настолько увлек своим учением более двух тысяч человек, что они уже не ушли домой, но вместе с женами и детьми построили огромный дом для совместного слушания и организовали общину в той земле, которую все называют Великой Грецией»¹. Диоген Лаэртский, говоря об этом эпизоде биографии Пифагора, передает рассказ древнегреческого историка Гермиппа о завоевании философом почитания в Италии: « <...> Все были потрясены прочитанным, плакали, рыдали, а Пифагора почли богом и даже поручили ему своих жен, чтобы те у него чему-нибудь научились; их прозвали «пифагорейками»².

¹ Ямвлих. О Пифагоровой жизни / пер. с древнегреческого И.Ю. Мельниковой. – Москва, 2002. – С. 36.

² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова; под ред. А.Ф. Loseва. – Москва, 1986. – С. 317.

Далее Ямвлих приводит содержание лекций Пифагора перед кротонцами, которые позволяют нам сделать вывод об отношении философа к женщинам. Мыслитель давал наставление мужчинам «жить лишь с законными женами, и чтобы женщины не имели внебрачного потомства из-за пренебрежения и порочности своих мужей»¹. И по заключению историка, это возымело действие, поскольку мужчины отпустили наложниц, держать которых в семье было обыкновенным делом. Интересно, что в высказывании, приведенным Ямвлихом, Пифагор накладывает вину за измену женщины на супруга, призывая их с достоинством относиться к женам. Беседы Пифагор проводил и с женщинами, где обучал их мудрости и добродетельному поведению. Обращаясь к мифологии, мыслитель открывал перед ними те, качества, которые особенным образом отличают женщин, их природу от природы мужчин – среди них склонность к благочестию, способность отдавать последнее во имя блага. При этом Пифагор подчеркивал, что эти качества сближают женщин с богами более, чем других: «С этим согласуется и то, что оракулы в Додоне и Дельфах провозглашаются через женщин»². Конечно, философ не пытался полностью сравнить женщин с мужчинами, он подчеркивал скорее их разную природу, но при этом не отбрасывал ни возможность добродетельности для женщины, ни признание ее значения в социуме.

Конечно, эти свидетельства носят, скорее, характер легенды и вряд ли могут восприниматься как истина³. Однако о признании Пифагором за женщинами права реализовывать способности говорит тот факт, что они наряду с мужчинами принимались в качестве членов в Пифагорейский союз и получали образование, следуя правилам и принципам своего

¹ Ямвлих. О Пифагоровой жизни / пер. с древнегреческого И.Ю. Мельниковой. – Москва, 2002. – С. 43-44.

² Там же. С. 47.

³ Жмудь, Л.Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. – Москва, 2012. – С. 14.

учителя. Некоторые исследователи видят причину этого уникального примера разрушения гендерных стереотипов во влиянии общественного устройства Спарты (которую Пифагор посетил до отъезда в Великую Грецию) на формирование идей мыслителя. Так, в системе школы Пифагора прослеживаются сходства с «ликурговым строем» – общие трапезы, нахождение собственности в руках всей общины, идея о чувстве меры, допущение к политической жизни, согласно написанным Пифагором законам для италийцев, только 300 человек, а также высокое понимание роли женщины¹. Хотя и в смысловом отношении оно отличалось, поскольку спартанцы все же видели в женщине продолжательницу рода здоровых воинов, а у философа женщины стали членами созданного союза, которые участвовали в реализации одинаковых с мужчинами функций, а потому становились носителям нового знания, иного образа жизни.

Таким образом, мы заключаем, что Пифагорейский союз, основанный мыслителем, стал первым в истории античности явлением, когда женщины состояли в числе учеников наряду с мужчинами. Историки приводят более 30 имен известных «пифагореек». Одно из них принадлежит жене Пифагора – Феано (в других источниках – Теано), которая принимала активное участие в жизни и деятельности не только супруга, но и его школы, а также оставила после себя философские трактаты. Эти сведения приводит Диоген Лаэртский. Также он указывает на то, что у Пифагора была дочь по имени Дамо, которой историк доверил свои записки². В источниках о жизни философа встречаются иные сведения о детях, их именах и занятиях. В конечном счете, достоверно

¹ Макарова, Е.Е. Ликурговы традиции и пифагорейская политическая практика (на примере Кротона) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2010. – №2. – С. 50-58.

² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва, 1986. – С. 320.

сказать о родственниках Пифагора практически невозможно, но скудные данные о его жизни позволяют нам подчеркнуть высокое отношение мыслителя к женскому полу хотя бы потому, что двери его школы, вопреки всем представлениям о неспособности женщины к обучению, были открыты для обоих полов.

2.2. Сократ

Сократ (469 – 399 гг. до н.э.) – древнегреческий философ, который в основе своей деятельности поставил не изучение природы – натурфилософией, а исследование человека, мотивов его поступков и обучение нравственности. Особый «сократический метод» заключался в беседах с местными жителями, в которых философ путем последовательных вопросов приводил своего собеседника к самостоятельному поиску истины – это позволяло гражданам исследовать и изучать себя, свой внутренний мир, открывать глаза на собственное невежество, что, по мнению Сократа, и было главной целью жизни каждого человека.

Но обращение к исконным идеям философа затруднено. Это объясняется тем, что сам Сократ, несмотря на яркую историческую память о нем, не оставил после себя ни одного письменного произведения, придерживаясь мнения, что мысль будет ясной и точной только в том случае, если она будет держаться в уме, а письменность портит в человеке способность думать. Все философские рассуждения мыслителя передают его ученики – Платон, Ксенофонт и Аристипп. Они создали особую форму произведений – «сократические речи» или диалоги, где Сократ, будучи главным лицом, находится в беседах с представителями афинского общества. Таким образом, отделить мысли собственно Сократа от воззрений его учеников довольно трудно, однако, даже если они и являются некой компиляцией в отношении нашего вопроса интересен сам

факт их существования, т.е. мы говорим об идеологическом оформлении гендерного вопроса. И сам по себе факт включения его, пусть и в крайне усеченном виде в круг философских рассуждений, говорит о том, что, как минимум, он считался значимым и вытекал из существования неких общественных реалий.

Итак, обратимся к мыслям Сократа, представленным в трудах его учеников. В диалоге «Менон», приводимом Платоном, Сократ рассуждает с собеседником о том, что такое добродетель и можно ли ей научиться. В ответ на рассуждения Менона, который проводит различия между добродетелью мужчины – справляться с государственными делами, и женщины – хорошо распорядиться домом, оставаясь послушной мужу, Сократ отвечает, что добродетель для всех одна: «Что же, Менон, ты только о добродетели думаешь, что она для мужчины – одна, для женщины – другая и так далее, или то же самое полагаешь и насчет здоровья, и насчет роста, и насчет силы? <...> Если сильна женщина, то разве не та же самая идея, не та же самая сила делает ее сильной? Под этим «та же самая» я разумею вот что: от того, что есть сила вообще, не отличается никакая сила, будь она хоть в мужчине, хоть в женщине. <...> А разве можно хорошо управлять – государством ли, домом ли или чем угодно, – не управляя рассудительно и справедливо?»¹. И философ заключает, что добродетель одна и для мужчин, и для женщин, заключается она в справедливости и рассудительности. Таким образом, мы можем сделать вывод, что Сократ не проводит различий между природой мужчины и женщины, не отказывая последней в тех качествах, которые составляют суть нравственного человека. Так, заключим, что среди идей Сократа мы не найдем подтверждение мыслей о изменности женской природы и ее «дефектном» состоянии в сравнении с «эталонной» природой мужчин.

¹ Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. / пер. с древнегреческого; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва, 1990. – С. 575-577.

Следующее произведение Платона, в котором мы обнаруживаем философский взгляд Сократа на природу и общественную роль женщины – трактат «Тимей», посвященный космологии, физике и биологии. В диалоге Сократ произносит следующие слова: «Речь зашла и о женщинах, и мы решили, что их природные задатки следует развивать примерно так же, как и природные задатки мужчин, и что они должны делить все мужские занятия как на войне, так и в прочем житейском обиходе»¹. Подобное содержание речей философа мы обнаруживаем и у Ксенофонта в «Пире»: «По поводу этого Сократ сказал: как многое другое, так и то, что делает эта девушка [танцовщица выполняла упражнения с обручами в такт музыке], друзья мои, показывает, что женская природа нисколько не ниже мужской, только ей не хватает силы и крепости. Поэтому, у кого из нас есть жена, тот пусть учит ее смело тем знаниям, которые он желал бы в ней видеть»². Из этих высказываний следует, что философ признавал за женщинами право развиваться и самореализовываться наряду с мужчинами, а, следовательно, природа их, как и положение не воспринимались как низшее и несправное. Следует отметить, в отношении трактата «Тимей» ходят споры – поскольку произведение было написано в период зрелого творчества Платона, мы можем предположить, что здесь представлены не только идеи его учителя, но читаются и его собственные мысли, воззрения. Однако, обратившись к личной жизни Сократа, мы увидим пример патриархальной семьи, но с совершенно удивительным, свободным поведением женщины – супруги, не предстающей в образе молчаливой и послушной хранительницы очага.

Мыслителю часто приписывают фразу: «Любви женщины следует более бояться, чем ненависти мужчины. Это – яд, тем более опасный, что

¹ Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т.3 / пер. с древнегреческого; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва, 1994. – С. 422.

² Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / пер. с древнегреческого; под ред. С.И. Соболевского. – Москва, 1993. – С. 164.

он приятен», а также известно восклицание Сократа на вопрос о необходимости женитьбы: «Делай, что хочешь, – все равно расквасишься»¹. Быть может, подобное отношение к браку основано на личном опыте философа, супруга которого – Ксантиппа – описывается историками как женщина склочная и капризная.

Образ жены Сократа представлен в произведении «Пир»: «Тут Антисфен сказал: если таково твое мнение, Сократ, то как же ты не воспитываешь Ксантиппу, а живешь с женщиной, сварливее которой ни одной нет на свете, да, думаю, не было и не будет?». Показателен ответ Сократа, где он утверждает, что через общение с супругой он учится взаимодействовать со всеми другими людьми: «Вот и я, желая быть в общении с людьми, взял ее себе в том убеждении, что если буду переносить ее, то мне легко будет иметь дело со всеми людьми»².

О взаимоотношениях супругов, а также о нраве Ксантиппы пишет и Диоген Лаэртский в жизнеописании Сократа: «Однажды Ксантиппа сперва разругала его, а потом окатила водой. «Так я и говорил, – промолвил он, – у Ксантиппы сперва гром, а потом дождь». Алкивиад твердил ему, что ругань Ксантиппы непереносима. Он ответил: «А я к ней привык, как к вечному скрипу колеса. Переносишь ведь ты гусиный гогот?». «Но от гусей я получаю яйца и птенцов к столу», – сказал Алкивиад. «А Ксантиппа рождает мне детей», – отвечал Сократ³.

Необычен сам факт того, что в патриархальной древнегреческой семье женщина, вопреки общественным представлениям об идеале жены, не молчаливая и покорная, а своенравная и несдержанная в своем

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва, 1986. – С. 103.

² Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / пер. с древнегреческого; под ред. С.И. Соболевского. – Москва, 1993. – С. 165

³ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва, 1986. – С. 104.

поведении супруга. Была ли она в этом случае затворницей, которая не знала ни о чем более, кроме ведения домашнего хозяйства? Вряд ли. К тому же, Сократ совершенно доволен таким поведением жены, поскольку извлекает из него свою выгоду – из проведенных выше цитат, очевидно, что Ксантиппа становилась «бытовым учителем» для супруга, который оттачивал в общении с ней мастерство общения с людьми, а его высказывания в адрес жены содержат теплую иронию.

Известно, что сам Сократ высоко ценил свою мать Финарету, которая по роду деятельности была повивальной бабкой, и он часто сравнивал в речах свою интеллектуальную деятельность с повивальным искусством.

Таким образом, несмотря на довольно ограниченные сведения источников, все же мы можем подчеркнуть, что, во-первых, Сократ не умалял женской природы и не принижал ее в сравнении с природой мужской, напротив, утверждая о равенстве добродетелей и необходимости развития для каждого пола. Так, предположим, что, согласно концепции философа, самопознание и самовоспитание должно было стать главной целью жизни каждого человека вне зависимости от половой принадлежности, что, конечно, отбрасывает все предрассудки, говорящие о низменности женских качеств. Так и факты личной жизни Сократа не вызывают сомнений в признании им ценности женщин.

Интерес вызывают и взгляды последующих учеников Сократа. Аристипп (ок. 435 – 355 гг. до н.э.), основатель Киренской школы, сформировал доктрину гедонизма, согласно которой цель жизни всех людей вне зависимости от пола – удовольствие, разумное наслаждение. В школе Аристиппа состояла его дочь – Арета Киренская, ставшая первой в истории женщиной – схолархом – главой философской школы, унаследовав ее после отца.

Идеи Аристиппа также развивал Эпикур (ок. 341 – 271 гг. до н.э.) – основатель философской школы эпикуреизма. Известно, что слушателями школы становились не только мужчины, но и женщины. Среди них известна ученица философа Леонтия, которая, изначально будучи гетерой в Афинах, пополнила ряды эпикурейцев и прославилась умом и образованностью. О ней упоминает и Диоген Лаэртский в жизнеописании Эпикура, и Цицерон в трактате «О природе богов» (XXXIII, 93, возмущенный критикой Леонтии в адрес философа Теофраста, однако признавший ее способности: «...но даже гетера Леонтия осмелилась писать против Теофраста, правда, остроумным языком и в аттическом стиле...»¹).

Таким образом, заключаем, что Сократ, его ученики и последующие философы в своих идеях наметили тенденцию отхода от противопоставления «мужского» – высшего, эталонного и «женского» – дефектного в сравнении с мужчинами начала, признавая за обоими полами добродетельность и способность к развитию и участию не только в общественных делах, но и в сфере науки, что позволяет нам говорить о признании в учениях мыслителей ценности индивидуальных, личностных качеств и возможностей вне зависимости от пола, что, в свою очередь, не соответствует гендерным стереотипам и предрассудкам, вытеснившим женщин из сферы разумного.

2.2. Платон

Платон Афинский (427 – 347 гг. до н.э.) – основатель Афинской Академии и философского учения, согласно которому идея, или эйдос, признается центральной причиной, целью и первоосновой любой вещи. Будучи учеником Сократа, философ воспринял некоторые идеи

¹ Цицерон. Философские трактаты / под ред. Г.Г. Майорова. – Москва, 1985. – С. 90.

наставника, но все же мы говорим о том, что Платон, уделивший в своих трудах большее внимание гендерным категориям, представляет перед нами нормативный подход в понимании «мужского» и «женского» начала. Так, развивая концепцию платонизма, мыслитель соотносил мир идей с мужским, активным началом, а женское, пассивное начало, философ соотносил с неопределенной материей. Таким образом, Платон определял более высокое значение мужчин в сравнении с женщинами, подчеркивая разность их природы. Так, в произведении «Пир» философ подчеркивает, что союз с женщиной необходим только потому, что они по природе склонны к деторождению и браку, в остальном мужчины могли бы сожительствовать друг с другом и обходиться без жен¹. В трактате «Тимей» Платон, рассуждая о переселении души, подчеркивает также низменные качества женщин: «...среди произошедших на свет мужей были и такие, которые оказывались трусами или проводили свою жизнь в неправде, и мы не отступим от правдоподобия, если предположим, что они при следующем рождении сменили свою природу на женскую».²

Однако несмотря на то, что Платон придерживается патриархального мировоззрения с его гендерными стереотипами и утверждает о господстве мужского начала в общественных отношениях, среди идей философа мы находим положения, которые отражают нестандартный взгляд на распределение ролей между полами. Так, в диалоге «Государство» мыслитель вводит понятие справедливости, которая понимается им как гармония, где каждый человек занимает свое место в обществе и выполняет функции не в соответствии с биологическим распределением, а сообразно своим способностям и положению: «Значит, друг мой, не может быть, чтобы у устроителей государства было в обычае поручать какое-

¹ Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т.2 / пер. с древнегреческого; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва, 1993. – С. 100.

² Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т.3 / пер. с древнегреческого; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва, 1994. – С. 498.

нибудь дело женщине только потому, что она женщина или мужчине только потому, что он мужчина. Нет, одинаковые природные свойства встречаются у живых существ того и другого пола, и по своей природе как женщина, так и мужчина могут принимать участие во всех делах, однако, женщина во всем немогуще мужчины»¹.

Так, подчеркивая разную природу мужчины и женщины, Платон все же настаивает, что не пол определяет возможность участия в значимых для общества делах, а личные способности, тем самым философ отходит от стереотипов патриархального мировоззрения по распределению гендерных ролей. Мыслитель также определяет, что склонность к разного рода занятиям определяется не полом, а наличием тех или иных способностей, ведь всегда есть женщины, которые «во многих отношениях лучше мужчин». Продолжая рассуждения в рамках данной проблемы, мыслитель делает вывод, что на основании одинаковых природных задатков и для развития личностных качеств и характеристик, необходимо в равной мере заниматься воспитанием и образованием как мужчин, так и женщин – они должны обучаться одним и тем же наукам, грамоте и физическим упражнениям. И далее философ рассуждает: «... по своим природным задаткам одна женщина способна врачевать, а другая – нет, одна склонна к мусическому искусству, а другая чужда Музам. <...> иная женщина не имеет способностей к гимнастике и военному делу, тогда как другая совсем не воинственна и не любит гимнастических упражнений. <...> И одна склонна к философии, а другая ее ненавидит? Одной свойственна ярость духа, а другая невозмутима? <...> Значит, встречаются женщины, склонные быть стражами и не склонные. Разве мы не выбрали и среди мужчин в стражи тех, кто склонен к этому по природе?»².

¹ Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т.3 / пер. с древнегреческого; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва, 1994. – С. 229.

² Там же. С. 229-230.

В этом отношении Платон представил совершенно нетипичный для античности взгляд о разнице природы людей, которую мыслитель видит не столько в поле (на основании биологических характеристик он лишь подчеркивает физическую слабость женского пола), сколько в тех характеристиках, которыми располагают люди вследствие своих способностей, а их реализация доступна при получении образования. Так, Платон становится еще и тем, кто поднял вопрос о необходимости женского образования, в этих признаках, в том числе, философ усматривает идеальное государство.

В научной среде высказываются разные мнения о природе подобных рассуждений у Платона. Наиболее часто встречается идея о влиянии на мыслителя лаконофильских настроений – восхищение Спартанским полисом, его общественным устройством и культурными традициями, поскольку многие положения идеала государства согласуются с принятыми в Спарте порядками, в числе которых и высокое, свободное положение женщины, а также признания ценности брака, где любовь была связующим звеном между супругами в противовес бракам в Афинах, которые часто заключались вследствие политической или экономической выгоды. Однако концепция государства Платона предполагала общность жен и детей, но Ю.В. Андреев предполагает, что такая традиция могла иметь место в Спарте (обмен женами для рождения здорового потомства), но не представлялась в форме группового брака¹.

По мнению В.В. Мархинина, интерпретация природы женщины, данная Платоном, стала первой феминистской теорией, возникшей задолго до феминизма, при этом обоснованной и аргументированной².

¹ Андреев, Ю.В. Спартанская гинекократия // Женщина в Античном мире. – Москва, 1995. – С. 62.

² Мархинин, В.В. Античная Греция: идея гендерного равенства // Философская мысль. – 2016. - № 7. – С. 30.

В своих трудах Платон обосновал еще одно понятие, которое сыграло важную роль в формировании гендерной концепции – понятие «андрогинии» – характеристика людей, которые сочетают в себе и проявляют одновременно как мужские, так и женские качества и черты. В диалоге «Пир» философ отмечает, что историческими предками были люди третьего пола – андрогини, и они в своем гармоническом начале были настолько сильны, что бросили вызов богам, в результате чего Зевс разорвал каждого на две половины. И задача каждого человека, по мнению Платона – отыскать предмет любви, чтобы вернуться к своей первоначальной природе, к целостности. Таким образом, в концепции андрогинии просматриваются идеи о необходимости соединения и гармонизации женского и мужского начала в одном человеке, при этом они могут быть распределены в людях в разном соотношении, а потому каждый человек по своему характеру использует ресурсы как мужских, так и женских качеств, составляющие его личность. Так, Платон, несмотря на приверженность патриархальному мировоззрению, стал одним из первых античных философов, который оценивал личность человека не по половой принадлежности, а в зависимости от качеств и способностей, а потому обосновывал необходимость образования и развития для каждого члена социума. Эти положения стали попыткой отхода от сложившихся в античном обществе стереотипов о распределении гендерных ролей.

Позиция Платона прослеживается и в жизни философа. Получение образования и занятие философией было доступно для женщин в его Академии. Так, известными ученицами мыслителя стали Аксиофея (Аксиотея) Флиусская и Ластения Мантинейская. Однако им приходилось скрываться и принимать участие в занятиях под видом мужчин, хотя исследователи отмечают легендарный характер этого факта. По некоторым данным, Аксиофея дополнила учение Платона об идеях, а Ластения попыталась дать объяснение понятию «сфера».

Закключаем, что древнегреческий философ Платон еще в IV веке до н.э. заложил сомнения в биологическом объяснении гендерного неравенства в обществе и создал основу для размышления по вопросу социальных ролей женщин и мужчин, которые должны быть определены в соответствии с принципом индивидуально-личностного начала каждого человека.

2.3. Аристотель

Древнегреческий философ Аристотель (384-322 гг. до н.э.) стал представителем классической концепции маскулинности и феминности, сформированной в среде античных мыслителей. По утверждениям исследователей, его рассуждения надолго предопределили существование в социально-философской мысли стереотипных представлений в отношении «мужского» и «женского» с признанием в этой оппозиции мужского начала как господствующего и более значимого.

Вслед за Платоном, Аристотель сформировал представление о порядке и структуре мироздания, где определил, что суть всех вещей – в единстве материи и формы. Основную роль, как в концепции идей Платона, философ отводил формам – динамичному началу, которое традиционно соотносится с «мужским», в то время как материя – это субстрат, пассивное телесное начало, соответствующее «женскому». Однако Платон, утверждая о господстве «мужского» в системе мироздания, не перенес эту идею на вопрос о распределении ролей в существующем обществе, позволяя каждому занимать место в соответствии со своими способностями. Эти взгляды мыслителя вызвали критику со стороны его ученика – Аристотеля, который, продолжая концепцию о противопоставлении динамичного и пассивного начала отмечал, что мужчина и женщина не могут быть равны, так же как раб и

свободный¹ («Политика», книга I, V, б). Обращаясь к миру животных, философ также подчеркивает вторичность женского начала, его «дефектность» в сравнении с мужским: «Самка является самкой в силу отсутствия определенных качеств. Характер женщины мы должны рассматривать как страдающий от природного изъяна»².

Активную роль мужчине мыслитель отводит и при рассмотрении процесса зачатия, поскольку, по мнению Аристотеля, мужчина передает ребенку «форму» – душу, а женщина – «материю», т.е. тело. И так как душа господствует над телом, правильно, заключает философ, чтобы женское и мужское были отделены друг от друга – этим и объясняется существование двух разных полов³. В отношении задачи существования двух полов мнение Аристотеля также соответствует традиционным представлениям – суть союза мужчины и женщины – в рождении детей. В «Политике» философ пишет: «Так необходимость побуждает прежде всего сочетаться попарно тех, кто не может существовать друг без друга, – женщину и мужчину в целях продолжения потомства»⁴. Далее Аристотель говорит о том, что суть сочетания не в сознательном решении, а всего лишь в естественном стремлении, как и других живых существ, оставить потомство, тем самым мыслитель будто бы отрицает существование какой бы то ни было душевной связи в союзе полов.

Напротив, союз для рождения детей подразумевает четкое распределение обязанностей внутри семьи между властвующим мужчиной и подчиняющейся женщиной, что также, по мнению философа, вытекает из их природы: «Так же и мужчина по отношению к женщине: первый по

¹ Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т.4 / пер. с древнегреческого; под общ. ред. А.И. Доватура. – Москва, 1983. – С. 400.

² Аристотель. О возникновении животных /пер. с древнегреческого; под ред. В.П. Карпова. – Москва, 1940. – С. 90.

³ Там же. С. 90.

⁴ Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т.4 / пер. с древнегреческого; под общ. ред. А.И. Доватура. – Москва, 1983. – С. 377.

своей природе выше, вторая – ниже, и вот первый властвует, вторая находится в подчинении»¹. Собственно, из этой разницы и концепции власти и подчинения вытекает представление мыслителя о доступе к образованию. Если Платон говорит о необходимости образования для всех людей в соответствии с их природой и склонностями, то Аристотель, подчеркивая значение просвещения для развития государства, как раз биологической природой оправдывает способностью к образованию только юношей, которым определено после заниматься управлением, в том числе государством. В «Политике» Аристотель с критикой высказывается в адрес Ликурга, обвиняя реформатора в насаждении добрых нравов в государстве только среди мужчин, в то время как спартанские женщины предались распущенности, роскоши и даже позволяли себе вмешиваться в государственные дела². Неординарное для полисов Древней Греции положение спартанки, по мнению философа, и привело Спарту к упадку во второй половине IV в. до н.э.

Предвзвещения в отношении неравнозначных характеристик «женской» и «мужской» природы прослеживаются и в идее Аристотеля о добродетелях. Мыслитель последовательно задает вопросы – присуща ли рабу иная добродетель, кроме как способность работать и служить, присуща ли добродетель женщине? И, философ заключает, что добродетели присущи и тем, кто по природе наделен властвованием и тем, кто находится в подчинении, но эти добродетели ровно в такой степени, как и отличаются «властвующие и подчиненные по природе»³. В соответствии с этим, женщине отводятся такие добродетели как молчание, послушание и отсутствие роли в общественном поле.

¹ Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т.4 / пер. с древнегреческого; под общ. ред. А.И. Доватура. – Москва, 1983. – С. 383.

² Там же. С. 405.

³ Там же. С. 399.

Таким образом, на основании представлений Аристотеля о разной природе мужчины (форма, душа) и женщины (материя, тело), где «мужское начало» – активное, властное и определяющее, а «женское» – пассивное и подчиняющееся, женщина в его концепции лишена какой-либо ценности, занимает вспомогательное к мужчине положение, а роль ее значима лишь тем, что служит вспомогательным элементом для воспроизводства потомства. В остальных проявлениях женщинам, которые являются отклонением от эталонного «мужского» начала, отказано.

Будучи сторонником крайне патриархальных взглядов, Аристотель, однако, вводит женщину в круг философских рассуждений, при том рассматривая ее роль и положение довольно широко. На основании этого очевиден отклик философа на резонансный для общества того времени вопрос о распределении гендерных ролей. В этом ключе небезынтересно будет обратиться к личной жизни одного из самых ярких представителей античной философии. Реализовывались ли в ней идеи Аристотеля о женщине как о низшем существе?

Диоген Лаэртский пишет: «Приязнь определял он [Аристотель] как равенство взаиморасположения: бывает она родственная, любовная и гостеприимственная. Любовь служит не только совокуплению, но и философии; мудрец будет и предаваться любви, и заниматься государственными делами, и вступать в брак, и жить с царями»¹. Эта характеристика идей философа вступает в противоречие как минимум с тем, что он утверждал о смысле разделения полов и брака, признавая рождение потомства единственной необходимостью союза мужчины и женщины. Любовь служит философии, утверждал Аристотель, и обратившись к личной жизни мыслителя, несогласованность между его идеями и реальным бытом только усилится.

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва, 1986. – С. 197.

Известно, что первой супругой Аристотеля была Пифиада – приемная дочь и племянница Гермия – тирана города Атарнея в Мизии, приятеля философа. Ученые предполагают, что Пифиада занималась вместе с супругом изучением биологии и стала одной из женщин-эмбриологов своего времени. Т.е. брак Аристотеля и Пифиады был союзом двух исследователей – биологов, что в корне отвергает предрассудки мыслителя в отношении распределения ролей в обществе между полами. Согласно Диогену Лаэртскому, в завещании Аристотель велит положить в месте его погребения кости Пифиады, как она сама распорядилась¹, а потому, предполагаем, между супругами были теплые отношения.

У Пифиады и Аристотеля была дочь, которую они, следуя традиции, называли в честь матери Пифиадой. Она умерла раньше отца. После смерти жены и дочери, Аристотель жил со своей рабыней Герпиллиадой, которая родила мыслителю сына Никомаха.

В завещании Аристотель дает распоряжения и в отношении Герпиллиады и сына Никомаха: «... в память обо мне и о Герпиллиде, как она была ко мне хороша, пусть душеприказчики и Никанор позаботятся о ней во всем, и если она захочет выйти замуж, то пусть выдадут ее за человека, достойного нас. В добавление к полученному ею ранее выдать ей из наследства талант серебра и троих прислужниц, каких выберет, а рабыню и раба Пиррея оставить за ней. Если она предпочтет жить в Халкиде, то предоставить ей гостиное помещение возле сада; если в Стагире, то отцовский дом; и какой бы дом она ни выбрала, душеприказчикам обставить его утварью, какою они сочтут за лучшее и для Герпиллиды удобнейшее»². На основании завета, вполне можем сделать вывод об уважительном и почтительном отношении Аристотеля в

¹ Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва, 1986. – С. 192.

² Там же. С. 191-192.

своей сожительнице, он пытается обеспечить ей достойную жизнь после своей смерти. Можно ли говорить в таком случае, что союз мужчины и женщины – лишь формальность для рождения детей, без чувств и сознательного отношения? Отнюдь. Кроме того, как мы можем интерпретировать фразу «пусть выдадут ее за человека, достойного нас»? По нашему мнению, такими словами Аристотель подчеркивает достоинства своей спутницы, ее ум и таланты, следовательно, ее будущий супруг не должен быть по способностям ниже, чем сам Аристотель и Герпиллида.

Таким образом, в своих трудах Аристотель транслирует совершенно типичный взгляд на взаимоотношения полов, центральной идее которого становится мнение о низшем качестве женской природы, которая по своей сути олицетворяет подчинение в отличие от властвующей природы мужчины. Само разделение полов, по мнению мыслителя, совершенно естественно, поскольку мужчина, воплощая форму, т.е. душу воспринимается как высшее, божественной, а женщина отождествляется с материей – телом и потому занимает положение низшее. Отсюда вытекала и необходимость ограничения женщины домашними делами без возможности получения образования и участия в общественной жизни, в то время как ценность ее реализовывалась, согласно философу, только одним путем – рождением потомства. Так, Аристотель сформировал и надолго переопределил существование в философии стереотипных представлений в отношении «мужского» и «женского». Но в то же время мы подчеркнули удивительные факты из жизни философа, которые интересны тем, что они вступают в противоречие с описанными идеями в отношении распределения гендерных ролей. Рассматривая отношение Аристотеля к близким к нему женщинам, сделали вывод о том, что на деле мыслитель относился к ним с теплом и уважением, а женщины, сопровождавшие его по жизни, отличались умом и образованностью. Так,

даже самый яркий представитель философской концепции маскулинности и феминности, признавал за женщинами в реальной жизни возможность реализации индивидуально-личностного начала.

2.4. Цицерон

Марк Туллий Цицерон (106 – 43 гг. до н.э.) – древнеримский государственный и политический деятель, широко известный своим ораторским искусством и рассуждениями. Его трактаты стали отражением древнеримской политической и правовой философии, в них он, в том числе, отразил свои воззрения на категории морали, нравственности и жизни. В рамках анализа нашего вопроса, небезынтересно обратиться к взглядам Цицерона на природу и значение такого понятия философии как «любовь».

Взгляд Цицерона на природу любви изложен в разных произведениях мыслителя. «Любовь» как некая философская категория выполняет у Цицерона несколько функций, одна из которых – установка поведения. Так, в трактате «О пределах добра и зла» (II, XXIV, 78) философ соотносит любовь с желанием принести кому-нибудь благо без собственной выгоды, а, следовательно, в его концепции мировидения это чувство подразумевает исключительное отношение к другому человеку, ориентирующее поведение любящего на принесение блага любимому¹. Цицерон указывает и на то, что чувство любви наряду с другими состояниями часто оказывает влияние на принятие решений («Об ораторе», II, 178)². Определяя значение любви, философ указывает и на то, что с помощью этого чувства можно объяснить поведение человека, взаимоотношения людей и объединение их в общественные ячейки (на

¹ Цицерон, М.Т. О пределах добра и зла. Парадоксы стоиков / пер. с латинского Н.А. Федорова. – Москва, 2000. – С. 108-109.

² Цицерон, М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М.Л. Гаспарова. – Москва, 1972. – С. 281.

основании духовного соответствия любящих людей («О дружбе», 27, 32, 50), а само по себе чувство исходит из признания ценности личности другого человека. Одной из общественных ячеек, построенной на любви и с признанием достоинства каждого, выступает в концепции мыслителя семья или брачный союз мужчины и женщины.

Цицерон утверждает, что людей склонностью к любви наделила природа, главной целью чего выступает объединение их в различных связях – брачных, семейных, более широких родственных, дружеских и соседских¹. Подобные воззрения мыслителя примечательны тем, что впервые философская категория «любовь» стала соотносится с брачно-семейными отношениями. Античных философов более раннего времени, взгляды которых мы рассматривали выше, тоже затрагивали концепт «любви» в своих рассуждениях, однако, Платон основное место в своих учениях отводил любви как символу выхода за пределы, символу достижения возвышенных истин, не уделяя особого внимания любви как чувству между людьми. Аристотель и вовсе рассуждает о любви в концепции чувств к друзьям. И уже Цицерон возводит категорию «любовь» во взаимоотношения между супругами – мужчиной и женщиной, таким образом появляется иная идея брака – если Аристотель, вслед за Платоном утверждая о необходимости объединения полов в брачном союзе только лишь с целью рождения потомства, то философ Древнего Рима уже подчеркивает иной смысл брака – не только для рождения детей, но и по взаимным чувствам между супругами. Так, в трактате «Государство» (книга IV, V), Цицерон, критикуя «идеальное государство» Платона, отмечает: «Но будут ли общими также и жены, также и дети? Тогда не будет никакого различия по крови, не будет ни определенного рода, ни семьи, ни родства, ни свойства. <...> Какая возможна и в тех, и в

¹ Цицерон, М.Т. О пределах добра и зла. Парадоксы стоиков / пер. с латинского Н.А. Федорова. – Москва, 2000. – С. 153, 228-229.

других супружеская любовь, когда в них нет определенного и особого расположения друг к другу?»¹. Таким образом, можем заключить, что брак в концепции Цицерона воспринимался как союз любви, и совершенно очевидно, что при таком понимании отношение к женщине, ее восприятие в семье будет рачительным образом отличаться от стереотипного мнения о явном доминировании мужского начала с подавлением женской личности.

Мысли Цицерона в общем-то соответствуют социальным реалиям, поскольку в своих рассуждениях мы говорили о факте того, что древние римлянки – супруги и матери – воспринимались обществом довольно высоко. Показательно, что женоненавистничество мыслитель причисляет к категории людских пороков и недугов, а возникает оно, по мнению Цицерона, вследствие страха («Тускуланские беседы», книга IV, 25)².

Интерес вызывает также сформированная философом концепция естественного закона, или естественного права, и связанная с ней идея о равенстве всех людей. В более раннем трактате «О государстве» (книга III, XXII, 33) Цицерон дает определение «истинного закона» как некоего целесообразного положения, которое в полной мере соответствует природе и охватывает всех людей. Его невозможно отменить, он распространяется на все народы во все эпохи, поскольку исходит от самой природы³. В более позднем произведении «О законах» (книга II, VI, 18-19) мыслитель продолжает развивать свои мысли и дает следующее определение: «Закон... есть заложенный в природе высший разум, велящий нам совершать то, что совершать следует, и запрещающий противоположное». Далее Цицерон, как и в трактате «О государстве» отмечает, что естественный закон сформировался до возникновения и писаных законов,

¹ Цицерон. Диалоги / пер. с латинского; под ред. С.Л. Утченко. – Москва, 1966. – С. 72.

² Цицерон, М. Т. Тускуланские беседы / пер. с латинского М. Гаспарова. – Москва, 2017. – С. 228.

³ Цицерон. Диалоги / пер. с латинского; под ред. С.Л. Утченко. – Москва, 1966. – С. 64.

и государства, а потому распространяется на все века¹. Следующие рассуждения философа направлены на доказательство природного равенства между людьми. Цицерон утверждает («О законах», книга I, X, 29-30): «Ведь ни одна вещь в такой степени не подобна другой, так не равна ей, в какой все мы подобны и равны друг другу. <...> каково бы ни было определение, даваемое человеку, оно одно действительно по отношению ко всем людям». Этот факт выступает достаточным, по мнению мыслителя, доказательством того, что между людьми отсутствует какое бы то ни было различие.

Согласно современным представлениям, анализируя подобные высказывания Цицерона, мы бы без доли сомнения сделали вывод, что, говоря о равенстве всех людей, философ отрицал различия и по принципу социального положения, и по происхождению, и по половой принадлежности. Однако, учитывая не вполне свободное состояние женщины в античном мире, можно усомниться в распространении идей концепции Цицерона на женский пол. Не обладая достаточными данными источников, которые разрушили бы это сомнение, мы все же обнаруживаем один эпизод в трактате «О государстве», который позволяет с осторожностью заключить, что концепция естественного права и равенства людей распространялась действительно на всех людей вне зависимости от критериев социальной дифференциации. Приведем слова Цицерона («О государстве», книга III, X, 17, XI, 18): «Именно этот закон [Вокониев закон, который ограничивал возможность наследования для богатых женщин по завещанию], предложенный в интересах мужчин, – несправедливость по отношению к женщинам. И в самом деле, почему бы женщине не иметь своего имущества? Почему у девы-весталки наследник может быть, но его не может быть у ее матери? <...> [Если бы сама природа] для нас установила права, все люди пользовались бы одними и

¹ Цицерон. Диалоги / пер. с латинского; под ред. С.Л. Утченко. – Москва, 1966. – С. 95.

теми же [законами]...»¹. Таким образом, мы можем заключить, что, не детализируя положение о естественном законе, Цицерон признает довольно радикальную идею о необходимости равного положения людей и распространения каждого закона для всего общества вне зависимости ни от каких факторов, и это, по мнению мыслителя, определено правом от природы и естественным равенством людей также от природы. В своих рассуждения о гендерном факторе в Древнем Риме мы отмечали, что женщина постепенно наделялась и право- и дееспособностью, а потому заключим, что мысли Цицерона были в повестке дня, и, предположим, оказали влияние на дальнейшее оформление римского права и юридического статуса женщины в том числе.

Однако мы не будем возводить Цицерона в ранг защитников гендерного равенства, поскольку его трактаты содержат и идеи, характеризующие патриархальную традицию межполовых отношений. Так, философ осуждает Платона за свободное положение женщины в его проекте «идеального государства» – особое негодование Цицерона вызывает дозволение для женского пола заниматься мужскими делами – иметь доступ в курию, находиться на военной службе и т.д. Он восклицает: «Сколь несчастлив будет город, в котором женщины присвоят себе обязанности мужчин!» («О государстве, книга IV, 5»)².

Цицерон, вслед за древнегреческими предшественниками, разделяет природу мужчины и женщины – утверждая о двух видах красоты – изящество и достоинство, первое соотносит с женским началом, а достоинство – с мужским, что вполне соответствует нормативной концепции распределения добродетелей. Потому, делает вывод мыслитель, женщине не следует использовать внешние украшения, недостойные мужа, избегать этого в жестах и движениях («Об обязанностях», книга I, XXXVI,

¹ Цицерон. Диалоги / пер. с латинского; под ред. С.Л. Утченко. – Москва, 1966. – С. 72.

² Там же. С. 72.

130)¹. Так, и у Цицерона женщина демонстрирует вспомогательную к мужчине роль – подчеркивание его достоинства. Таким образом, высказывая даже радикальные идеи, древнеримский мыслитель также остается на стороне традиционных представлений о распределении гендерных ролей. Но в то же время нельзя не придать значение его идеям о концепции равенства людей и иной сути брака, основанного на любви и уважении.

Пример брака, основанного на любви и признания достоинства каждого из супругов, мы можем увидеть, обратившись к личной жизни Цицерона. Во время своего изгнания философ пишет к своей первой жене Теренции, демонстрируя теплые чувства и привязанность супруге и семье (письмо LXIII «Жене и детям, в Рим»): «... когда я пишу или читаю ваши письма, я обливаюсь слезами так, что не в силах выдержать. <...> если же эти несчастья непоправимы, то я жажду увидеться с тобой, жизнь моя, как можно скорее и умереть в твоих объятиях <...>. Береги здоровье, насколько сможешь, и помни, что твое несчастье волнует меня гораздо сильнее, чем мое. Моя Теренция, преданнейшая и лучшая жена, моя нежно любимая дочка и ты, Цицерон, моя единственная надежда, прощайте»².

В этом же письме Цицерон дает наставления супруге в деле управления имуществом, и, что более интересно, подчеркивает ее роль как политической союзницы, которая, пользуясь своим влиянием, прилагала усилия по возвращению супруга в Рим: «Я думаю поступить так: если есть надежда на мое возвращение, то ты укрепляй ее и способствуй этому <...>. Знай одно: если ты будешь со мной, то мне не будет казаться, что я совсем

¹ Цицерон, М.Т. Моральные размышления. О старости, о дружбе, об обязанностях / пер. с латинского. В. Петухова, В. Горенштейна. – Москва, 2020. – С. 264.

² Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Том. I, годы 68-51 / пер. и В.О. Горенштейна; под ред. И.И. Толстого. – Москва-Ленинград, 1949. – С. 155-157.

погиб»¹. Данный факт выступает дополнительным аргументом к нашим рассуждениям о возможном опосредованном участии римлянок в политической сфере через своих мужчин.

В письме прослеживается и обязанность древнеримских мужчин обеспечить своей семье, детям достойное положение в обществе. Так, не выставляя напоказ патриархальную власть, Цицерон, выказывая заботу о семье, дает указания Теренции обеспечить брак дочери Туллии: «...нужно позаботиться о семейной жизни и добром имени этой бедняжки»². Так, философ предстает перед нами любящим мужем и отцом.

Таким образом, анализируя воззрения древнеримского мыслителя и государственного деятеля Цицерона, мы заключаем, что философ оставался приверженцем традиционного подхода в рамках определения места женщины и мужчины в обществе, вместе с тем, в своих трудах он отобразил довольно радикальные идеи о равенстве всех людей по природе и о существовании естественного закона, который должен распространяться на всех в равной мере и степени. Помимо этого, мы подчеркнули перемену к сути брака в трудах Цицерона – вопреки предшествующим положениям философов Древней Греции, которые определяли брак как необходимый союз лишь для рождения потомства, древнеримский мыслитель отводит главную роль в оформлении брака любви и взаимным теплым чувствам, что демонстрирует и в своей личной жизни. Так, мы видим, что гендерные отношения в Древнем Риме претерпевают изменения в сторону оформления юридического статуса женщин, а также признание за женским полом иного, более высокого значения в рамках семейной жизни, что позволяло женщинам опосредованно принимать участие даже в политической сфере.

¹ Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Том. I, годы 68-51 / пер. и В.О. Горенштейна; под ред. И.И. Толстого. – Москва-Ленинград, 1949. – С. 156.

² Там же. С. 157.

2.5. Сенека

Луций Анней Сенека (4 г. до н.э. – 65 г. н. э.) – древнеримский философ, политический деятель и искусный оратор. Сенека стал идеологом популярного в эпоху принципата стоического учения, в котором философия делилась на три составляющих части – логику, физику и мораль. Рассматриваемый нами мыслитель большую часть своих трудов посвятил морали – в них он давал советы и наставления, потому оценивался современниками как учитель добродетели и нравственный руководитель. В центре мира Сенеки стояли вопросы совести и морального облика человека. Это проявлялось и во взглядах мыслителя в вопросах гендерных отношений.

Обращаясь к мыслям Сенеки, мы увидим две противоречивых тенденции в отношении концептов «маскулинности» и «феминности», которые, однако, вместе становились следствием тех общественных отношений, которые установились в эпоху принципата (I – III в. н.э.). С одной стороны, труды философа содержат разъяснения, касающиеся и подтверждающие изменения положения женщины в римском обществе, признания за женским полом способностей и добродетелей, возрастания доли участия римлянок во всех сферах. И эта возросшая активность женщин Древнего Рима времен империи повлияла на возникновение в философских изысканиях философа другой проблемы, связанной с необходимостью возрождения традиционных основ общества, которые позволяли бы сохранять римское общество в стабильном состоянии и упрочивали бы власть императоров. Нетрудно догадаться, что традиционные основы связаны были с возвращением к представлениям о господстве «мужского» начала в системе всех отношений, а потому обращались к уже знакомому нам противопоставлению идеального

«мужского» внутреннего мира порочному «женскому». Рассмотрим последовательно позиции мыслителя.

Как и многие другие философы, Сенека затрагивал вопрос добродетели. Он, обращаясь к Марции («Утешение к Марции», 16,1), говорит, что в способности к добродетели женщины равны мужчинам согласно постановлениям природы, утверждает, что желание женщины вполне может привести ее к нравственной высоте¹. Философ признает в женщинах способности, а значит и возможность занимать значимое место в общественной системе. Обращаясь к вопросу о морали, Сенека требует равного требования исполнения обязательств в отношении и женского, и мужского пола (письмо XCIV, 26): «Знаешь, что бесчестно требовать от жены целомудрия, а самому совращать чужих жен, знаешь, что ни ей нельзя иметь дело с любовником, ни тебе – с наложницей, – а сам не поступаешь так»². Таким образом, философ утверждает моральное равенство мужчины и женщиной, данное природой, а потому они равны в способности обладать добродетелью и каждый из них достоин уважительного отношения к себе с соблюдением всех нравственных норм.

Сенека в своих трудах обращается и к вопросам об образовании и интеллектуальном развитии женщин. Во-первых, в упоминаемом выше «Утешении к Марции» философ говорит о возможном достижении нравственных вершин женщиной, вполне очевидно, что путь к таким достижениям – получение образования и достойное воспитание. Далее, мыслитель в письмах к матери Гельвии («Утешение к Гельвии», 17,4)

¹ Сенека, Л.А. Философские трактаты / пер. с латинского, коммент. Т.Ю. Бородай. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 383.

² Сенека, Л.А. Нравственные письма к Луцилию / пер. с латинского С.А. Ошерова; под ред. М.Л. Гаспарова. – Москва, 1977. – С. 223.

выражает сожаление о том, что ей удалось получить лишь поверхностной философское образование¹.

Далее мы обратимся к идеологическим позициям Сенеки, которые отражали его приверженность традиционному взгляду с господством андроцентристских позиций на взаимодействие «мужского» и «женского», определение природы каждого пола и распределение гендерных ролей. Как мы уже отмечали, Сенека был активным государственным деятелем в эпоху первых римских императоров, впоследствии стал одним из воспитателей наследника престола, а после и принцепса Нерона. Это время отмечено исследователями как эпоха кризиса традиционной римской морали, которая определяла четкое разграничение ролей всех членов гражданского коллектива по разным критериям социальной стратификации, в числе которых в то время числилась и принадлежность к определенному полу. Разрушение древних традиций, изменение института опеки и, как следствие, расширение правоспособности и дееспособности женщины (об этом мы говорили в первой главе) – все это привело к возрастанию социально-политической свободы римлянок. Это, конечно, осуждалось обществом мужчин, а потому с начала образования Империи вопрос о возвращении к истокам, к традициям общественной жизни стал особенно актуальным, потому как мыслился необходимостью для упорядочения римского общества и придания ему стабильности. Попытки регламентировать вопросы морального характера были предприняты еще императором Августом. Однако, как мы знаем, это не отразилось на росте общественной активности римлянок, высшей точкой чего признается участие в политических делах государства женщин императорского дома. Так, Сенека, фокусируя свое внимание на вопросах морали и нравственности, стал тем философом, который в своих учениях пытался

¹ Сенека, Л.А. Философские трактаты / пер. с латинского, коммент. Т.Ю. Бородай. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 383.

восстановить традиционно-патриархальные представления об устройстве общества, конструируя маскулинный идеал, противопоставленный неполноценной феминности. Т.е. Сенека вновь возвращается к идее противопоставления идеальных мужских качеств как высшего начала, порочной и несовершенной натуре женщины, поскольку мужчина с его наилучшими характеристиками является опорой стабильного общества.

Основной аргумент Сенеки к возвращению традиционных основ – необходимость следования своей природе, что позволяет достигать высшей добродетели – мудрости. Философ отмечает («О блаженной жизни», книга III, 3): «Прежде всего я, как это принято у всех стоиков, за согласие с природой: мудрость состоит в том, чтобы не уклоняться от нее и форматировать себя по ее закону и по ее примеру»¹. В то же время философ отмечал различие по происхождению женского и мужского пола, но не по биологическим принципам, что вполне естественно, а по разнице суждений, моделей поведения и качеств личности («О стойкости мудреца», 1): «...между стоиками и всеми прочими, кто сделал мудрость своей специальностью, существует такое же различие, как между мужчинами и женщинами. В самом деле, и те, и другие одинаково участвуют в человеческой жизни, но первые рождены повелевать, а вторые – повиноваться»². Таким образом, Сенека, подчеркивая участие и женщин, и мужчин в общественной жизни, все же проводит разницу между полами в отношении категорий власти и подчинения, и этот пункт его суждений вторит мыслям Аристотеля.

В разных своих произведениях Сенека демонстрирует нарушение как женщинами, так и мужчинами данного периода римской истории своей природы, при этом интересно, что негативные качества женского начала

¹ Сенека, Л.А. Философские трактаты / пер. с латинского, коммент. Т.Ю. Бородай. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 15.

² Там же. С. 66.

перечисляются им только в тех случаях, где он порицает мужчин за их уподобление женщинам. Так, в трактате «О природе» (книга VII, XXXI, 2-3) философ отмечает оскорбление римлянами своей мужественности: «Правда, гладкостью и белизной тела мы давно превзошли самых кокетливых женщин; мы, мужчины, носим цвета, в какие порядочные женщины не оденется – это одежда проституток; походка наша мягка и нежна <...>: мы не ходим, а выступаем; пальцы наши изукрашены перстнями, на каждом суставе по драгоценному камню»¹. В концепции Сенеки гнев выступает как самый вредный из пороков, потому что он не поддается ни разуму, ни контролю, потому гнев – «самый женственный и ребяческий из пороков». Следовательно, по мнению философа, не все мужчины способны достичь высшей добродетели – мудрости, поскольку по характеру соотносятся с женщинами или детьми («О гневе», книга I, 20)². Так, соответствие мужчин женским качествам, по утверждению мыслителя, делает их по природе неполноценными, слабыми и зависимыми.

Следующая мысль Сенеки подчеркивает одновременно как отрицательные качества женской природы, так и изменение роли и влияния римлянки в эпоху принципата, и необходимость получения женщинами образования («О стойкости мудреца», 14, 1): «Некоторые помешались уже до такой степени, что считают возможным быть оскорбленными женщинами. Какая разница, как ее содержат, сколько у нее носильщиков, сколько весят серьги в ее ушах и насколько просторно ее кресло? Все равно она останется тем же неразумным животным, диким и не умеющим сдерживать свои вожделения, если только она не получила

¹ Сенека, Л.А. Философские трактаты / пер. с латинского, коммент. Т.Ю. Бородай. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 366.

² Там же. С. 120.

особенно тщательного воспитания и образования в науках»¹. Интересно, что философ отмечает, что и женщины способны преодолеть свои соблазны и пороки, а значит совершенствовать свою душу путем следования природе (не принимать участие в политических интригах, отбросить желание славы и власти) и в результате получения должного образования – т.е. говорит о возвращении женщины к исконным ролям. Так, рассуждая об изменении жизни женщин в рассматриваемый период римской истории, Сенека ссылается на стирание граней между полами даже в болезнях: «Величайший врач, создатель этой науки, говорил, что у женщин не выпадают волосы и не болят ноги. Но вот они и волосы теряют, и ноги у них больные. Изменилась не природа женщины, а жизнь: уравнившись с мужчинами распущенностью, они уравнились с ними болезнями. <...> из-за таких пороков они потеряли преимущества своего пола, и, перестав быть женщинами, приговорили себя к мужским болезням» (книга ХСV, 21)².

Таким образом, Сенека предстает перед нами философом, который исходя из общественных реалий своего времени, становится стражем древнеримских патриархальных ценностей и на основании учения о морали выдвигает необходимость возвращения социума к традиционным гендерным ролям. Быть может, он не относился с таким негативом к женщинам, но использовал противопоставление качеств, присущих женскому и мужскому полу, для обличения нарушающего все нормы морали и приличия поведения римлян – мужчин. Однако сложно отрицать, что идеал мудрой, добродетельной, рассудительной личности в концепции философа принадлежал мужскому началу, в то время как женское ассоциировалось с порочностью и необузданностью, что нивелировалось,

¹ Сенека, Л.А. Философские трактаты / пер. с латинского, коммент. Т.Ю. Бородай. – Санкт-Петербург, 2001. – С. 79.

² Сенека, Л.А. Нравственные письма к Луцилию / пер. с латинского С.А. Ошерова; под ред. М.Л. Гаспарова. – Москва, 1977. – С. 233.

опять же, получением образования. К тому же, подчеркнем, что возросшая активность римлянок в период императорского Рима волновала мыслителя куда меньше, чем отход от природы мужской части населения, поскольку такой мужчина, сознательно отказываясь от предписанных ему качеств, позволяющих достигнуть мудрости и совершенства, изнутри подрывает устои, а потому и стабильность своего общества, что, в свою очередь, влияло на благосостояние государства.

Судьба Сенеки была тесно связана как с женщинами, которые следовали традиционным принципам устройства римского общества, так и с теми, кто нарушал их в самом явном виде. Первым типом женщины стала жена философа – Помпея Паулина. На основании свидетельства философа об отношениях между ними можно сделать вывод о царившей в семье любви и гармонии и о том, что супруга была философу опорой: «Зная, что ее жизнь стала едина с моею, я начинаю щадить себя, так как щажу ее... Кто ни жены, ни друга не ценит настолько, чтобы ради них продлить себе жизнь и не упорствовать в намеренье умереть, тот просто избалован... нам достается в награду немалая радость: разве не самое отрадное – когда жена так тебя любит, что ты сам начинаешь любить себя больше?» (письмо CIV, 2-5)¹. По всей видимости, супруга философа смогла преодолеть женские пороки, заслужить уважение и почитание со стороны мужа, а также в каком-то роде стала его соратницей. Дж. Перси Белдсон в своем труде говорит о невероятной преданности Помпеи Паулины своему мужу, которую можно сравнить с преданностью жен других философов-политиков из школы стоиков: они стремились к восстановлению в Риме республики, но считали, что если суждено иметь государству императора, то этот человек должен занимать свое правящее положение по достоинству, а не по праву рождения. Философы выбирали себе таких жен, которые готовы

¹ Сенека, Л.А. Нравственные письма к Луцилию / пер. с латинского С.А. Ошерова; под ред. М.Л. Гаспарова. – Москва, 1977. – С. 261-262.

были разделять с ними и убеждения, и судьбу¹. Кроме того, известно, что помимо отца, воспитанием Сенеки руководили его мать и тетка, которая и привезла племянника в Рим для получения достойного образования, где будущий философ обучался литературе, грамматике и риторике.

Другой женщиной, сыгравшей значимую роль в жизни Сенеки, стала Агриппина Младшая, жена императора Клавдия и мать принцепса Нерона, которая по выражению Тацита «вершила делами Римской державы», управляя так, как если бы власть «находилась в мужской руке»². Она, добившись амнистии для своих сторонников после женитьбы с Клавдием, приложила усилия для возвращения Сенеки из ссылки в Рим и сделала его одним из двух воспитателей наследника престола – сына Нерона. По утверждениям античных историков, философ был причастен к умерщвлению императором своей матери, а после по его приказу составил речь о смерти Агриппины, в которой, выступая в Сенате, пытался доказать, что ее смерть была благом для государства. Так и здесь, несмотря на влияние этой властной женщины на его судьбу, философ остался верен своим мыслям о необходимости четкого разграничения ролей между женщинами и мужчинами в римском обществе.

2.6. Плутарх

Плутарх (46 – 127 гг.) – философ и общественный деятель римской эпохи древнегреческого происхождения. Основные идеи его философии также, как и у Сенеки, затрагивали вопросы морали и этики. В этом

¹ Бэлсдон, Дж. Перси. Женщины Древнего Рима. Увлекательные истории жизни римлянок всех сословий [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «MyBook». URL: <https://mybook.ru/author/dzhon-belsdon/zhenshiny-drevnego-rima-uvlekatelnye-istorii-zhizn/read/?page=6> (дата обращения: 09.02.2025).

² Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том I. Анналы. Малые произведения / под ред. С.Л. Утченко. – Ленинград, 1969. – С. 199.

контексте он не обошел стороной вопрос и о распределении гендерных ролей в обществе.

В своих философских трактатах мыслитель продолжает развивать традиционное представление о женщине, как союзнице и подруге мужчины. Таков был его идеал семьи. Описывая множество типов брака, наилучшим Плутарх считал тот, который был основан на любви, а потому считался наиболее естественным по своей природе («Наставления супругам», 34): « <...> если он [супружеский союз] основан на взаимной любви, образует единое, сросшееся целое; если он заключен ради приданого или продолжения рода, то состоит из сопряженных частей; если же только затем, чтобы вместе спать, то состоит из частей обособленных, и такой брак правильнее считать не совместной жизнью, а проживанием под одной крышей»¹. Так, философ в своих рассуждениях продолжает идею Цицерона и в какой-то степени Сенеки о том, что брак – это не только союз для рождения детей, но и объединение людей, которые в любви своей становятся одним целым. В этом ключе Плутарх дает наставления мужчинам о доброжелательном отношении к жене и заботе о совершенствовании ее добродетелей («Наставления супругам», 48): « <...> для супруги же отовсюду собирай, словно пчела, все хорошее и, принося домой, делись с нею и беседуй, знакомя со всем лучшим, что доведется тебе читать или слышать. <...> Если она [женская душа] не получает семени разумных поучений, не просвещается, не общаясь с мужем, то, предоставленная самой себе, родит множество предрассудков, дурных мыслей и желаний»².

Из высказывания, приведенного выше, заключим, что и Плутарх был сторонником традиционного распределения ролей в обществе и семье, согласно которым мужчина – властвовал и обеспечивал своей супруге

¹ Плутарх. Моралии: Сочинения. – Москва, 1999. – С. 564.

² Там же. С. 568.

достойное образование и жизнь, что препятствовало возникновению у нее пороков. Так, среди благородных качеств женщины философ упоминает любезность, добронравие, уступчивость (22), житейские и нравственные достоинства (29) – именно они, по мнению мыслителя, способны привязать мужчину к себе. Но если жена надменна и неласкова от природы, супругу нужно относиться к этому снисходительно (29). Не стоит супруге и властвовать над мужчинами, поскольку так они «позорят не только их, но еще больше самих себя». «Справедливый же муж», – заключает философ – «повелевает женою не как хозяин собственностью, но как душа телом, считаясь с ее чувствами, и неизменно благожелательно» (33)¹.

Таким образом, и Плутарх, следуя классической концепции, отводит мужчине высшее начало, системообразующую роль, однако же признает за женщиной и доблесть, и необходимость занятия интеллектуальным трудом. В тех же «Наставлениях супругам» (48) мыслитель подчеркивает, что приобщение женщин к «плодам, коими Музы со всею щедростию награждают почитателей наук и философии» даст основание прожить «жизнь столь же славную, сколь и счастливую»². Т.е. Плутарх утверждает, что удел женщины не только домашний труд и забота о собственном внешнем виде, но и работа над внутренним содержанием своей личности. В его воззрениях женщина не выступает порочным объектом отношений, служащим лишь для рождения потомства, но играет важную роль в поддержании гармонии и целостности брачного союза. Причина подобных нравоучений в отношении распределения ролей, возможно, как у Сенеки, кроется в переменах римского общества и попытке философа восстановить прежние традиции брачно-семейных отношений с главенством мужского начала.

¹ Плутарх. Моралии: Сочинения. – Москва, 1999. – С. 561, 563.

² Там же. С. 568-569.

Отдельно стоит отметить мысли Плутарха относительно женской доблести. Так, в жизнеописании Ликурга он посвящает отдельный фрагмент его реформам относительно поведения женского пола. Вступая в полемику с Аристотелем, Плутарх указывает на то, что привлечение женщин к физическим занятиям, воспитанию своего духа не только отражалось на легком прохождении мук родов, но и позволяло спартанкам усваивать благородный образ мыслей, формировало в них уверенность в своих силах и достоинствах, что позволяло приобщаться к доблести и почету¹.

Подчеркивая высокое отношение к женскому полу, Плутарх не соглашается с Фукидидом, который утверждал, что лучшая женщина – та, о которой реже всего говорят, а достоинства ее заключены в замкнутости и домоседе. Философ утверждает, что, напротив, благоденствие женщины должно составлять ее славу в обществе. Плутарх с одобрением относится к римскому закону, согласно которому женщинам после смерти воздавалась похвала наряду с мужчинами, и заключает «одна и та же доблесть существует и для мужчин, и для женщин» («О доблести женской»)².

Плутарх в сравнении со своими предшественниками не только уделяет гораздо большее внимание женскому полу в своих трудах общей направленности, но и посвящает женщинам целые произведения: сочинение «Об Исиде и Осирисе», книга «О доблести женской», где говорит на основании исторических свидетельств о мужестве женщин, что само по себе не вписывается в нормативную концепцию представлений о природе мужского и женского начал. Интересно и то, что из 27 рассказов только 2 посвящены скромности и стыду – тем качествам, которые традиционно соотносились с женскими чертами. При этом философ

¹ Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т.1 / под ред. С.С. Аверинцева. – Москва, 1994. – С. 57.

² Плутарх. Моралии: Сочинения. – Москва, 1999. – С. 389.

выбрал уникальный путь повествования – он говорит не только об известных женщинах, но и о тех, что скрыты, неизвестны. Этим, на наш взгляд, Плутарх демонстрирует, что среди представительниц женского пола на самом деле много выдающихся личностей, о которых можно и нужно говорить. Таким образом, философ, придерживаясь традиционных взглядов, все же формирует совершенно радикальную идею для своего времени – и женщина, наряду с мужчиной, играет важную роль в развитии социума на всем протяжении существования человечества.

Позиции Плутарха прослеживаются и в его семейной жизни. Его женой была Тимоксена. Она вполне соответствовала тем качествам, которые Плутарх относил к достоинствам женщины – спокойный характер, благородство, умение общаться. Тимоксена была образована и стала соратницей супруга в философских и литературных изысканиях. Как вспоминал о Тимоксене Плутарх, она «никогда не проявляла склонности к изысканным нарядам для театра или торжественной процессии, предпочитая обществу болтливых подруг домашние дела, занятия с детьми, и всю жизнь сохраняла глубокий интерес к наукам и искусствам»¹.

Таким образом, Плутарх демонстрирует высоко уважительное отношение к женщине. Понимая брак, как союз любящих людей, становящимся одним целым, философ выводит свод правил счастливой жизни, которые содержат не только представления о послушной, любезной и уступчивой жене, но и призывают мужчин к почитанию супруги, оказанию ей почестей и заботе о ее благосостоянии и образованности. Так, сложилось представление о женщине как о верной супруге, подруге и соратнице мужа, которая, вместе с мужчиной создает гармоничный союз, и не уступает супругу более в возможностях получения образования и реализации своего индивидуально-личностного начала. При господстве традиционных воззрений на природу женщины и мужчины и вытекающего

¹ Гончарова, Т.В. Плутарх. – Москва, 2010. – С. 47.

из этого устройства общественной жизни, мы заключаем, что женщина в идеологических представлениях Плутарха несет за собой иные функции, которые определяют ее как члена социума, к которому относились с доблестью и почетом.

2.7. Сравнительный анализ позиций античных философов по «женскому вопросу»

Античная философия стала отправной точкой развития европейской общественной мысли. Рассматривая наиболее значимые вопросы мироздания, морали и нравственности, общественного и государственного устройства, мыслители античного периода внесли огромный вклад в становление философского и социологического знания, к числу которых относятся и гендерные исследования, становление которых приходится на XX век. Так, резонансный «женский вопрос», или вопрос о разграничении гендерных ролей в обществе, волновал и философов древности. Без обращения к позициям античных мыслителей социокультурный анализ гендерных отношений древнегреческого и древнеримского общества не будет завершен, поскольку своими учениями исследователи рассматриваемого периода не только создавали концепции будущих наук, но и оказывали существенное влияние на формирование греческого и римского менталитета, а впоследствии и на общества других исторических эпох. К тому же введение природы женщин и мужчин в круг философских рассуждений, несмотря на отсутствие специальной гендерной терминологии, позволяет нам заключить об актуальности данных вопросов и для того, строго патриархального, времени, что не может не вызвать интереса.

Итак, обращаясь к идеологическим истокам гендерного вопроса в античном обществе, мы можем обозначить несколько тем по тематике гендера, положения женщин и мужчин в обществе, к которым обращались

наиболее яркие представители философской мысли античности в своих трудах. В структуре представим их так:

1. вопрос о природе полов и качествах, соотносящихся с женским и мужским началом;
2. вопрос о добродетелях;
3. доступность / необходимость образования для женского пола;
4. распределение гендерных ролей в обществе;
5. основа брака как союза мужчины и женщины, взаимоотношения в семье.

Итак, центральный вопрос, который становится основой для рассуждений философов о разнице мужчин и женщин – вопрос о природе полов, под которой мы понимаем не биологические различия, связанные с анатомией, а те качества личности, характера, способности, которые в процессе мироздания были заложены в женщине и в мужчине. В рамках данного вопроса совершенно очевидно, что античная философия надолго предопределила главенство мужского – доминирующего, активного начала над женским – пассивным и подчиняющимся. При этом первое мыслилось как более совершенное, а потому и более свободное в своих проявлениях. Так, Платон соотносил мир идей (центральной причиной всего существующего в его концепции) с мужской природой, а неопределенную материю – с женской. Ему вторит Аристотель, рассуждая о вторичности женского начала (материя, тело) и признавая его «дефектность» в сравнении с мужским (форма, душа). О низменности женской природы, которая сделала женщину существом подчиняющимся, а потому требующим контроля, говорил и Сенека. Подобные взгляды предопределили и соотношение женского пола с такими качествами личности, как неполноценность, зависимость, нерациональность, слабость духа и т.д., в то время как мужчина мыслился свободным, достойным гражданином, обладающим и мудростью, и справедливостью, и рассудком.

Другие представители античной философии – Пифагор, Сократ, Цицерон, Плутарх также подчеркивали разницу женского и мужского начал, однако в своих суждениях они были, как минимум, менее категоричны. Так, Пифагор утверждал, что несмотря на разную природу, и у женщины не меньше положительных качеств, главные из которых – благочестие и способность отдавать последнее на благо другого человека. Цицерон, относя изящество к характеристикам женщины, а достоинство – к мужчинам, высказал довольно радикальную идею о естественном законе и равенстве всех людей от природы, подчеркивая, что социальная стратификация – это явление, искусственно созданное людьми по законам государства. На основании обращения к мыслям Цицерона о спорах вокруг закона Вокония, мы сделали осторожный вывод, что концепция равенства людей действительно признает равными всех вне зависимости от какого бы то ни было критерия, в том числе и полового, что само по себе отбрасывает идею о разной природе по своим характеристикам женщин и мужчин. Плутарх, также рассуждая о соотношении «мужского» и «женского», отводит мужчине роль высшего, властвующего начала, однако же, подчеркивая необходимость подчинения мужскому полу, подчеркивает в женщинах качества, показывающие не низменную ее природу, а доблестную – любезность, добронравие, житейские и нравственные достоинства. Наиболее интересной в этом отношении стала позиция Сократа. В трудах философа мы не находим мыслей о низменности женской природы, напротив, Сократ не проводит различия между мужскими и женскими задатками, потому не отказывает женщине в достижении тех качеств, которые составляют суть нравственного человека – справедливость и рассудительность. Эти качества, по мнению философа, характеризуют добродетельность человека, которая и для мужчины, и для женщины одинакова.

Так, и у других мыслителей, труды которых находятся в поле нашего анализа, мы обнаруживаем рассмотрение вопроса о добродетелях, под которыми в данном случае понимаем характеристики личности, которые определяют положительные нравственные свойства отдельного человека, отражающиеся в его поступках и поведении. Присуща ли вообще женщинам добродетель – такой вопрос задает Аристотель, в каком-то смысле сравнивая женщин как социальную категорию с рабами. И философ заключает, что если и находить у женщин положительные черты, то они будут выражены в послушании, молчании и отсутствии участия в общественном поле. В общем-то женская идентичность и у других философов представлена именно в таком наборе личностных качеств. Однако, как мы уже отмечали, Пифагор ценил женщин за благочестие, Сократ вовсе отмечал равенство в добродетелях мужчины и женщины, признавая за вторыми возможность к развитию и достижению нравственного совершенства. Такого же мнения придерживались и Сенека, который, уравнивая в добродетелях женщин и мужчин, утверждал, что и женщины при должном усердии могут достичь нравственных высот – т.е. мудрости. Высокие моральные качества за женским полом признавал и Плутарх, отмечая их роль в поддержании гармонии и целостности брачного союза.

С вопросом о добродетелях тесно связаны и две следующих темы, поднимаемые философами античности в рамках гендерного вопроса – доступ женщин к образованию наряду с мужчинами и распределение гендерных ролей в обществе. По этим проблемам выделяется опять же позиция сторонника ультрапатриархальных взглядов – Аристотеля, который считал, что, поскольку природа сделала женщин подчиняющимися, следовательно, и развивать их нужно только в той мере, в которой они будут с усердием выполнять свои главные функции – рождение потомства и ведение домашних дел, а основы научного знания

должны быть доступны только тем, кто по природе должен властвовать, а значит управлять обществом и государством – т.е. мужчинам. Древнеримские мыслители Цицерон и Сенека, осуждая царившие нравы во времена их деятельности, также придерживались позиций четкого распределения ролей, где мужчина реализовывал себя в публичной сфере, а интересы женщины сосредотачивались на сфере частно-семейной жизни, однако оба этих философа подчеркивали необходимость получения женщинами образования, развития своих внутренних качеств личности. Сенека даже видел в этом необходимость, поскольку должное обучение помогало сдерживать порочный нрав женского пола. Плутарх, придерживаясь традиционных взглядов, также говорил о необходимости четкого распределения ролей в рамках гражданского коллектива, где женщина была хранительницей домашнего очага. Однако философов в своих воззрениях не закрывал ее в доме, а говорил о необходимости совершенствования во всех сферах, главной из которых была образовательная деятельность. Это, по его мнению, приводило женщин к доблести и почету. Отметим и другую точку зрения в философской среде, которой придерживались Пифагор, Сократ и Платон. Они не только признавали за гречанками и римлянками право на образование и совершенствование, что позволяло реализовывать и развивать их задатки, но и идеологически оформляли возможность для женского пола выходить за рамки домашних обязанностей, обучаться наукам и заниматься физическими упражнениями, наряду с мужчинами играть роль в публичных сферах, заниматься военной службой, т.е. реализовываться в тех сферах, к которым была направлен характер, и, тем самым, определять свою ячейку в социальной иерархии. Дальше всех в этом отношении пошел Платон, который высказал совершенно необычную для своего времени идею о гармоничном обществе, в котором каждый человек занимает свое место и выполняет функции не в соответствии с

биологическим распределением по половому признаку, а сообразно своим способностям и положению, что, конечно, стало отходом от стереотипов патриархального мировоззрения по распределению гендерных ролей.

Интересно проследить и концепцию сущности брака. Если древнегреческие философы (Платон, Аристотель) видели причину необходимости брачного союза только лишь в рождении законных потомков, мыслители Древнего Рима (Цицерон, Плутарх) одним из оснований брака считают возникающие между мужчиной и женщиной любовь, привязанность и уважение. Они подчеркивают, что брачный союз потому ценен, что в нем личности сливаются в одно целое. И, безусловно, при таком отношении к браку, личность женщины, в нем состоявшей, ценилась куда больше.

Если у Цицерона и Плутарха личности мужчины и женщины сливались воедино в восприятии брака, то Платон в отношении объединения мужского и женского начала высказывал еще одну идею, сыгравшую важную роль в формировании уже в XX веке гендерной теории – идея о соединении в одном человеке мужских и женских черт, которые в совокупности составляли сильное гармоническое начало. Эти представления легли в формирование понятия «андрогинии», о нем мы говорили также, обращаясь к персонажам мифологической системы Древней Греции. Так, андрогины становятся теми индивидами, которые одновременно демонстрируют и женские, и мужские черты, и эта концепция говорит нам о том, что каждый человек, вне зависимости от пола, уникален и обладает свойственным только ему набором черт характера. Это понятие, таким образом, отвергает гендерные предрассудки, основанные на чисто биологическом предопределении каждого человека.

Обращаясь к идеологическим истокам гендерных отношений в трудах античных мыслителей, небезынтересно было проследить, как их

позиции отражаются в личной жизни. Мы смогли подчеркнуть удивительные сведения о том, что союзы всех рассматриваемых нами философов строились на любви и уважении супругов. Многие из жен становились верными соратницами мыслителей в литературных, философских изысканиях или даже в политических делах, как, например, жена Цицерона Теренция. Эти факты показательны с точки зрения того, как на самом деле выстраивались отношения между полами в античных обществах, пусть и на примере исключительных людей, коими были философы того времени.

Таким образом, заключаем, что, во-первых, смело можем говорить о том, что античная философия стала отправной точкой осмысления гендерных вопросов, касающихся распределения ролей в обществе между мужчиной и женщиной и положения полов. Во-вторых, проанализировав взгляды самых ярких представителей философской мысли античности по вопросам женской и мужской природы, черт, приписываемых тому или иному полу, добродетелей, доступа мужчин и женщин к разным сферам жизни, а также сущности и цели брака, мы можем сделать вывод о том, что античная философия опирается на традиционные патриархальные взгляды, которые предполагали выстраивание четкой оппозиции между мужским и женским началом, первое из которых считалось доминирующим и активным, в то время как женское мыслилось подчиняющимся и пассивным. Эти представления отражались и в реальной жизни, где женщине предписано было, главным образом, заниматься частно-семейной сферой и играть дополнительную к мужчине роль в социуме. Однако, с другой стороны, мы отметили постепенное возникновение и идеологическое оформление идей, говоривших о необходимости признания за женщиной индивидуально-личностного начала, признания за ней добродетельных качеств, в которых она не уступает мужчине. Именно в античной философской среде появляются первые представления о

внутричеловеческой гармонии мужского и женского начала, и о необходимости равного развития и образования полов для совершенствования всего общества. Идеино не допуская женщин к участию в политической сфере, древнегреческие и древнеримские философы определили для женского пола возможность заниматься иными делами, которые выходили за рамки семьи и дома и соответствовали склонностям и способностям отдельной личности. К тому же, именно мыслители античности заложили сомнения в биологической природе неравенства, утверждая о том, что все люди по задаткам равны от рождения, а дальнейшее их становление и совершенствование зависит от образования и воспитания, и равным образом эти идеи относились как к мужскому, так и к женскому полу. В будущем эти положения обусловят ключевые положения теории о гендерном равенстве полов.

Заключение

XXI век ознаменован кардинальными переменами мирового сообщества, в частности социокультурных систем, трансформация которых отражает складывание новых концептуальных принципов устройства современного общества. Эти изменения касаются, в том числе, и сферы гендерных отношений, поскольку сегодня мы наблюдаем очевидную трансформацию образа женского пола, что основано на разрушении гендерных стереотипов и включении в общественное сознание идеи равенства полов.

Совершенно очевидно, что разные исторические периоды дают нам неодинаковые представления о «гендере» и «гендерной идентичности», так как в этих понятиях находят отражение идеалы конкретной эпохи, а потому и социальные роли, и природа мужчин и женщин будет определяться в соответствии с этими ценностями. В то же время социальный статус и мужчин, и женщин во все исторические эпохи подлежал изменению под влиянием конкретных условий.

Современные исследователи приходят к выводу о существовании аналогии в историческом развитии древнего и современного мира и утверждают, что слом гендерных стереотипов в отношении оппозиции «мужское – женское» начался еще в античный период. Не отвергая четко определенную характеристику общества античности, как общества патриархального, интересным для нас представилось проследить истоки таких взглядов. В рамках своей темы мы остановились на социокультурных факторах, поскольку они отражают формирование типизаций поведенческих установок полов на основании не только идеологических концепций, а также общественных представлений, деятельности конкретных личностей и культурных явлений (как отражение мировоззренческих аспектов общества).

Проанализировав сформированные античным обществом представления о нормативах поведения, предписываемых мужчинам и женщинам (с акцентом на формирование женской идентичности), мы заключили, что в большинстве известных случаев история Древней Греции и Древнего Рима воссоздает перед нами картину с четко обозначенной оппозицией «мужского» и «женского» мира, где свободный гражданин мужского пола активно отправляет все возможные общественные функции, в то время как женщина заключалась в частно-семейную сферу, а основными задачами, которые определяли в конечном счете ее роль в обществе и достоинство, были рождение потомства и ведение домашнего хозяйства. В основе подобных ограничений и различного рода регуляций лежали общественные представления о биологической природе неравенства мужского и женского пола.

Однако, продолжая свое исследование, мы обозначили, что сам по себе пол как основание гендерной стратификации не всегда определял единый статус для женщин античности. Мы обратились к основам мировоззрения общества того периода, а также к событиям общественной жизни в попытке найти непосредственные свидетельства той атмосферы и идеологии, которые не на теории, но в жизни складывались вокруг восприятия женщины и приводили к постепенному размыванию в античности гендерных стереотипов в отношении биологически предопределенного неравенства полов.

Рассматривая античную мифологию на предмет гендерного фактора, мы заключили, что согласно мифологической системе древних греков, рисующей перед нами все же патриархальную систему мироустройства, женщина в сравнении с природой сочетала в себе два противоположных начала – созидательное и разрушительное, при этом часто через образы богинь она воспринималась активно действующим персонажем, наполненным самодостаточностью и чувством собственного достоинства,

с яркой позицией и с признанной доблестью, что иной раз находило свое выражение через противопоставление с отрицательными качествами мужской части олимпийского пантеона. Кроме того, мы сделали вывод о том, что сочетание «мужского» и «женского» начал в мифологии создает картину гармоничности и стабильности в обществе, что само по себе несет идею признания ценности и женщин, и мужчин. А идея о сочетании в одном мифологическом персонаже и мужских, и женских качеств сформировала представления об индивидуальности каждого человека, опять же вне зависимости от биологической природы. Эти, а также другие идеи античной мифологии повлияли на складывание основных вопросов гендерной теории с признанием ценности каждой личности в будущем.

Анализируя вопрос о гендерных отношениях в обществе Древней Греции, мы пришли к выводу о том, что в сугубо патриархальном мире древнегреческого общества, где в основе распределения ролей между мужчиной и женщиной лежали гендерные стереотипы и предрассудки о низменности женского начала, существовали формальные и неформальные каналы социальной активности и для женщин – участие в ритуальной сфере жизни полиса, отход от традиционной морали и провозглашение права свободной любви (гетеризм), стремление к общественной и политической деятельности, а также достижение высокого уровня умственного развития и образования. Эти «социальные лифты» позволяли гречанкам занимать свое место в полисной организации, которое основывалось не на предписываемых гендерных ролях, а на индивидуально-личностных качествах. Так, мы проследили зачатки трансформации общественно-идеологической атмосферы, которая складывалась вокруг гендерных отношений, что создало перед нами иную картину жизни общества Древней Греции того времени.

Приступая к рассмотрению гендерного фактора в Древнем Риме, мы исходили из того, что, несмотря на патриархальный характер устройства

римского общества и признание за женщиной необходимости нахождения в сфере частно-семейных отношений, римская история фактически воссоздает нам иной образ римлянки, почитаемой и уважаемой своим обществом. Помимо этого, мы выделили несколько сфер или эпизодов из жизни Древнего Рима, которые, отбрасывая гендерные предрассудки и стереотипы, формируют представления о римской женщине как значимом субъекте жизни государства, способном реализовывать личные таланты и потребности. Так, наивысшее положение женщины в древнеримском обществе отражает жреческая коллегия весталок, пользовавшихся особыми привилегиями вследствие почитания обществом. Проанализировав правовые нормы, мы заключили, что древнеримское право – стало первым этапом на пути оформления юридического статуса женщины, и даже несмотря на то, что он мыслился в контексте дополнительной роли женщин в мужской системе жизни, статус римлянок с течением времени модифицируется в сторону расширения правоспособности и дееспособности – юридической самостоятельности, что явилось следствием изменения института опеки. В результате женщина Рима периода поздней Республики и Империи – часто независимый субъект деятельности, способный влиять на общественные процессы, происходящие в государстве. Большая роль римских женщин показана и через участие их в культурно-досуговой деятельности, одним из проявлений которой стала благотворительность. И, конечно, наивысшей точкой признания достоинства и значения женщин в жизни римского общества стала череда жен и матерей императоров. Они, будучи закулисными деятелями, вносили решающий вклад в реализацию властных полномочий царствующими мужьями, супругами и отцами, что, очевидно, говорит об их влиянии на политическую жизнь Рима и, пусть опосредованной, но власти. Так, мы заключили, что история римского общества показывает нам исключительные эпизоды, позволяющие

говорить о том, что не половая принадлежность определяла признание человека и его доблести, а результаты его трудов, деятельности и то значение, которое он [человек – мужчина или женщина] играл в обществе и государстве, что вполне себе соответствует идеям гендерной концепции о превалировании индивидуального начала над той ролью, которая отведена человеку природой, т.е. полом.

Подводя общий итог анализу гендерного вопроса в обществе Древней Греции и Древнего Рима, мы делаем вывод, что, согласно патриархальным устоям древних греков и римлян, а также превалирования андроцентрического подхода в устройстве общественной жизни, женская идентичность была определена в рамках реализации двух главных задач – добропорядочное ведение домашнего хозяйства и воспроизводство населения. Однако трактовки дозволенного «мужского» и «женского» в античности мы не можем назвать однозначными – несмотря на то, что понимание роли женщины происходило, как правило, в рамках сравнения с «эталонном» – мужчиной, все же мы заключаем, что в античном обществе существовали каналы, позволяющие женщинам выйти за пределы обозначенной сферы и реализовывать иные позиции, основанные на осуществлении не определенных обществом функций, исходя из биологической природы, а индивидуально-личностного начала, что разрушало стереотипы и предрассудки в отношении социальных ролей мужчины и женщины.

И, наконец, социокультурный анализ гендерных отношений в античности не был бы полным без обращения к другим основам мировоззрения древних греков и римлян – идеям и мыслям античных философов, поскольку они, во-первых, возникали как ответы на резонансные вопросы своего времени, и, во-вторых, оказывали существенное влияние на складывание античного менталитета. На основании анализа трудов наиболее ярких мыслителей того времени, мы

пришли к выводу, что античная философия стала отправной точкой осмысления гендерных вопросов, касающихся распределения ролей в обществе между мужчиной и женщиной и положения полов. Опираясь на традиционно-патриархальные взгляды, которые предполагали выстраивание четкой оппозиции между мужским – доминирующим и женским – второстепенным началом, все же философы античности (за исключением, пожалуй, Аристотеля) заложили идеологические основы концепций, говоривших о необходимости признания за женщиной индивидуально-личностного начала, признания за ней добродетельных качеств, в которых она не уступает мужчине. Именно в античной философской среде появляются первые представления о внутрочеловеческой гармонии мужского и женского начала, о необходимости равного развития и образования полов для совершенствования всего общества. Идеино не допуская женщин к участию в политической сфере, древнегреческие и древнеримские философы определили для женского пола возможность заниматься иными делами, которые выходили за рамки семьи и дома и соответствовали склонностям и способностям отдельной личности. К тому же, именно мыслители античности заложили сомнения в биологической природе неравенства, утверждая о том, что все люди по задаткам равны от рождения, а дальнейшее их становление и совершенствование зависит от образования и воспитания, и равным образом эти идеи относились как к мужскому, так и к женскому полу. В будущем эти положения обусловят ключевые положения теории о гендерном равенстве полов.

Таким образом, делаем общий вывод, что в строго патриархальном мире античного общества, по нашему мнению, за женщинами признавалась возможность реализации индивидуально-личностного начала наряду с мужчинами, а потому были заложены как основы для устранения в будущем гендерных стереотипов, так и некоторые идеи гендерного

равенства. Это проявилось в деятельности женщин античности, в мировоззренческих установках общества того периода относительно гендерных отношений, представленных в мифологической системе, а также в философском оформлении подобных идей в трудах античных мыслителей. Так, культурно-созидательная активность античных женщин по изменению общественно-идеологической атмосферы в совокупности с ментальными характеристиками тех обществ, отраженными в мифологии, а также авторитетным мнением философов античности в конечном счете повлияли на складывание в будущем ключевых положений концепции гендерного равенства.

Источники и литература

Источники

1. Авл Геллий. Аттические ночи. Книги I – X / пер. с латинского; под ред. А. Я. Тыжова. – Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия, 2007. – 480 с.
2. Античные гимны / под ред. А.А. Тахо-Годи. – Москва: МГУ, 1988. – 362 с.
3. Аристотель. Афинская полития / пер. с греческого С.И. Радцига. – Москва: Академический проект, 2020. – 215 с.
4. Аристотель. О возникновении животных /пер. с древнегреческого; под ред. В.П. Карпова. – Москва: Издательство Академии наук СССР, 1940. – 250 с.
5. Аристотель. Политика / пер. С.А. Жебеле. – Москва: Директ-Медиа, 2012. – 258 с.
6. Аристотель. Сочинения в 4 томах. Т.4 / пер. с древнегреческого; под общ. ред. А.И. Доватура. – Москва: Мысль, 1983. – 830 с.
7. Валерий Максим. Девять книг достопамятных деяний и высказываний / пер. с латинского А.М. Сморчкова. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2020. – 468 с.
8. Гай. Институции / под ред. В.А. Савельева. – Москва: Юрист, 1997. – 368 с.
9. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / под ред. С.Л. Утченко. – Москва: Наука, 1964. – 375 с.
10. Геродот. История в девяти книгах / пер. с греческого Г.А. Стратановского; под ред. С.Л. Утченко. – Ленинград: Наука, 1972. – 601 с.
11. Гомер. Илиада / пер. Н.И. Гнедича. – Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – 435 с.

12. Гортинские законы / пер. С. В. Мирошникова // Записки Императорского Русского Археологического Общества. Т. III. – Санкт-Петербург, 1888. – с. 317-340.
13. Демосфен. Речи: в 3 т. Т. 2 / под ред. Е.С. Голубцовой. – Москва: Памятники исторической мысли, 1994. – 544 с.
14. Дигесты Юстиниана / под ред. Л.Л. Кофанова. – Т. IV. – Москва: Статут, 2004. – 780 с.
15. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М.Л. Гаспарова; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва: Мысль, 1986. – 571 с.
16. Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LI-LXIII / пер. с древнегреческого; под ред. А.В. Махлаюка. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2014. – 680 с.
17. Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / пер. с латинского и коммент. Н.Н. Трухиной. – Москва: Издательство МГУ, 1992. – 208 с.
18. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том I. Анналы. Малые произведения / под ред. С.Л. Утченко. – Ленинград: Наука, 1969. – 444 с.
19. Ксенофонт. Воспоминания о Сократе / пер. с древнегреческого; под ред. С.И. Соболевского. – Москва: Наука, 1993. – 379 с.
20. Ксенофонт. Киропедия / под ред. С.Л. Утченко. – Москва: Наука, 1976. – 334 с.
21. Ксенофонт Афинский. Сократические сочинения / пер. С.И. Соболевского. – Москва: Академия, 1935. – 417 с.
22. Павсаний. Описание Эллады. Т. 2. Книги V-X. / пер. с древнегреческого С.П. Кондратьева; под ред. Е.В. Никитюк. – Санкт – Петербург: Алетейя, 1996. – 551 с.
23. Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту. Том. I, годы 68-51 / пер. и В.О. Горенштейна; под ред. И.И.

- Толстого. – Москва-Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1949. – 536 с.
24. Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т. 1. / пер. с древнегреческого; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва: Мысль, 1990. – 860 с.
25. Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т.2 / пер. с древнегреческого; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва: Мысль, 1993. – 528 с.
26. Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т.3 / пер. с древнегреческого; под ред. А.Ф. Лосева. – Москва: Мысль, 1994. – 654 с.
27. Платон. Собрание сочинений в 4 томах. Т.4 / под ред. А.Ф. Лосева. – Москва: Мысль, 1994. – 830 с.
28. Плиний Младший. Письма. Книги I-X / пер. М.Е. Сергеенко, А.И. Доватура; под ред. И.И. Толстого. – Москва: Наука, 1950. – 578 с.
29. Плутарх. Моралии: Сочинения. – Москва: ЭКСМО – Пресс, 1999. – 1120 с.
30. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т.1 / под ред. С.С. Аверинцева. – Москва: Наука, 1994. – 702 с.
31. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т.2 / под ред. С.С. Аверинцева. – Москва: Наука, 1994. – 672 с.
32. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в двух томах. Т.3 / под ред. М.Е. Грабаря - Пассека. – Москва: Наука, 1964. – 546 с.
33. Похвала Турии / пер. и комм. В.О. Горенштейна // Вестник древней истории. – 1970. – № 4. – с. 217-223.
34. Публий Овидий Назон. Собрание сочинений. Т 1. [Электронный ресурс] / Сайт античной литературы. URL: <https://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1303004001#90> (дата обращения: 31.01.2025).
35. Сенека, Л.А. Нравственные письма к Луцилию / пер. с латинского С.А. Ошерова; под ред. М.Л. Гаспарова. – Москва: Наука, 1977. – 383 с.

36. Сенека, Л.А. Философские трактаты / пер. с латинского, коммент. Т.Ю. Бородай. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – 400 с.
37. Страбон. География в 17 книгах / пер. Г.А. Стратановского; под ред. С.Л. Утченко. – Москва: Наука, 1964. – 943 с.
38. Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. I / пер. М.Л. Гаспарова; под ред. Е.С. Голубцовой. – Москва: Наука, 1989. – 576 с.
39. Тит Ливий. История Рима от основания города. Т. III / пер. М.Л. Гаспарова; под ред. Е.С. Голубцовой. – Москва: Наука, 1993. – 777 с.
40. Цицерон. Диалоги / пер. с латинского; под ред. С.Л. Утченко. – Москва: Наука, 1966. – 224 с.
41. Цицерон, М.Т. Моральные размышления. О старости, о дружбе, об обязанностях / пер. с латинского. В. Петухова, В. Горенштейна. – Москва: РИПОЛ классик, 2020. – 450 с.
42. Цицерон, М.Т. О пределах добра и зла. Парадоксы стоиков / пер. с латинского Н.А. Федорова. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. – 474 с.
43. Цицерон, М.Т. Три трактата об ораторском искусстве / под ред. М.Л. Гаспарова. – Москва: Наука, 1972. – 472 с.
44. Цицерон, М. Т. Тускуланские беседы / пер. с латинского М. Гаспарова. – Москва: РИПОЛ классик, 2017. – 360 с.
45. Цицерон, М.Т. Философские трактаты / под ред. Г.Г. Майорова. – Москва: Наука, 1985. – 382 с.
46. Эллинские поэты VIII – III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / под ред. М.Л. Гаспарова. – Москва: Ладомир, 1999. – 515 с.
47. Ювенал. Сатиры / под ред. В.С. Дурова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 1994. – 221 с.
48. Ямвлих. О Пифагоровой жизни / пер. с древнегреческого И.Ю. Мельниковой. – Москва: Алетейя, 2002. – 192 с.

Литература

49. Андреев, Ю.В. Спартанская гинекократия // Женщина в Античном мире. – Москва: Наука, 1995. – с. 44-62.
50. Античная литература: учебник для студентов педагогических институтов / А.Ф. Лосев / под ред. А.А. Тахо-Годи. – Москва: Просвещение, 1986. – 464 с.
51. Бакстон, Ричард. Греческая мифология, сформировавшая наше сознание / пер. с англ. Ю. Агаповой. – Москва: Манн, Иванов и Фербер, 2023. – 288 с.
52. Бовуар С. де. Второй пол. Т.1 и 2 / пер. с франц. С.Г. Айвазовой. – Москва: Прогресс, 1997. – 832 с.
53. Болен, Дж. Ш. Богини в каждой женщине [Электронный ресурс] // Библиотека «Куб». URL: https://psv4.userapi.com/s/v1/d/pkYCM9SpwjDLUn2NwucfMIts-vP8EXY3QT3OKAYKHWqoEfkt9B_9DmtdylaT9P9rbL1JDxt1LGoJNj1ojRULB9DSGKdyPpOkl6w43Nih_2QInn5o9YBL6g/Dzh_Sh_Bolen_Bogini_v_kazhdoy_zhenschine.pdf (дата обращения: 24.01.2025).
54. Боннар, А. Греческая цивилизация [Электронный ресурс] // Сайт античной литературы. URL: <http://antique-lit.niv.ru/antique-lit/bonnar-grecheskaya-civilizaciya/index.htm> (дата обращения: 16.01.2025).
55. Брандт, Г.А. Человек на обочине, или «Место» женщины в истории европейской философии // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – Москва: ИВИ РАН, 2002. – №4. – С. 10
56. Брюле, П. Повседневная жизнь Древнегреческих женщин в классическую эпоху / пер. с французского Т.А. Левиной. – Москва: Молодая гвардия, 2005. – 239 с.
57. Бузескул, В. Женский вопрос в Древней Греции. – Харьков: издание книжного магазина П.А. Брейтигама, 1905. – 42 с.

58. Бэлсдон, Дж. Перси. Женщины Древнего Рима. Увлекательные истории жизни римлянок всех сословий [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «MyBook». URL: <https://mybook.ru/author/dzhonbelsdon/zhenshiny-drevnego-rima-uvlekatelnye-istorii-zhizn/read/?page=6> (дата обращения: 02.02.2025).
59. Вардиман, Е. Женщина в Древнем мире / пер. с нем. Харитоновой М.С. – М.: Наука, 1990. – 355 с.
60. Варнеке, Б. Женский вопрос на афинской сцене // Б. Варнеке. – Казань, 1905. – 62 с.
61. Винничук, Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима / пер. с польского В.К. Ронина. – Москва: Высшая школа, 1988. – 496 с.
62. Гиро, П. Частная и общественная жизнь римлян [Электронный ресурс] // История древнего мира. URL: <http://ancientrome.ru/publik/article.htm?a=1262396059> (дата обращения: 20.01.2025).
63. Гончарова, Т.В. Плутарх. – Москва: КомКнига, 2010. – 208 с.
64. Горончаровский, В.А. Арена и кровь: Римские гладиаторы между жизнью и смертью. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2009. – 256 с.
65. Гуревич, Д, Рансат – Шарлье, М.Т. Повседневная жизнь женщин в Древнем Риме / пер. с французского Н.Н. Зубковой. – Москва: Молодая гвардия, 2006. – 260 с.
66. Гусейнов, Г.Ч. Категория пола в мифе [Электронный ресурс] // Портал: ПостНаука. URL: <https://postnauka.org/video/65233> (дата обращения 24.01.2025).
67. Джарман, О.А., Микиртичан, Г.Л. Судьба детей подкидышей в античном мире // Медицина и организация здравоохранения. – 2018. – №1. – с. 49-59.

68. Жид, П. Гражданское положение женщины с древнейших времен / под ред. Ю. Гамбарова. – Москва: Книжное дело, 1902. – 479 с.
69. Жмудь, Л.Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. – Москва: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – 445 с.
70. Зеркало Лайдды. Истории Античных гетер. – Москва: Эскмо, 2002. – 416 с.
71. Зурабова, К. А. Мифы и предания. Античность и библейский мир: популярный энциклопедический словарь / К. А. Зурабова, В.В. Сухачевский. – Москва: ТЕРРА, 1993. – 277 с.
72. Я – 600 с.
73. Кипервар, Е.А., Севелова М.А. Предпосылки зарождения представлений о гендере в античной философии [Электронный ресурс] // Омский научный вестник. – 2012. – №3 (109). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predposylki-zarozhdeniya-predstavleniy-o-gendere-v-antichnoy-filosofii> (дата обращения: 12.01.2025).
74. Колосовская, Ю.К. Образ римской женщины в Паннонии // Женщина в античном мире. – Москва: Наука, 1995. – с. 142-155.
75. Кофанов, Л.Л. Жреческие коллегии в Раннем Риме. К вопросу о становлении римского сакрального и публичного права. – Москва: Наука, 2001. – 328 с.
76. Кравчук, А. Галерея римских императриц / пер. с польского Е.В. Смирновой. – Москва: Астрель, 2010. – 318 с.
77. Кравчук, А. Перикл и Аспазия / послесловие Т. В. Блаватской. – Москва: Наука, 1991. – 268 с.
78. Кривошта, Н.А. Демографические и психологические аспекты некоторых женских образов в греческой лирике и драматургии // Женщина в античном мире. – Москва: Наука, 1995. – с. 63-74.
79. Левицкий, Г. В плену страстей. Женщины в истории Рима [Электронный ресурс] // Онлайн-библиотека «Booksonline.com.ua». URL:

- <https://booksonline.com.ua/view.php?book=47422> (дата обращения: 02.02.2025).
80. Лихт, Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции / пер. с английского В.В. Федорина. – Москва: Крон-Пресс, 1995. – 400 с.
81. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Том VI. Поздний эллинизм. – Москва: АСТ, 2000. – 960 с.
82. Макарова, Е.Е. Ликурговы традиции и пифагорейская политическая практика (на примере Кротона) // Вестник Санкт-Петербургского университета. – 2010. – №2. – С. 50-58.
83. Марк, Дж. Дж. [Женщины из культа Афины](#) [Электронный ресурс] // Энциклопедия мировой истории. URL: <https://www.worldhistory.org/article/74/the-women-of-athenas-cult/> (дата обращения 28.01.2025).
84. Мархинин, В.В. Античная Греция: идея гендерного равенства // Философская мысль. – 2016. - № 7. – с. 23-48.
85. Миронов, В.Б. Древняя Греция. – Москва: Вече, 2006. – 631 с.
86. Обидина, Ю. С. И все-таки Адам и... Ева: греческая женщина в свете современных гендерных подходов // Диалог со временем. – 2014. - №47. – с. 294-310.
87. Обидина, Ю.С. Специфика гендерных ролей в античном полисе: роль греческой драмы в становлении женской идентичности // Вестник Марийского государственного университета. – 2014. – №1 (13). – с. 150-153.
88. Петров А.В. Женщина в религии и философии античности // Культурологические исследования из истории древнего мира и средних веков: проблемы женственности. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. – с. 95-112.

89. Пушкарева, Н.Л. Гендерная проблематика в исторических науках // Введение в гендерные исследования. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2001. – Всего с. 708
90. Пушкарева, Н.Л. Предмет и перспективы гендерного подхода в исторических науках. // Пол и гендер в науках о человеке и обществе. – Тверь, 2005. – с. 19-43.
91. Римское частное право: учебник / коллектив авторов; под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Претерского. – Москва: КНОРУС, 2021. – 608 с.
92. Ростовская, Т.К., Бедрина Е.Б. Генезис демографических концепций в Древней Греции // Человеческий капитал. – 2023. - №1 (168). – с. 109-115.
93. Савиньи Ф.К. фон. Система современного римского права. Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина; под ред. О. Кутателадзе. – Москва: Статут, 2011. – 510 с.
94. Селиванова, Л.Л. Гендерные исследования в антиковедении // Адам и Ева. Альманах гендерной истории. – Москва: ИВИ РАН. – 2007. - №14 – с. 7-36
95. Сергеенко М. Е. Жизнь древнего Рима. – Санкт - Петербург: Летний Сад, 2000. — 368 с.
96. Словарь гендерных терминов [Электронный ресурс] / сост. А.А. Денисова. // Портал «Женщина и общество». URL: <http://www.owl.ru/gender/270.htm> (дата обращения: 11.01.2025).
97. Суриков, И.Е. Античная Греция: Ментальность, религия, культура. – Москва: Языки славянской культуры, 2015. – 720 с.
98. Суриков, И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 144 с.
99. Тронский, И. М. История античной литературы: учебник для университетов и педагогических институтов. – Москва: Высшая школа, 1988. – 464 с.
100. Фатыхов, С.Г. Мировая история женщины: Опыт сравнительной фактографии. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2004. – 792 с.

101. Чаплыгина, Н.А. Римская женщина в правление Августа // Женщина в античном мире. – Москва: Наука, 1995 – с. 104-130.
102. Шашков, С.С. Исторические судьбы женщины, детоубийство и проституция. – Санкт-Петербург: Типография Ф.С. Сущинского, 1872. – 590 с.
103. Шибаршина, О.Ю., Гендерные модели мифологических систем Европы и современности // Научный вестник МГТУ ГА. – 2014. – № 203. – с. 201 – 206.
104. Шипилов, А.В. Оппозиция «мужское-женское» в античности. Ч. 1 // Человек. – 2015. – №2. – с. 95-111.
105. Шпет, Т. «Власть женщин» в Ранней Римской империи? Критический взгляд на исторические представления о «женах цезарей» / пер. с немецкого Т.И. Дудниковой // THESIS. – 1994. - №6. – с. 242-269.
106. Энциклопедия Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А [Электронный ресурс] // URL: <http://www.brocgaus.ru/text/028/149.htm> (дата обращения: 21.01.2025).
107. Эргон, Ж. Повседневная жизнь этрусков [Электронный ресурс] // Электронная библиотека «RoyalLib.com». URL: https://royallib.com/read/ergon_gak/povsednevnyaya_gizn_etruskov.html#0 (дата обращения 01.02.2025).